

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 2(38)-2019

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Каринэ Гаспарян Только не вздумай делать меня из ребра	5
Вячеслав Тюнькин Не по тяглу, видать, гужи.....	7
Светлана Ивана Светить всегда и всем	9
Анатолий Кухтурский Два стихотворения.....	9
Татьяна Ческидова Припадёт холодными губами	23
Феликс Андреев Поэма-ожидание (письма, размышления, телеграммы).....	25
Михаил Авдейчик И слушай зов сердец	27
Александр Кукушкин Басни и сказки	35
Елена Иванова Расставлю многоточия.....	41
Людмила Карнаухова На алфавитном вираже.....	43
Ирина Осмачко Вот плачет и плачет душа.....	44
Валерий Дивянин Ветер горькие ивы качает упруго	47
Александр Фунштейн Раньше солнце лучше грело	47
Галина Козлова Всем миром	49
Галина Афимова До святой — не доросла	50
Владимир Яковлев И время вновь тебя коробит.....	52
Илья Весенин Судьба соблазном дразнит (стихи с присказкой).....	53

Инна Карпюк Три стихотворения	59
Ирина Соловьева Не те рассветы и не тот закат.....	59
Иван Вороничев Высоко в разгаре дня	62
Ирина Шукшина Хочу сегодня вас благодарить.....	62
Татьяна Николаева Любовь моя прозрачна и чиста.....	63
Наталья Дубровина Чтоб святой молитвою.....	65
Виктор Селиванов Такие, друг мой, пироги	76
Александр Горелов Кокандцы	77
Тулеген Наурзбаев Прислушайтесь вы к сердцу века.....	79
Марина Шалыгина Предполагаем жить, но вдруг... ..	80
Нэлли Кизилова Но русский дух не побеждён.....	81
Тамара Барейшина В нашей памяти остались.....	86
Анатолий Омельчук Кого же мне благодарить	87
Серафима Москвина Вспоминаю особенно ясно	88
Лидия Осминина Связь между нами незрима	89
Галина Савельева А время мчит неумолимо.....	92
Наталья Ушакова Сказочные истории	93
Лев Львов Светунец	95

Проза. Драматургия

Алла Федосеенкова	Славка, сны и Лунный пёс (сказка).....	10
Михаил Рудковский	О птицах (короткие рассказы)	28
Виктор Ружин	Авария	33
Олег Иванов	Волчья месть	54
Валерий Мякушко	Спасибо, не надо!	66
Виктор Родин	Книга царя Соломона.....	70
	Гром небесный.....	74

Андрей Смолук	Странная рыба	83
Наталья Сумина	Девушка собирается на свидание (зарисовка)	84
	Чёрный кот (шутка)	84

Публицистика. Культура

Наталья Паршукова	Уголовное дело.....	85
Зоя Романова	Дуэт	90
Неонила Осмачко	Студенческие байки	91
Павел Хрипко	Капитанский сын	97

Победа 74

Нина Калева-Прохоренко	Рассказы моей мамы	105
Николай Банных	Вспоминая наставника	116

Гостевая

Вера Кузьмина «Ну когда же косилки жалели траву?..»	118
--	-----

Детская комната

Ольга Ковалёва	Откуда приходит Новый год.....	119
Зоя Савина	Девочка-русалка	121

Молодые голоса

Сергей Романцов Воспоминание воздуха.....	122
--	-----

Край родной

Анатолий Кухтурский

Атаманка 124

ОПЫТЫ

Людмила Куковенкова Я куда-то спешила..... 125

Маргарита Медведева Я не была на той войне 126

Маргарита Кононенко Хомутино мое..... 127

Ольга Кучерюк Оголенные нервы, оголенные души..... 129

Валентина Машнина Весна — такая молодая 130

Домашнее задание

Инна Карпюк

Дела торговые... 131

Лидия Осминина

Нежданный гость 132

Книгочей

Янис Грантс

Тюнькин В. Ф. Покаяние 133

Летунова С. Ю. Звонница..... 134

Карнаухова Л. М. На алфавитном вираже 135

Кухтурский А. Г. Полены горький дух 136

Фёдорова-Косарева Г. С. Принять как благо..... 137

Из почты

Положение о конкурсе «Одно стихотворение — один победитель» 138

Только не вздумай делать меня из ребра

* * *

Как пластилин, меня
меж пальцев мяли.
Лепили много
маленьких фигур.
И по перу
мне крылышки ломали,
Окрашивая
пальцами в пурпур.
И я всегда
сдирала раньше корку
И становилась
гномом и грибком.
А быть бруском
нетронутым что толку
В коробке
без цены и с голубком.

* * *

А ты пришла опять без стука,
Моля глазницами без сна.
И леса дальняя излука
Твоей рукой обнажена.

По дому эхо бродит гулко,
Ты ничего не говори.
Наешься чаем с белой булкой.
Усни, укутайся, умри.

И я с тобой прилягу тоже,
В апреле нас найдет весна.
Еще румяней и моложе,
Тоской чужой обожена.

* * *

Нашлась бы в сенках мне сума,
Ушла бы, веришь ли сама.
Меня б окликнула кума,
А я ни строчки, ни письма.
С пригорка глянула б окрест,
И поскорей из этих мест.
К реке, к уставшему жнивью,
К осине, к спящему зверью.
Но кошка ищет молоко,
И счастье где-то далеко.
И тесто ходит на печи,
И дети просят калачи.

* * *

Выходят бесы из квартиры,
Надев пальто по одному.
И поглощают бесов дыры
В свою услужливую тьму.

В прихожей, круто выгнув спину,
Вопит утробно белый кот.
Я тоже чую чертовщину,
Рукою закрывая рот.

* * *

То, что, закрыв печатью,
Отче сберег для нас,
Всех матерей матери
Нам подарит в свой час.

Крикнешь во сне: — Ой, лихо,
Ой, накрывает тьма.
Мати ответит тихо:
— Ты уж теперь сама.

* * *

Я на рынок,
я скоро буду.
Ты поддержи
огонь в очаге.
Только не
предавайся блуду.
Я подумываю
о пироге...

* * *

Нахожу тебя
везде и нигде.
Только не отпускай меня
вовек и отныне.
Это Андрей,
тот ходил по воде,
Сорок лет уже
хожу по пустыне.
Ничего, что жарко
и в горле ком.
Все, что хочется,
снова становится синим.
Я забываю
иногда о том,
Кто ты и кто я
вовек и отныне.

* * *

Вместе с нами уходят в вечность
Локон, стон, поворот лица.
Интонация и беспечность,
Смех, оранжевая пыльца.
Мы стирали печать главенства,
Мы читали себя с листа.
Постижение совершенства
Запечатывает уста.

Не по тяглу, видать, гужи

* * *

Они —
К текущему моменту:
Аплодисменты,
Позументы
(к мундиру),
Орденские ленты...
А напоследок —
Монументы.

* * *

По чьей вине?
По чьей вине
Ты был намедни
На войне?
По чьей вине топтал народ
Постперестроечный урод?
Ты был солдат
И есть
Солдат.
А он сегодня
Депутат.

Кому —
Одалиски...
Кому —
Обелиски...

Прощаем
Подвиг
И вину —
Мы строим
Новую страну
Порою рукава спустя:
Лес рубим —
Щепки не летят.
Найдётся пул тебе и мне
В постперестроечной стране.

Кому —
Одалиски.
Кому —
Обелиски.

Гадать на картах не берусь.
А на кону —
Святая Русь —
На изумрудовом сукне...
По чьей вине?
По чьей вине?!
«Россия вспрянет ото сна...»,
Воздастся каждому
Сполна.
И впишут
Наши имена:
Кого —
В одалиски,

Кого —
В обелиски...

* * *

Если на планете не останется мужчин —
Жизни быть на свете не останется причин,
Если мир безумный
Поглотит Везувий:
Не войны — тогда голубизны.
Кто сказал: «Мужчины не нужны»?!

Станет мир бесстрастен и бесцветен
без любви —
Женщину в свидетели хотя бы позови:
В лютые морозы
Кто утрёт ей слёзы?
Кто согреет на своей груди?
Для кого «Шанель» и бигуди?

Мир осиротеет без мужчины — без меня!
Твой очаг остынет, опустеет без огня.
Без меня на свете
Не родятся дети —
Сколько их в капусте ни ищи.
Берегите, женщины, мужчин...

Забывтый сад

Как неухоженный
Мужик:
Не брит,
Не мыт,
Не в меру пьяный —
Не по тяглу, видать, гужи —
Зарос
Бурьяном...

* * *

«Понимаешь —
Репу сеял...
Понимаешь —
Не взшла...»¹
Деньги делать —
Не умею...
Ни двора и ни кола...
Двор-то есть,
Да небогатый,
Кол-то есть —
Совсем не тот:
Про него всё больше
Матом

¹ Л. И. Лежнин.

Или лыко —
 В анекдот.
 Дураку не потекаю,
 Над собой смеюсь притом.
 Стало быть,
 Судьба такая —
 На полставки быть
 Шутом.
 До сих пор не разумею:
 Что жена во мне нашла?
 Понимаешь —
 Репу сеял...
 Понимаешь —
 Не взошла...

Сага каменного века

На семь лун забыли
 Шуры-муры...
 Перерыли всё своё жильё...
 Мы с тобой искали
 Козью шкуру —
 Ты куды
 Заныкала её?

У соседа —
 Дочка в леопарде...
 А жена, пожалуй,
 Снежный барс...
 Ты одна,
 Как стервь,
 Не при параде —
 Что теперь подумают о нас?

На камланье позовут едва ли
 Ради благодатного дождя:
 Мы с тобой —
 За шкуру —
 Опоздали
 На приём у старого Вождя.

А не я ли —
 Восемь лун доселе —
 Мамонта изжарил на костре?
 В первый раз жаркое,
 Суки,
 Ели
 На ба-баобабовой коре!

Обо мне
 Семь лун
 Твердило племя,
 Словно о преемнике
 Вождя!
 Я обрил акульим зубом
 Темя
 И лицо —
 Немного погодя.

Но без этой самой
 Драной шкуры,
 Сисек сексуальных не тая,
 Ты глядишься
 Просто некультурно,
 Женщина
 Любимая моя.

У меня
 Звериная натура:
 Я лохмат,
 Как старый гамадрил.
 Мне волосья заменяют шкуру
 Козью,
 Что тебе я подарил.

Ты же без неё —
 Совсем нагая,
 Что твоя лягуха из пруда...
 Милая,
 Родная,
 Дорогая,
 Подевала ты её куда?

Неужели ты её сожрала,
 Девочка
 Несносная моя?
 Неужели мяса было мало
 Этих саблезубовых котят?

Мне к Вождю идти
 С какою харей?
 Я ж тебя,
 Плешивая,
 Люблю...
 Ладно.
 Завтра —
 Новое сафари.
 Для тебя я
 Львицу
 Удавлю.

г. Коркино

9 мая 2019 г. исполнилось 70 лет
 замечательному чебаркульскому прозаику и поэту
Нине Романовне Гунько.

Поздравляем нашего автора с юбилеем, желаем здоровья и творческих успехов.

Светить всегда и всем

Римские каникулы.
Прогулка по Вероне

Погода прекрасна, на небе ни тучи.
Идём, отражаясь в витринах от Гуччи.
И мимо бутонов прелестного цвета
Проходим балкон, где грустила Джульетта.

На стенах — записок с желаньями пачки,
В ходу — и замки, и шары, и жевачки.
До наших времён сохранилась квартира,
Воспетая слогом Вильяма Шекспира.

А в лавках цветочных — тюльпанов охапки.
Гуляют собачки в попонках. И в шапках,
Натянутых ажно по самые ушки,
За ними привычно шагают старушки.

На площади — башня, но только без крена.
Проехал патруль, оглушая сиреной.
Идёт старичок в новом шарфе из твида.
С мечом вознесенным скучает Фемида.

Народу призывно маячит арена.
За нею — трагедия в звёздах Мишлена.
Пытаясь рассматривать фрески-картины,
Глаза упираем в сплошные витрины.

На глади реки распоясались чайки,
Задорно галдя, разлетелись на стайки.
Синьоры сидят не без внешнего лоска,
Скучая в кофейне с названием «Тоска»

Свисают из окон ковры и матрасы
(Такого ещё я не видел ни разу).
И, нас обгоняя, несутся со свистом
Шальные-лихие велосипедисты.

Мамина помада

Не нужны мне Барби, Кенов мне не надо.
Не дает покоя мамина помада.
Может, ей не жалко для любимой дочки:
Чуть накрасшу губки, подрумяню щечки.

А еще накрасшу губки кукле Маше,
Мама не увидит, не заметит даже.
Славно потрудились и чуть-чуть устала.
Только вот помады вовсе не осталось.

С папой нужно завтра мне поговорить:
Новую помаду маме подарить.
Просто кукла Ира в полосатой юбке
Хочет, как и Маша, тоже красить губки.

Сегодня был оранжевый рассвет

Сегодня был оранжевый рассвет.
В нём город просыпался понемногу.
И я проснулась с ним и, слава богу,
Чуть на заре, что лучше всех примет.

За бликами оконного стекла
Вставало солнце медленно, но верно,
И я вставала вместе с ним, безмерно
Мечтая чуть понежиться с утра.

И вот, закончив срочные дела,
Смахнув тихонько лёгкую дремоту,
Оно пошло привычно на работу
Светить всегда и всем. И я пошла.

г. Салехард

Анатолий Кухтурский

Два стихотворения

Живёт на Ольхоне Алёнка

Алёне Копыловой

Живёт на Ольхоне Алёнка
В прибрежном посёлке Хужир,
Весёлого нрава девчонка,
Приезжих туристов кумир.

Алёнка — хозяйка Ольхона,
Навеки в него влюблена.
Она по распадкам и склонам
Все тропки познала сполна.

Чай в сумке да хлеба горбушка,
И в путь, да пораньше с утра.
Ей каждая ёлка — подружка,
Ей каждая чайка — сестра.

Уверенно выведет группу
На мыс оконечный Хобой,
Взбежав по крутому уступу,
Где бьётся о камни прибой.

И вот оно, славное море,
Воспетое тысячи раз,
Раскинулось в синем просторе,
Чаруя и радуя глаз.

За всё — многоцветье улыбок,
Да фото на память у скал.
Алёнка, большое спасибо
За то, что открыла Байкал.

На переправе

С Приморского хребта Байкал как на ладони.
В скалистый пенный берег упруго бьёт волна.
Дорога прервалась, и где-то на Ольхоне
Вновь лентою вертявкой протянется она.

Сопит внизу паром у старого причала,
Ольхонские ворота готовы пересечь.
«Отдать концы», — как гром из рубки
прозвучало,
Перекрывая разом и музыку, и речь.

И, отвалив с трудом, с изрядной долей груза,
С машинами впритык, под колокола звон
Изношенный паром, припав к воде кургузо
И выбрав верный путь, пошлёпал на Ольхон.
с. Чудиново

Алла Федосеенкова

Славка, сны и Лунный Пёс

сказка

5. Медведь и прочая нечистая сила

Славка и Лунный Пёс воспрянули упавшим было духом и послушно зашагали вслед за Медведем. Косолапый неуклюже топал впереди, раздвигая кусты, хрустя сухими ветками, и громко напевая какую-то весёлую песенку. Он так увлёкся пением, что Славка указательными пальцами заткнул собственные уши, а Пёс отвернул недовольную морду и сморщился. Такого пения не вынес бы даже глухарь, оглохший сразу на оба уха. Похоже, что Медведь сам себе когда-то на ухо наступил и даже не заметил, что потерял слух. А если бы заметил, топал бы и помалкивал в тряпочку да сопел в обе ноздри. Но Медведь не знал о себе ничего такого. У него было хорошее настроение, и потому он пел всё громче и громче. Да и не пел он вовсе, а ревел дурниной на всю округу. Даже птицы на ветках замолкли и попрятались кто куда. Лишь бы подальше от тугоухого Медведя. Мишка решил порадовать белый свет собственным пением, ведь оно, его пение, казалось самонадеянному певцу восхитительным!

Славке тоже не нравилось медвежье пение. Мальчик убавил ход и скоро отстал от певца на целых двадцать шагов, а Пёс сердито свёл брови, опустил и плотно прижал к голове большие уши. И сразу стал похожим на неизвестное чудище из какой-то страшной сказки. Наверное, долго бы ещё продолжалась эта пытка медвежьим пением... Но тут косолапый нечаянно запнулся за пенёк и растянулся поперёк дорожки большущим своим телом. Рёв тут же оборвался. И стало в лесу тихо-тихо.

Сердито сопя, Мишка сел, привалился боком к тонкому стволу осины, огляделся и жалобно закричал. Увидев бегущего к нему Пса, неожиданно резво вскочил на четыре лапы и пустился наутёк. Откуда только прыть взялась? Медведь испугался. А напугала его сердитая, оскаленная морда Пса, его вытаращенные глаза и вздыбленная на загривке шерсть, усыпанная колючками и листьями.

— Эй, Мишка, ты куда? Да постой же! — Славка бросился следом за улепётывающим медведем. — А как же Медвежий угол? Ты же обещал.

Кое-как догнали они Медведя. Косолапый запыхался, выбился из сил, мешком свалился под куст боярышника и трусливо поднял все четыре лапы.

— Ой, сдаюсь! Только не трогай меня, чудище зубастое! — взмолился Медведь, когда Пёс, вывалив мокрый язык, задышал ему в морду.

— Да кто тебя трогал? — удивился Пёс. — И вовсе я не чудище. Чего ты обзываешься?

— А зачем вы тогда гонитесь за мной?

— Мы не гонимся, мы догоняем! Ты же сам нас позвал! Мы за тобой следом пошли не для того, чтобы пугать. Нам в Медвежий угол надо. Забыл, что ли? — пояснил Славка.

— А вы где? — удивился медведь. — Вы уже в самом что ни на есть Медвеьем углу! Днём с огнём дорогу обратно не сыщете. Вон какой кругом мрак и беспросветность. Чем вам не Медвежий угол?

Славка уныло огляделся, махнул рукой и опустился на поваленный ствол берёзы.

— Нет, это не тот Медвежий угол. Нам другой нужен.

— Я всю жизнь в этом лесу живу, а никакого другого не знаю, — обиделся Медведь.

— А кто может знать?

— Ну, может, Леший... — Медведь озадаченно почесал за ухом. — Он не летучий, а пеший, лес как свои пять пальцев знает. В этой чащобе он не одну сотню годков прожил, и врагов, и дружков нажил. Он у нас этот, как его, старожил!

— А к-к-кто ет-то-то т-т-тут — Ик! Ле-ле-лешего-го пом-м-м-минает? — Ик! — спросил кто-то невидимый, страшно заикаясь. — Ту-ту-ту-точки я! В-в-вот он я, з-з-здесь! — Ик!

Из сырой темени показалась заросшая щетиной и мхом сутулая образина, одетая не поймами во что: шкура не шкура, облезлая фигура, не то в зипунишке, не то в кофтишке, латаные-перелатанные штанишки с бахромой, растоптанные лопоточки... Не то хромой, не то косоглазый, не то просто чумазый. На голове у Лешего, аккуратно над лопушастыми и мшистыми ушками с кисточками, растопырились, разветвились не то рожки, не то веточки в берёзовых серёжках. В худых ручонках со скрюченными сухими пальцами — суковатая палица. Махонькие глазки, как старая головёшка, в лесном сумраке посверкивают таинственными зелёными светлячками. И при том при всём Леший совсем не казался страшным. Наоборот, Славке он напомнил соседского деда Ивана — добряка и говоруна, который знает много присказок и поговорок, удивляет всегдашней весёлостью и добрым расположением духа.

— Чего заз-з-зря вс-с-спом-мм-минать-то! — Ик! — Из-з-заикал-л-л-лся в-в-весь пр-р-прямо из-з-за в-в-в-вас. — Ик!

— Да мы только один раз и вспомнили, — стал оправдываться Славка.

— Один р-р-раз они — Ик! — в-в-в-вспом-м-мнили. Мне — Ик! — и знт-т-того хват-т-тило. Ж-ж-живу с-с-себе — Ик! — в лес-су, н-н-ник-к-кого не тр-р-рогаю. Ч-ч-ч-чего надо-то? — Ик!

— Им вот Медвежий угол понадобился! — пояснил Медведь. — Мой им отчего-то не подходит. Не тот, говорят.

— Ик! — Да к а я т-т-тожа никакого др-р-ругого не з-з-знаю. — Ик! — Можя, Баба Яга ведает? — Ик! — Она у нас ш-шустрая, гиперактивная и оччень даже споррррртивная! — Ик! — Ч-чуть что, в с-с-ступу прыг и айда п-п-омелом махать! — Ик! — Кликнуть, может?

— Кликните, пожалуйста, дедушка Леший. Очень надо дорогу в Медвежий угол найти.

Леший отбросил палицу, запрокинул головёнку, вставил в рот четыре кривых пальца и свистнул. Да так громко и пронзительно, что у всех, кто стоял поблизости, уши заложило.

— Н-н-н-ничего... — Ик! — Щас примчится Бабуля Ягуля. Её — Ик! — т-т-только кликни. Отзывчивая она у нас. — Ик! — Фу, чёрт! Не к ночи будь помянут! Вот пристала икота, хоть помирать ложись! А помирать-то ой как неохота! В мои-то годы! — Ик!

— Дедушка, а ты разве не знаешь присказку? — участливо поинтересовался Славка.

— Ик! — Кака така прис-с-с-сказка? — Ик!

— Очень простая: «Икота, икота! Перейди на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого!»

— Ик! — И что? Причём тут ваши Яковы и Федоты? — Ик!

— Вы повторите за мной, и сразу пройдёт ваша икота. Должна пройти.

— Поможет, говор-р-р-ришь? Ну, по-по-ппопытка — не пытка!

Леший набрал в грудь воздуха и трижды громко повторил Славкин рецепт. И сразу помогло: задышал ровно и икать перестал.

— А как же теперь эти горемычные? — озаботился Леший. — Они, что ли, будут теперь маяться вместо меня?

— Какие горемычные? — не понял Славка.

— Как какие? Федот, Яков и все прочие, которые всякие?

— Ну, я не знаю...

— Не знает он. — Леший недоумённо развёл руками. — А мне вот неудобно как-то. Чего-то виноватым себя чувствую. Сам избавился от прилипы этой, икоты, а Федоты да Яковы чем виноватые? А?

Славка ничего не успел ответить Лешему, потому что в чащобе неожиданно поднялся шум-гам да тарарам, завывало, засвистело, загрохотало, захлопало, заухало! Всё вокруг завертелось, закружилось! Вихрь завернулся в большую воронку... А когда осели поднятые в воздух пыль, ветки и листья, все увидели Бабу Ягу. Живую! Всамделишную! Да так близко, что даже руками потрогать можно было. Но Славка не решился. Яга с грозно сведенными лохматыми бровями стояла в ступе и глядела на собравшихся. Воинственно подняв потрёпанное помело, старушка вдруг усиленно заморгала слезящимися глазками.

— Ой, чавой-то я совсем ничегошеньки не вижу. Засорлила глазоньки-то! Ослепрла почти. Ну-к, подмогните поржилой женщине из трлнспортного срледства выбрлаться. — Она поманила пальцем Славку. — Чего застыли истурканами? Бабу Ягу не видарли, чтор ли?

— Не-е-е... Не видали. Мы только в сказках про вас читали.

— В сказках они читарли... — заворчала старушка. — Сказка — ложь, да в ей намёк! А о чём намёк? Женщин, особо пожирлых, уважать надо! Берлечь! Руку-то мне кто-нибудь подаст? Или самой прикажете выбирлаться из ступы?

Славка, Пёс, Леший и Медведь одновременно подскочили к ступе и помогли Яге. Бабушка отряхнулась, встрепенулась, поправила космы, выбившиеся из-под платка, и насмешливо оглядела компанию.

— Ну и чего это вы тут собрлались? Места дрругого не нашли? В самые деблри забрлались. Ох, прлоказник ентот Леший! Тут, поди, и крлещей тьма-тьмушая? Мне ить прлививку-то никто не прлделгал сделать против етого... как его... ин-цир-фар-лита, кажется. Тьфу! Язык сломаешь, пока выговорлишь.

— Энцефалита! — вежливо подсказал Славка.

— Ты что? Самый умный тут? Бабу Ягу он будет учить! Сама знаю. А выговорлить не могу! Зубов-то во рту, почитай, совсем не осталась. В лесу сламартологов нету. А зубы, они того — не вечные! Старлые выпали, а новые не вырлосли! Вот и прлхлодитесь шамкать да подсвистывать. Стыдодушка на старлости лет! Соверлшенно испорлтислась алтикурляция.

— «Стоматологов» и «артикуляция» надо говорить, — опять поправил Славка.

Баба Яга, не обращая внимания, продолжала жаловаться на жизнь:

— И дикция уже не та. Связки горлосовые прлосели. Всё лятаю. А ступа... Она ить не самолёт. Ни тебе тёплой кабины, ни ветрлового стекла. Даже шлема нет! Сплошной экстрлим! И это в мои-то годы? Легко мне так жить, как думаете?

— Да ты, Ягуля, ещё в самом расцвете сил и красоты! — попробовал подлизаться Леший. — Тебе ли на здоровье жаловаться? Вот Кашеюшка Бессмертный, тот да... Помер, говорят. Какой-то Иван, да не больно умный, видать, иголку его нашёл да надломил сдуру.

— Ой, не надо мне тут о грлустном! Мне ентлой тоски зелёной и так хватает. Живу одна-одинёшенька во сырлом борлу. Ни дрлужка верного, ни сыночка, ни внучонка за всю жисть так и не нажила. Всё одна да одна. Кот Баюн в последнее врлеме лапами хворлать зачал. На ревматизму жарлуется. Тоже, поди, не весело старлеть. Понимать надо! Возрласт-то почтенный! — Бабушка жалобно всхлпнула и промокнула слезящиеся глазки концом большой клетчатой шали, наброшенной на остренькие плечики.

6. Как сделать доброй Бабу Ягу?

— Ну и чего вы собрлались тут? — Баба Яга окинула компанию недобрим взглядом. — Чего понадобилось? Почто меня от тёплой печи оторрвали? Зачем крликали?

— Да вот эти двое задали нам тут загадку... Мы про тебя сразу и вспомнили. Ты ить у нас до загадок особливо охочая, — разъяснил ситуацию Леший.

— Ну-к, ну-к, какая енто тут загадка? — Бабуля возбуждённо потёрла ладошки. — Я загадки оч-ч-чень уважаю. Кто это тут загадки загадывает?

— Да это я... Мне бы надо в Медвежий угол как-то попасть. Только не в этот. В другой. — робко промямлил Славка.

— Ишь ты, какой шустрлый! А ты знашь, что я тожа любрлю загадки загадывать?

— Знаю я. Читал.

— Где это ты читал?

— В сказках.

— Ишь, какая грамотная молодёжь пошла! В каких, интерлесно мне, сказках ты прло меня читал? В тех, где меня врледной злючкой выставляют? Или в тех, где я детишек жарлю и ем? И кто только прлдумывает ети сказки? Попался бы мне ентот сочинитель! Я б ему порлассказала прло себя... Ты, мальчик, посмотри на меня как следует. Разве я похожа на ту врледину? Не верь, родимый! Наговарливают на меня! Женщина я, конечно, не прлостая. И нрлавою тихим не отличаюсь. Ишшо и пошутить любрлю. Так на шутики только дурлаки обижаются!

— Шутики тоже разные бывают, — осмелел Славка. — Когда тебя на лопату сажают и в печь засовывают, это совсем не шутика. Это зверство какое-то!

— Ладно, крлитиковать он меня будет. Мал ещё! Если хочешь ответ на свой вопрлос получить, исполни одно моё жерлание. Всего только одно, а не трли, как в ваших сказках.

— Кто бы сомневался? Разве Баба Яга сделает что-нибудь просто так, от доброты душевной? — съехидничал Леший.

— Ой, не надо мне тут говорлить про добрлоту! Я, что ли, себя такой коварной прлдумала? Избушку мою и ту обрлисовали чёрной крлаской: «...на курьих ножках стоит без окон, без дверлей». Нафантарзировазли тожа! И окошко есть, и дверли имеются. Что ж я? Не человек, что ли? Ну, летаю иной раз черлез трлубу. Так на то прлчины имеются. Ты ж в школе учишься. Должон знать, что в трлубе тяга хорлошая. Значит, стартовать сподрлучнее. Да и ступа моя не ракетка. Она срлазу, с одной попытки должна подняться на самую высокую

высоту. Это же всё вы, люди! Такого про меня наговорили, что трли мои волосины от стыда и возмущения дыбом встали. А ты вот, милый, напрягись и вспомни что-нибудь хорлошее прло меня, что-нибудь ласковое, прприятное для сердца. Тогда и я к тебе — всей моей душой. А как же? Долг платежом красен!

— А не обманешь? — усомнился Славка в честности коварной Яги.

— Ну что за недоверлие? Что за подозрления? Обидно даже! Бессмертием своим клянусь! Чтoб мне прловалиться, не сходя с этого места, если врлу! — Баба Яга топнула ногой. — Давай, рассказывай прло меня что-нибудь хорошее. А я вот тут прлисяду да послушаю. — Баба Яга опустила на корягу, отогнула платок и выставила наружу огромное волосатое ухо.

Славка задумался: «Какую сказку ни возьми, везде Баба Яга выглядит не очень. И злая, и коварная, и кровожадная. Маленького Иванушку в козлёночка превратила, большого Ивана чуть не изжарила, доверчивую Алёнушку вообще со свету белого сжила: камень на шею и в омут! Всю свою длинную жизнь Яга козни строит, пакости всякие придумывает. В общем, Баба Яга как Баба Яга. Не Марья-Искусница и не Царевна-Лягушка».

Славка усиленно морщит лоб, вспоминает, думает. Лунный Пёс прислушивается к его невесёлым мыслям и всё ниже опускает морду, грустными глазами поглядывает на Лешего. А Леший похихикивает в обвислые усы:

— Чего зря мозги напрягать? Баба Яга — та ещё персона! Хороших дел за ней сроду не водилось. Не той она породы. Не стоит и сказки ворошить да пыль вековую поднимать!

Медведь, заранее угадав финал Славкиного уговора с бабой Ягой, стараясь не шуметь и не топтать, по шажочку, по шажочку трусливо пятился в кусты, в чащобу, поближе к родному надёжному лежищу. И, пока его не хватились, пустился наутёк. Он хоть и Медведь, но мягковат и трусоват по натуре. Да и не его ума это дело — в чужой спор влезать.

— Чего совать нос туда, куда не просят? Любопытной Варваре нос-то оторвали! Известно, чем дело может кончиться. Лоб подставишь, на щелчок нарвёшься. Лучше уж в сторонке отсидеться, — сам перед собой оправдывался Медведь. — Не ровен час, под горячую руку Бабы Яги попадёшь. — Медведь знал точно, что любая загадка кажется простой только тогда, когда она решена. У загадки, которую Баба Яга загадала Славке, хорошей отгадки не было. А смотреть, как старая над малым верх возьмёт, Медведь не хотел. Его сердце было большим и добрым, но слабым.

Славка думал-думал и понял, что сказок про добрую Бабу Ягу он не знает ни одной. И что теперь делать, ума не приложит.

— Ну, долго ждать-то ещё? Неужели ничего не знаешь хорлошего прло меня? — Баба Яга, коварно ухмыляясь беззубым ртом, в упор сверлила Славку колючими глазками-буравчиками и, похоже, уже придумывала, как накажет этого самоуверенного мальчишку.

— Ну всё! Считаю до трлёх! Если не начнёшь отвечать, я тебя сама съем или отдам на съедение Змею Горлынычу. Он тебя сначала поджарлит, а потом прлоглотит.

Славка готов был расплакаться. Он всего лишь мальчишка, который знает много сказок, прочитал больше десятка хороших и интересных книжек. Но совершенно не знает, что делать, когда ничего не возможно сделать.

И тут Лунный Пёс понял, что пришла минутка, когда он должен что-то срочно предпринять, отвести беду неминуемую от мальчишки, который незаметно стал для него другом.

— Нет, Баба Яга, и не жди! Не вспомнит он ничего хорошего про тебя! И не проси! Потому что ничего хорошего и доброго ты в своей дремучей жизни никому не сделала. Сама-то можешь назвать хоть один свой поступок, за который было бы не стыдно?

— Мне стыдно? — Баба Яга расхохоталась. — Мне за себя срлоду не бывает стыдно. Я самая вредная, самая хитрлая и коварная в нашем царстве. Я такое могу придумать и сотворлить, какое вам и не снилось! Со мной в этой науке никто не может срлвниться! Меня все вокруг боятся, потому что я могу устроить самую пакостную пакость, самое злодейское злодейство.

— Ну да... — Пёс грустно кивнул головой. — Злодействовать ты умеешь. Я сказок не читал, но знаю, что у нечистой силы сроду не бывало ни сердца, ни души. Ты, конечно, всё умеешь! Только одного ты не сможешь никогда. Потому что ты на это не способна.

— Что-что? Чего это я не смогу? На что это я не способна?

— Не сможешь! И даже не стоит об этом говорить.

— Нет уж, говорли! Я слушаю! — подбоченилась Баба Яга. — Я всё могу! Могу даже поспорлить с тобой вот на этого мальчишку. Если я выпорлю, съем его! А ежели проспору, ты заберлёшь его с собой, и я разрлешу вам убрлаться подобрлу-поздорлову.

— Ну, смотри, Баба Яга, ты дала слово при свидетелях. Леший, ты слышал?

Леший неуверенно кивнул головой и на всякий случай отступил подальше от того места, где стояли Баба Яга, Славка и Лунный Пёс. А потом и вовсе скрылся в густом ельнике. Только его и видели. Леший хоть и страшен был, но трусом слыл необыкновенным!

Пёс решительно шагнул вперёд, заслонив собой Славку, и отважно взглянул Яге в глаза.

— А не сможешь ты вот чего: взять и просто так совершить хороший поступок, обыкновенное доброе дело!

Баба Яга вытаращила удивлённые глазки и закашлялась. Кашляла она долго и громко. А пока кашляла, соображала, как выкрутиться из неловкой ситуации. Она и сама представить не может, какое такое доброе дело она способна совершить. Про добрые дела она никогда не думала. Ей и в голову не приходило делать добрые дела. С чего это вдруг? Вот ещё не хватало! Её этому не учили. Никто и никогда! С самого детства, которое она ещё помнила, её хвалили только за плохое: грубость, жадность, зависть, умение ябедничать и обзывать, подставлять ножку, сваливать вину на других, врать и изворачиваться. Яга легко научилась предавать и обманывать. И даже не заметила, как стала самым злым и самым вредным существом в лесном царстве-государстве.

Одно было плохо: никто её не любил. С Ягой никто и никогда не дружил. Рядом всегда толклись только те, кому что-то надо было от неё, или те, кто её боялся. А тут возьми ни с того ни с сего, да сделай доброе дело!

— А какое такое доброе дело я должна исполнить? — задала она вопрос Лунному Псу.

— Да самое простое. Вот возьми и отпусти нас. Просто так. Без всяких условий и хитростей.

— Как это? Отпустить? Просто так отпустить? Даром? И ничего не потребовать взамен? — удивилась Яга.

— Да! Просто так! И ничего не потребовать взамен. Это же самое простое дело. От доброго сердца. От доброты душевной.

— Нет уж! Ишь, какой хитрый нашёлся! Ты же сам сказал, что у меня нет сердца.

— Сердце есть у каждого. Но не все об этом знают. А вдруг твоё сердце тоже умеет быть добрым?

— Ну... Я даже не знаю... У меня и не поручится. — растерялась Яга.

— А ты попробуй!

— Что, вот так просто взять и отпустить?

— Да, отпустить и пожелать доброго пути.

— А не многовато ли будет для первого раза? И дело доброе, и пожерлание доброе? —

Баба Яга нерешительно развела руками.

— Хорошего много не бывает! Спроси хоть кого. Чем больше добра отдаёшь, тем больше его возвращается. Все знают! Так что давай, умножай добро и сама хорошей становись. Вот увидишь, и окружающие к тебе будут относиться с добром. Сама узнаешь, как это приятно — делать добро.

— А ты не обманываешь старлую женщину? — Яга недоверчиво прищурила глазки.

— Зачем мне тебя обманывать? Чтобы ты разозлилась и стала ещё хуже? Я этого не хочу.

И Славка не хочет. И никто не хочет.

— Ну ладно. Так тому и быть. Катитесь вы отсюда, пока целы!

— Нет, не так! Ты должна сказать ласково, с улыбкой и добрым чувством в душе.

— Да что ты пристал ко мне, как рлепей? Как умею, так и говорлю.

— А ты попробуй с нами по-человечески. Учись быть приятной и вежливой.

— Ну ладно. Идите отсюда по-хорлошему. Скатертью дорложка.

— Ну вот, уже лучше. Но не совсем вежливо.

— Отстань от меня, Пёс! Не то разозлюсь. Я ещё не привыкла разговаривать вежливо и добро делать просто так. Идите уж... Там, за оврагом, дорложка одна есть. Так вы это... поверните и топайте прямо на восход солнца. А как до заката дойдёте, где-нибудь и найдёте ентот ваш Медвежий угол.

— Вот спасибо, бабуля Ягуля, за доброту твою, за внимание, за душевность, — обрадованный Славка обнял Бабу Ягу и громко чмокнул в щёку.

Баба Яга растерянно приложила руку к своей впалой груди и прислушалась. Там стучало её подобрешее сердце. От нахлынувших чувств старушка даже прослезилась. Она долго смотрела вслед уходящим путникам, растерянно улыбалась, махала платочком и думала: «Какая всё-таки приятная штука — дерлать ето самое добро».

7. Болтливая сорока — не птица, а морока

Когда Славка и Лунный Пёс вышли наконец на большую дорогу, солнце клонилось к закату. Небо на горизонте наливалось тяжелой краснотой, переходящей местами в фиолетовую синеву. Темнота сгушалась, становилась тягучей и вязкой, как бабушкин кисель из чёрной смородины. Тени от деревьев удлинились, вытягивались. Славке казалось, что вокруг нет уже ни одного просвета. Ни одного огонька. Ни одного лучика. Одни только тени. С каждой минутой тени становились всё толще, всё чаще, всё плотнее. Наступала Ночь.

Ночь в лесу — это совсем не то, что ночь в городе. В городе зажигаются фонари, которые светят всю ночь, чтобы никому не было страшно. Проезжающие по дорогам машины тоже не выключают фар. Люди, которым почему-то не спится, не гасят света в окнах своих квартир. Луна, когда она полная, светит так, что можно гулять по улицам и не заблудиться. Звёзды на небе в ясную безоблачную ночь как маленькие зёрнышки, сверкают и перемигиваются. Света от них почти никакого, но всем приятно думать, что они не просто так смотрят на тебя сверху. А звёзды посмеиваются, подмигивают светлячкам, сидящим на листиках белой кашки и разноцветной узумбарской фиалки. А ещё в городе много разных звуков. Даже ночью.

Ночь в лесу — совсем другое дело. Плоская темень и очень странная тишина. В лесной тишине слышны чьи-то вздохи и осторожные шорохи. Иногда откуда-то сверху или, наоборот, снизу раздаётся чей-то испуганный писк. А тут вдруг слева или справа под тяжестью чьих-то осторожных шагов затрещали сухие ветки. Кто там шатается по лесу в такой глухой час? Кому не спится? Почему не спится? Об этом испуганно думает тот, кого Ночь застала в лесу.

— Что дрожишь? Не спится? — шепотом спрашивает Ночь.

— Страшно... — отвечает тот, кто не спит.

— Не бойся! Я рядом. Спи, я посторожу твои сны, — успокаивает Ночь и ходит вокруг большими кругами, шепча себе под нос никому не известные сказки.

Славке не спится. Он настороженно всматривается в невидимую жизнь леса и слышит, как гулко стучит сердце Лунного Пса. Пёс сам предложил Славке лечь поближе. Друг обнял мальчика большими лапами, прижал к тёплому лохматому боку и задышал спокойно и ровно прямо в Славкино ухо.

И Славке тоже стало спокойно и хорошо. Мальчишка крепко зажмурил глаза и уснул. А Ночь до рассвета сидела рядом и стерегла покой спящих.

Разбудил Славку весёлый лай. Пёс, беззаботно болтая ушами и хвостом, носился по лужайке и пытался догнать солнечный зайчик. Зайчик был очень шустрый. Он странно прыгал вверх и вниз по стволам деревьев, метался в листве, ползал по траве, отражался в капельках утренней росы. А когда попадал Псу в глаз или садился на нос, тот смешно зажмуривался и громко чихал.

— Будь здоров! С добрым утром! — приветствовал друга Славка. — Пёс, ты раньше меня проснулся. Мог бы и потише себя вести. Разбежался тут. Всех вокруг перебудил.

— А... Проснулся, засоня? И уже ворчишь? Весь лес уже давно на ногах, а ты всё дрыхнешь!

Славка потянулся, глубоко вдохнул лесной запашистый воздух и размечтался:

— Эх, сейчас бы чаю горячего и бабушкиных блинчиков со сметаной...

Не успел Славка договорить, как перед самым его носом откуда ни возьмись размахнулась, распахнулась во всю ширь и медленно осела на траву, прямо к ногам, большая белая скатерть, мастерски расшитая диковинными цветами, павлинами и всякими мудрёными узорами. Славка и охнуть не успел, как на скатерти весело запрыгали, зазвенели чашки да тарелки, ложки да вилки. А на тарелках возникли вкусности превкусные, сладости пресладкие. У Славки аж глаза разбежались.

— Ну вот, опять всё тебе! — обиделся Лунный Пёс. — А мне и косточки завалющейся никто не догадался подкинуть! — И тут же перед самым носом голодной собаки возникла большая миска с густой кашей и аппетитной мясистой косточкой.

— Откуда взялось это чудо чудное? — Славка изумлённо поднял брови и с подозрением уставился на Пса.

— Я тут ни при чём. — Пёс отвёл в сторону хитрющие глаза. — Это всё Баба Яга. Понравилось ей хорошие дела делать. Вот и проявила заботу. С сорокой прислала вдогонку скатерть-самобранку. Это значит, чтоб мы с тобой не оголодали в дороге.

— Вот это да... — удивился Славка. — Ну, тогда спасибо Бабушке Яге за заботу.

— И не говори! Подозрительная вся эта забота. Уж больно быстро Яга добреть начала. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

— За добро добром платят. Всё правильно. Глядишь, наша Баба Яга скоро в добрую волшебницу превратится. Придётся тогда сказочникам все сказки переписывать.

— Для хорошего дела можно и постараться. Перепишут когда-нибудь.

Только путники наелись, скатерть тут же свернулась и исчезла. Как будто и не бывало. Вот чудеса-то!

Долго ли, коротко ли шли друзья туда, где утром был восход. Да только солнышко на месте не стоит. И время бежит вперёд, не остановишь. Решили путники передохнуть. Пришли они в тенёчек под ракитовый кусток да задремали чуток. А Сорока-Воровка и воспользовалась моментом, ухватила длинным клювом Славкину пуговицу на рубашке и дёрнула. Да так ловко, что с мясом оторвала. Но Пёс усвоил урок Серого Волка, мгновенно вскочил

и успел уцепить воровку за длинный хвост. Та громко заверещала, захлопала крыльями и с испугу проглотила пуговицу. Вытаращила Сорока глаза и замерла.

— А... Попалась? Ты чего тут летаешь, высматриваешь? Что утащить успела? — спрашивает Пёс.

А Сорока только клювом щёлкает и сипит. Тут Славка догадался. Схватил Сороку за ноги, перевернул головой вниз и давай трясти. Пуговица и выскочила. Сорока оклемалась, отдышалась и заверещала:

— Отпустите меня, люди добрые! Домой мне надо. Там детушки голодные, холодные, мамку ждут-пождут, горюют, ничего не знают, слёзки проливают!

— Да не кричи ты так громко! Отпустим мы тебя, но с одним условием. — Пёс сделал серьёзные глаза.

— Ой, не смогу я ваше условие исполнить! Ой, горе мне, горемычной. Ой, не знаю я ничегошеньки...

— Да погоди ты причитать! Ты ж не знаешь, какое такое условие тебе исполнить предстоит, а уже лапки кверху подняла. Наше условие простое. Ты высоко летаешь, везде свой нос любопытный суёшь, много видишь, много слышишь. Вот и будь добра, подскажи, как добраться до Медвежьего угла.

Сорока угомонилась, наклонила голову набок, подумала и затрещала, не остановив:

— Ой, путнички добрые, спасибо вам, что жизнь мне спасли. Благодарить буду всю жизнь и деткам накажу. Летаю я высоко, летаю далеко. Всё вижу, всё слышу, всё примечаю, ни за что не отвечаю! Что где не так лежит — моя добыча. Что взяла — не верну. Что упало, то пропало. В хозяйстве у хорошей хозяйки и ржавый гвоздь — находка. А у меня в гнезде чего только нет! Самый что ни на есть антикварный музей. Чем хотите отблагодарю. И зеркальце в резной оправе есть, и ложка серебряная старинная. И ключик амбарный. Большой, но не золотой. Жалко, что не золотой! Есть у меня и баночки разные, и часов наручных штук пять имеется. В основном серебряные. Но одни, не вру, позолоченные. Блестят, аж глаз радуется! Особенно левый!

— Стой, стой, Сорока! Нам твоё добро без надобности. Перестань трещать! Зубы нам не заговаривай. Отвечай коротко и ясно.

— Про Медвежий угол я чего-то где-то слыхала. Врать не буду. Точной дороги обсказать не могу. Но совет дельный дам. Тем более что он ничего мне не стоит! Вы идите туда, куда идёте. Не оглядывайтесь и не сворачивайте никуда. А как идти устанете, так и окажетесь на берегу Молочной речки с кисельными берегами. Вот как переправитесь на другой берег, уж у первого встречного и спросите про Медвежий угол. Язык куда хочешь доведёт! Молва не по лесу ходит, а по людям. Чужой рот не огород, не приставишь ворот. Вот и слушайте, кто что скажет. Земля-то слухом полнится. Что-то ветер принесёт. А что-то сорока на хвосте. Да не всему верьте! Чтоб слухам поверить, сначала надобно проверить. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Иной услышит на коготок, а прибавит на локоток. Услышит слово, а прибавит десять. Возьмут новость с потолка, а то из пальца высосут, притянут за уши и пустят по ветру. А за ветром в поле не угонишься, как и всех сказанных речей не переслушаешь.

— Стой! Стой, Сорока! Не трещи! Это твоих речей не переслушаешь!

— Ну, тогда я полетела. — И упорхнула Сорока-Белобока, болтушка, трещотка и обманщица. С такой советчицей одна морока! И ухо надо держать востро!

8. Ухватиться за соломинку

Пошли друзья, куда шли. И вскоре оказались на берегу реки. Река как река: ни широка, ни глубока. Вода в реке белая, молочная, холодная, проточная. А берега скользкие, кисельные. Не велика река, вширь не верста, да нет моста. Как на другой берег перебраться? Плата не из чего смастерить: ни дерева, ни коряги. Небо, поле да ветер.

— Слушай, Славка, а что нам про эту речку Старик-Лесовик рассказывал? Помнишь? — Пёс озабоченно чесал за ухом.

— Да он много чего рассказывал. Что-то про соломинку ржаную говорил.

— Так вон же оно, поле ржаное! — Пёс с радостным лаем побежал туда, где до самого горизонта поле золотилось, спелая рожь широкими волнами колыхалась под горячими крыльями вольного ветра.

— Да тут столько соломинок, на весь белый свет хватит! — обрадовался Пёс. — И даже плот можно смастерить.

Сорвали друзья десяток надёжных соломинок. Так, на всякий случай. Встали на самом краю скользкого берега и голову ломают, как спуститься к воде. Ни лесенки, ни уступчика, ни камешка подходящего, чтобы ногой упереться или рукой зацепиться.

— Была не была! Поехали! — Славка присел, оттолкнулся ладонями и заскользил вниз по мокрому крутому склону.

А что оставалось Псу? Ухватил зубами пучок соломы, крепко зажмурил глаза и тоже поехал. Берег-то мокрый, липкий. Пока докатились до воды, накувыркались досыта, измазались по уши. И не заметили, как в воде оказались.

А речка ой какая беспокойная! Говорливая, сварливая, норов крутой! Поперёк не стой! Куда воду катит, сама не знает. В какой край, в какие земли? Водовороты да воронки мутит. Того и гляди закружит, завертит не до дна, так до смерти. И поминай тогда как звали! Кабы не забота, обойти бы её сторонкой.

Оказавшись в реке, Славка вдруг вспомнил, что плавать так и не научился. Сколько отец ни уговаривал. И вот теперь пришлось ему страшно пожалеть о своей трусости. Но ничего не поделаешь. Славка решил держаться до конца. Сунулся в воду, не говори, что не знаешь броду.

Славка не плыл, а барахтался, как малый щенок, нелепо размахивал и хлопал руками, болтал ногами, хлебал молочную воду, хватался за воздух... И совершенно случайно ухватился за длинную шерсть своего друга, Лунного Пса. Пёс умел плавать. Правда, только по-собачьи. Но на воде держался хорошо. Другой рукой Славка из последних сил крепко вцепился в пучок соломы, который торчал из собачьей пасти. Так и плыли они вдвоём неизвестно куда. Река кружила, вертела, захлёстывала, с головой накрывала белой волной, как рыбёшек, подкидывала смельчаков на пенные гребни. Наигралась река пловцами и выбросила наконец на сушу.

Противоположный берег был крутым, порос редкой травой и хилыми кустиками. Солнце высушило землю, и стала она похожей на кусок старого сыра: вся в трещинках и дырочках.

Пёс выбрался из реки, расставил лапы пошире и несколько раз хорошенько встряхнулся. Капли молочной воды сверкающим веером разлетелись в стороны. А густая шкура Пса через несколько минут стала совершенно сухой. Славка не умел отряхиваться, как Пёс. Да и шкуры у него не было. Только промокшая до последней ниточки хлопчатобумажная рубашка и летние тонкие джинсы. Обувь осталась в воде, речка себе на память забрала. Славка взглянул вверх, туда, где едва виднелась кромка высокого берега. Грустно присвистнул и низко опустил голову. Ему стыдно было признаться, но он точно знал, что никогда-никогда не сможет взобраться на такую высоченную высоту.

— Ну, что стоишь? — Пёс привстал на задние лапы, вытянул шею и приготовился взбираться по крутому склону.

— Я не смогу... — промямлил Славка и покраснел от стыда.

— Что значит «не смогу»? Не можешь, поможем! А я на что? Ты забыл, что у тебя есть друг?

Славка с сомнением взглянул на Пса, потом опять на верхнюю, почти недостижимую кромку берега и собрался было пустить слезу.

— Не реви! — предупредил Пёс. — Терпеть не могу слабаков и нытиков. С такими каши не сварить. Но ты же не из тех, кто отступает перед трудностями! Я это точно знаю. И ты это тоже знаешь. Вместе мы столько всего преодолели уже. Так неужели этот смешной берег может остановить двух смелых и надёжных друзей? Давай, хватайся покрепче за мой загривок да крепче упираться ногами в выступы.

Пёс пошёл первым. Славка за ним. Не один раз они срывались вниз, до крови обдирали лапы, локти и колени. Много раз Славке казалось, что вот сейчас его пальцы предательски разожмутся, и он полетит кубарем вниз. Но Пёс в самый последний момент хватал его зубами за штаны или за рубашку... И Славке не оставалось ничего другого, как сцепить покрепче зубы и упорно карабкаться вверх. Всё выше и выше, к той заветной черте, где кончается страшный обрыв и начинается ровная спасительная площадка. А за ней — зелёное поле, прохладный лес и долгожданный отдых.

Ободранные, исцарапанные, слабеющие пальцы мальчишки нащупали наконец заветный край, хотя ноги ещё болтались над пропастью. (Если посмотреть сверху, склон высокого берега действительно казался стеной, уходящей в пропасть, на дне которой бежали молочные воды реки.) Пёс первым добрался до заветной кромки. Уперев мощные лапы в землю, за шиворот он вытянул друга наверх и, обессиленный, растянулся рядом.

Славка отдышался немного, сел и огляделся. Вокруг была изумительная красота. Светило солнце, летали бабочки, ветерок раскачивал божью коровку на широком листочке подорожника. Было так хорошо, что Славке захотелось петь. Но он вспомнил Медведя и отказался от этой не совсем удачной мысли. Запрокинув лицо к небу, Славка счастливо рассмеялся.

— Ну что, оклемался? — улыбнулся Пёс. — А говорил, что не сможешь. Можно ли, нельзя ли, а пришли и взяли! Нет такой высоты, которую дружба не одолеет! Вот и спасибо тебе, друг!

— За что ты меня благодаришь? — удивился Славка. — Это я тебе спасибо говорить должен. Без твоей помощи я бы не справился.

— А я без тебя бы не справился. За добро добром платят. А один в поле не воин. Одна рука — кулак, а две — рукопожатие.

— Что-то уж слишком непонятно ты говоришь.

— А что тут непонятного? Ты оказался настоящим другом и помог себе помочь! Если бы ты испугался, у меня бы точно ничего не получилось. Без твоей помощи у меня не хватило бы сил вытащить тебя наверх. Вот как всё просто.

Славка украдкой смахнул набежавшие слёзы, а Пёс заглянул другу в глаза и лизнул его в солёную от слёз и пота щёку.

— Лесовичок-то нам правду сказал. Из воды мы с тобой вышли сухими. Ну, почти сухими. Пока выбирались, твоя одежда и моя шкура совершенно высохли. — Пёс выплюнул застрявшую в зубах ржаную соломинку.

— И соломинка нам тоже пригодилась! Славка раскрыл ладошку. В побелевшую от воды кожу впечатались несколько сломанных, измятых ржаных стебельков.

— Когда совсем плохо, все за соломинку хватаются. — Пёс загадочно сощурил мудрые глаза.

9. Лысая гора

Отдохнули наши путники под солнышком и свежим ветерком. И только они подумали о том, что пора бы и подкрепиться чем-нибудь, как перед ними вспорхнула расшитыми краями та самая скатерть-самобранка. Друзья наелись и поблагодарили заботливую Бабу Ягу за доброту. Мысленно, конечно. Из такой дальней дали, куда они забрели, ни до кого не докричишься. Тем более до Бабы Яги. У неё, как и у Лешего, не всё в порядке со слухом. Возраст у бабушки солидный. И ничего удивительного в том, что за долгие годы, прожитые Ягой, некоторые части её организма поизносились и начали сдавать.

— Так! Из речки мы с тобой выбрались. А что дальше? — задумался Лунный Пёс. — Про Медвежий угол мы так ничего и не узнали. И спросить тут некого.

— Как это некого? А я на что? — Сорока-белобока сделала круг над головами удивлённых путников и опустилась на камень. — Я тут как раз мимо пролетала и подумала про вас. Чего расселись? Наелись? Тогда вставайте да поторопитесь. Не спите, если хотите в Медвежий угол засветло попасть! — Сорока замахала крыльями и полетела вперёд.

— Сорока, ты помедленней лети, мы за тобой еле успеваем, — попросил Славка.

— Потерпите малость! Недолго осталось. Вон за тем леском Лысая гора уже виднеется. Если не будете тормозить, засветло успеете! — Сорока летела, не оборачиваясь. И скоро превратилась в чёрную точку, а потом и вовсе растворилась в небе.

Славка покрутил головой и так, и сяк, и через левое плечо заглянул за спину, и через правое... Ничего не увидел. Никакой горы не заметил: ни лысой, ни лохматой.

— Чего ты вертишься, как уж на сковороде? — Заворчал Пёс. — Я носом чую, здесь она где-то, гора эта Лысая.

Опустив ушастую морду к самой земле, старательно пригнувшись, Пёс побежал вперёд. Славка поплёлся следом.

Как ни торопились, только к ночи путники оказались у подножия Лысой горы. Гора действительно была совершенно лысой: гладкой, без единого кустика, без единой травинки, без единого, даже самого хиленького, деревца. Гладко, ровно, и зацепиться не за что.

Долго карабкались путники вверх. Благо, урок преодоления препятствий у них уже был. Подъём на Лысую Гору оказался не таким мучительным и трудным, как подъём на кисельный берег Молочной реки. Вот что значит опыт: в трудном деле поднатужиться — второе слёту возьмёшь!

Славка и Пёс взобрались на самую вершину и решили передохнуть. Тем более что вокруг стало темно-претемно, хоть глаз выколи! И куда тут пойдёшь, если под ногами ничегошеньки не видно? Зато звёзд на небе видимо-невидимо. Да такие огромные и мохнатые, как астры в палисаднике у Славкиной мамы. И яркие-преяркие, как сказочные светлячки или волшебные фонарики.

А звёзды смотрят сверху на друзей и тихо переговариваются:

— Ой, смотрите, какие они усталые. И зачем, интересно, они сюда взобрались? Чего им понадобилось на вершине, да ещё ночью?

Но разговор звёзд неожиданно прервал свист. Кто свистит, не видно. А Славка догадался:

— Да это же тот самый Варёный Рак, про которого нам Лесовик рассказывал! — Славка опустился на корточки и, растопырив пальцы, стал слепо ощупывать камни.

— Но-но! Потихе! Руками попрошу меня не трогать. Не для того я здесь жду-дожидаясь, чтобы меня все кому не лень руками хватали! — послышался из темноты недовольный скрипучий голос.

— Ой, извините нас, пожалуйста! Я же совершенно ничего не вижу. — Славка отдернул руку.

— Ай-яй-я-а-а-а!!! — Вдруг завопил Пёс. — Ой, как больно! Зачем же кусаться? Я же никому ничего плохого не сделал. Я только хотел понюхать, чтоб узнать, кто это тут свистит.

— Не суй носа, куда не просят! И не кусался я! А только ущипнул чуть-чуть.

— Зачем же щипать? Мы же вам ничего не сделали.

— Так, на всякий случай! Чтобы вели себя повезливее. Будьте как дома, но не забывай, что в гостях!

— Извините нас! — ещё раз попросил Славка.

— Хватит извиняться. Я Варёный Рак. Жду — не дождусь, когда вы уйдёте отсюда. Я тишину люблю! И не надо мне тут на хвост наступать и клешни оттаптывать. Не для того я их всю жизнь отращиваю!

— Ой, простите, пожалуйста! Я совсем не хотел... — Пёс осторожно опустил на камень, поджал под себя хвост с лапами и замер. — Я лучше посижу.

— Лучше бы вам всем посидеть, а не суетиться и не наступать на мои варёные конечности.

А долго мы так сидеть должны? — поинтересовался Славка.

— Откуда я знаю? — ответил Рак. — Топчетесь на одном месте, звёзд с неба не хватаете... Вы зачем сюда взобрались?

— А мы не знаем. — Славка удивлённо поднял плечи. — Старик Лесовик говорил что-то про звёзды и про то, что Лысая гора нам путь укажет.

— А куда вы путь держите?

— Нам в Медвежий угол надо.

— А зачем? — заинтересовался Рак.

— Мы там потерянные сны хотели поискать.

— Сны? — удивился Рак. — Чего только не теряют! Хотя, вот что я вам скажу: если мозгами как следует пошевелить, то и сны можно найти. И где же ещё-то, если не в Медвеьем углу? Ну, конечно, в Медвеьем углу! Там же одни сонные тетери живут.

— Вы так считаете? — Славка разговаривал с темнотой и изо всех сил старался быть вежливым.

— И думать нечего! Хватайте звёзды и вперёд — к цели! — Рак в последний раз громко и протяжно свистнул, а потом, не говоря ни слова, исчез под большим камнем.

Славка поднял голову, потянулся к ближайшей звезде и ухватил её так ловко, что звезда даже не ойкнула. Потом он поймал ещё одну и ещё. Запихнув звёзды за пазуху, Славка увидел, что сам превратился в большой фонарик. Звёзды все как одна были такими яркими и лучистыми, что легко просвечивали сквозь тонкую ткань рубашки. Пёс подпрыгнул и тоже схватил зубами самую близкую зазевавшуюся звёздочку. Вокруг стало светло. И друзья рассмотрели наконец вершину Лысой Горы. Хотели попрощаться с Варёным раком, но не обнаружили его. Даже со светом. Рак давно уже спал в своей норке под плоским камнем и смотрел зеленовато-водянистые рачьи сны.

Одна из пойманных Славкой звёзд оказалась той самой, Путеводной. Она и указала друзьям единственную тропинку, по которой они могли спуститься с Лысой горы. По дороге на каком-то камешке Славка вдруг запнулся и упал, нечаянно толкнув Пса. Оба путешественника кубарем скатились к подножью горы и оказались... Да неизвестно где! А звёзды высыпались из-под рубахи и стремительно взлетели в небо, к своим. Сверху они смотрели на друзей, весело хихикали и перемигивались.

10. Тот самый Медвежий угол

Путники поднялись с земли, отряхнулись, потрогали себя за ушибленные места, огляделись и увидели... Не то улицу, не то переулок. Дома — не терема, не избушки, не хатки. А так — одни залепушки да заплатки. И дорога не дорога, если смотреть строго: где течёт, где виляет, не ползёт, так гуляет.

А навстречу им из-за поворота через кривые ворота катится не то мужичок, не то сена пучок в худой овчинке с котомкой на спинке. На руках рукавицы, на ногах не то лапти, не то валенки... В таких не по улице шастать, а семечки лугзгать на завалинке.

— Эй, постойте, пожалуйста! Если вы никуда не торопитесь. — Славка кинулся к прохожему.

— Тороплюсь! Разве не видите? Бегу, лечу, кручусь, качусь, успеть хочу.

— Куда успеть?

— За стол к шапочному разбору. Опоздаю, останусь без обеда. Ложки разберут, придётся щи лаптем хлебать. А лапти-то давно уж сносились, на лыковые верёвки развалились

да сгинули. Дороги-то вишь, какие у нас? Рытвины да ухабы. Ни пешему, ни конному не пройти. Хоть фонарём свети, а пути не найти.

— А что ж вы так живёте? Дорогу себе не сделаете?

— А кому это надо с нашим миром да ладом?

— Как кому? Дорога всем нужна!

— Не-е-е... У нас сапоги-скороходы имеются. Одна пара на всех. Завтра моя очередь.

Надену и в город побегу. Наберу добра всякого у кума Якова, калачей из муки лапшовой да крупы пшённой, самой дорогой да ядрёной. Буду всю зиму щи да кашу варить, на печи полёживать, отсыпаться, весны дожидаться.

— Я смотрю, у вас не только дороги нет, у вас и электричества тут нет. Ни одного столба с проводами не видать. — Пёс окинул удивлённым взглядом кривую улицу.

— Нам это ваше электричество ни к чему! Мы и так приспособились. С солнышком ложимся, с солнышком встаём. Зимой день короткий, так мы всё больше на печи бока отлёживаем. Летом день длинный. Солнышко трудится, рано встаёт. Ну и мы не отстаём, не только песни поём да хороводы водим. Летом мы всю работу стараемся переделать. По грибы да по ягоды в лес ходим, пашню пашем, засеваем, сено косим, запасаем, дрова рубим, урожай собираем. А осенью свадьбы весёлые играем. Считать не умею... Да сколько ни есть — тьма тьмущая женихов да невест!

— А бани есть у вас? Нам бы помыться с дороги, — спросил Славка.

— Бани мы не строим. С банями забот втрое. Печь в доме натопим, хлеб и караваев напечём, воды в чугунах нагреем да всей оравой в печи моемся, хвори выгоняем, чтоб не болеть и не стареть. Вот и живём без бед по сто лет.

— А календари-то хоть у вас есть? — поинтересовался Пёс.

— Календарей тожа нету. Так что не обессудьте! Денёчки мы не считаем, недельки так листаем, месяцы как воробьи стаями летают, годочки вообще не замечаем, как маслице на блинах тают. Сколько на роду написано, столько и живём.

— А как же вы без телевизора обходитесь? — опешил Славка.

— Телевизор? А что это такое?

— Это такая коробка, в которой всё про всё рассказывают и показывают, — пояснил Пёс.

— Знать не знаем и видать не видывали. У соседа Ивана есть горшки и стаканы. У кумы Марьи — тарелочка с золотой каёмочкой да яблочко наливное. Как понадобится чего-нибудь узнать, она скатерть расстелит и говорит: «Беги, беги яблочко по золотой каёмочке! Покажи нам белый свет и то, чего на свете нет. А на нет и суда нет!» Вот и весь ответ!

— А телефон или хоть радио какое-нибудь есть?

— Велика больно честь! Вместо телефона у нас сороки-белобоки. Летают далёко, высоко, всё видят, всё слышат, новости нам приносят на хвосте. Может, те, а может, и не те. Кто ж его знает? Радио есть. А как же без радио? Радио у нас старое, проверенное веками — сарафанное. Слыхали?

— Сарафанное? А что это такое?

— Дело простое: сплетни да слухи разносят старухи, подолами сарафанов машут, всё про жизнь расскажут — и про свою и про вашу. Сарафанное радио самое скоростное: на одном конце улицы не успеют чихнуть, как на другом уже здоровья желают.

— Ну хоть часы-то какие-нибудь есть у вас? — Славка не верил.

— А зачем нам часы? Счастливые часов не наблюдают! Морока с часами этими. Один купец заморский тыщу лет назад завёз к нам часы песочные, особо шустрые, но не особо точные. Да больно сложно с ними, одна канитель: вовремя надо переворачивать. А мы люди занятые, хозяйственные. Нам не до часов. Управился со скотиной, и ворота на засов. Кто перевернул, кто забыл. У кого песок внизу, у кого вверху застрял. Споры пошли да ссоры, от мелких укоров дело до зуботычин дошло. А мы люди мирные. Поразбивали мы эти часы да в лесу под вековым дубом и зарыли, чтоб грибы дружной росли. С тех пор всё больше по солнышку живём. Оно не обманет. В окошко заглянет, подымет с печи: «Пеки калачи! Делом занимайся! Лению не майся!» Не тот живёт больше, кто живёт дольше. А тот, кому работуха не в тягость, а в радость!

— Ну и темнота тут у вас! — хмыкнул Пёс.

— Так это же тот самый Медвежий угол и есть! Самый настоящий! — Славка победно хлопнул себя по лбу.

— Слушайте, э-э-э... Как к вам можно обратиться?

— Да хоть горшком обзывают, только в печь не сажайте!

— Мы вот ещё что спросить хотели... Вы случайно не знаете, где у вас тут сны можно найти?

— Да где стоите, там и спите!

— Нет, вы не поняли. Нам надо потерянные сны найти.

— А-а-а... Так бы и говорили, что проворонили сны, а теперь спохватились. Так это вам туды, подале от беды. В самом конце, на зелёном крыльце Тетеря сидит, на мир не глядит, живёт-поживает, день и ночь зевает. Идите прямо, никуда не сворачивайте. Увидите берёзу, на берёзе той гнездо осиное. Так вы не вздумайте гнездо ворошить. Осы не любят, когда прохожие нос суют, жителя не дают. На самой верхушке, почти на макушке Тетерин теремок. Тетеря она и есть Тетеря! Для неё всё находка, что для иных потеря. Ох и любит чужое добро! Да не золото и серебро. С осени до весны собирает сны. Насобирала с три короба. На всех хватит, если растеряша не спохватится да назад не потребует. Ой, заболтался я с вами. К шапочному разбору и то не поспеваю.

И убежал: не то мужичок, не то сена пучок в худой овчинке с котомкой на спинке.

11. Сонная Тетеря

Кое-как отыскивали путники большую берёзу и гнездо осиное. Только хотели постучать по стволу, чтобы Сонную Тетерю разбудить, осы всполошились, загудели, зажужжали, из гнезда повывлетали и давай кружить вокруг незваных гостей.

— Знаешь, Славка, мне почему-то кажется, что осы совсем не рады нашему приходу, — засомневался Пёс.

— И мне так почему-то кажется. А что делать? — Славка с опаской наблюдал за осами.

— Надо притвориться, что мы спим. Ложись быстрее и закрывай глаза.

На шум и гул, который подняли потревоженные осы, из теремка, похожего на скворечник, высунулась растрёпанная Тетеря, протёрла вечно сонные глаза и увидела под деревом мальчика и большую белую собаку.

«Такого мне ещё не снилось!» — подумала Тетеря, взмахнула рябыми крыльями и шумно опустилась на траву рядом с незнакомцами.

— Тук-тук! Я извиняюсь! Вы тут просто так лежите или спитесь мне? — Тетеря осторожно потрогала собаку.

Пёс чуть-чуть приоткрыл один глаз и прошептал:

— Тихо! Говорите шепотом! Мы просто притворились, что спим. А на самом деле мы тут лежим, потому что очень боимся ос.

Тетеря всё поняла и громко скомандовала:

— Осы! Вы чего тут всполошились? Это ко мне... Мой новый сон пришёл. Так что не надо тут шум поднимать и хорошие сны распугивать.

Осы успокоились и одна за другой скрылись в большом осинном гнезде.

Славка тоже открыл глаза, увидел Тетерю и обрадовался.

— Ой! Вот вы-то нам, кажется, и нужны! Вы, говорят, сны собираете?

— Говорят-то говорят. Языком молоть не дрова колоть! Слово толковое стоит целкового. Ну, собираю. И что? У меня их целая кладовка. На любой вкус сны имеются. И страшные-престрашные есть. И добрые, и волшебные, и сказочные...

— А потерянные сны вы случайно не коллекционируете?

— А как же! Ротозеи не перевелись ещё. Потерянных снов за всю мою жизнь сотни три накопилось. Я их все аккуратненько перебрала, пересушила, проветрила и по мешочкам разложила. В чулане на полочках лежат, дожидаются.

— А чего они дожидаются?

— Маш-растеряш, которые ушами хлопают, по сторонам зевают и всё теряют. А вы просто так интересуетесь или забота какая одолела?

— Одолела... — вздохнул Славка. — Сны мои потерялись. Только я не Маша, а Славик.

И ушами хлопать я не умею.

— Значит, сны ищешь? А чего дашь, коли верну твои сны?

— А чего попросите? За что продаёте? — вмешался Пёс.

— Я снами не торгую! Тактику имею другую. Я найденные сны меняю.

— А на что вы их меняете?

— На что угодно! Могу интересными снами взять или сказкой какой-нибудь новой. Или рассказом про что-то необычное, особенное, непривычное. Я всё люблю.

Пёс и Славка переглянулись: шило на мыло меняет.

— А давайте я вам про Бабу Ягу сон расскажу или про Лешего и Кощея Бессмертного... — предложил Славка.

— Ух! Ух! Ух! — заушала Тетеря. — Да кому они нужны? Про них любой ребёнок с три короба наговорит. Ни одной сказки не отыщете, куда бы эти злыдни свои носы не сунули.

— Ну тогда я могу вам парочку снов про Луну предложить. — Пёс дружелюбно замахал хвостом и широко улыбнулся.

— Про Луну? Про Луну у меня снов ещё не было. Давай свои сны. Только уж подбери самые светлые, где Луна покруглее да побольше. Я вообще предпочитаю всё крупномасштабное. Чтоб не прогадать, если что.

— Вот здорово! — обрадовался Лунный Пёс. — Я ещё про Полнолуние могу сны предложить. Я как раз недавно оттуда.

— Ну тогда я и думать не буду! Айда ко мне в Теремок.

— Как это айда? Я по деревьям не умею лазать. Я же не медведь.

— А я научу! Ух! Ух! Ух! — захохотала Тетеря и захлопала крыльями. — Подумаешь, беда! Эй, осы с длинным носом! Летите сюда!

Осы с любопытством высунулись из гнезда и уставились на непрошенных гостей.

Пёс испугался и вдруг вспомнил, что умеет летать! Взмахнул ушами, вытянул хвост и мгновенно оказался на крылечке Тетериного теремка.

— Проходи, проходи! — Тетеря подтолкнула Пса. — Осы сюда не летят. Будь как дома, но не забывая, что в гостях!

Пёс сунул было нос в круглое отверстие, которое служило входом в теремок. Но кроме носа в круглую дверь ничего не пролезало. Пёс был большим, а теремок маленьким.

— Я уж лучше тут где-нибудь прилягу. — Пёс покрутился, понюхал, пофыркал, кое-как уместился на самой толстой ветке, зажмурил глаза и тут же снова открыл: — Что-то мне как-то не спится.

— А мы щас с тобой чайку попьём, песенки сонные попоём, — Тетеря засуетилась, захлопотала, как будто и не устала.

Заварила Тетеря свежего чаю. Да не обычного, а сонного. Чаёк у Тетери не купленный, а домашний! С калиной, малиной, чабрецом и ромашкой, земляникой, черникой, душицы пучком, забелён туманным молочком. Чаёк не простой: тягучий, густой, как столетний настой. К чаю дала она Псу горькую шоколадку, чтобы сон был сладким.

Выпили они сонного чайку и попеть не успели — сразу уснули: Пёс на ветке с ветерком, а Тетеря в теремке — на перинку ничком упала, как пропала.

Славка присел под деревом, взял в руки берёзовую ветку и стал отгонять мух и прочих любопытных. Долго ли, коротко ли длился обмен снами, Славка не заметил, потому что тоже задремал. Но сны ему не снились. Их у него не было.

— Красота-а-а-а... — Тетеря открыла глаза, сладко потянулась и разбудила Пса. — Сколь ни живу, а таких чудных снов сроду не видала. Собачьи истории дорогого стоят! Понравились сны, не совру! Даже торговаться не буду. Все беру! Ну, я пошла в свои закрома, искать Славкины сны буду сама. А ты давай спускайся вниз. А другу скажи: для него сюрприз!

Помня про то, что осы только и ждут Тетериного приказа, Пёс, побряхтывая и поскуливая, кое-как спустился вниз. Где елозил, где скользил, нос и лапы занозил. А на последнем сучке зацепился и на Славкину голову кулём свалился. Отряхнулся, присел на травку и стал зализывать царапины. Славка достал свой носовой платок, порвал на четыре части и перевязал другу ободранные лапы.

Через некоторое время — может, через час, а может, через три... И на солнце не смотри, — наверху что-то затрещало, заверещало, и на головы друзей шмякнулся красный бархатный мешочек с пришитой белой тряпочкой. На тряпочке корявым почерком было нацарапано: «Сны какого-то мальчишки, который всё время летает».

— Это мои! Мои! Это я всё время летаю во сне! — завопил счастливый Славка и закружился по полюне с мешочком в обнимку.

А Пёс вдруг отчего-то погрустнел. Присел в сторонке, опустив умную голову. Слезы большими прозрачными горошинами выкатывались из печальных собачьих глаз и падали на перевязанные лапы. Славка обхватил друга за шею и прижался к нему всем телом. Крепко-крепко! И тоже зашмыгал носом. Путешествие закончено. Потерянные сны наконец нашлись. Теперь предстоит самое трудное — расставание.

Расставаться с другом всегда трудно. Тем более когда не знаешь, а будет ли встреча?

12. Летать умеют все

Славка открыл глаза и увидел, что уже утро. Он лежал в собственной постели, в своей комнате и долго не мог понять, как и когда он попал домой? Мальчик совершенно не помнил обратной дороги.

— А где же Лунный Пёс? — Славка вскочил, заглянул под кровать, подбежал к раскрытому окну и заглянул вниз. Друга нигде не было. Только на песчаной дорожке виднелись чёткие следы больших собачьих лап.

Целый час Славка сидел за кухонным столом, громко отхлёбывал из красивой фарфоровой чашки совершенно остывший чай и не замечал удивлённых взглядов родных.

— Славик, ты не заболел случайно? — Мама потрогала Славкин наморщенный от задумчивости лоб и недоумённо пожала плечами. — Холодный. Температуры нет.

— Может, не выспался? — предположил папа.

— А может быть, тебе что-нибудь приснилось? Сон какой-нибудь страшный? — спросила бабушка.

Славка хотел ответить, что сны ему давно не снятся... И вдруг до него дошло: «Снятся! Снятся!» И прошлой ночью он увидел самый лучший в мире сон. Самый прекрасный из тех, что ему когда-нибудь снились! Славка и верил и не хотел верить: неужели всё, что с ним произошло, — это обыкновенный сон? А как же Лунный Пёс? Неужели и он — только сон?

— Нет! — Славка стукнул кулаком по столу.

Чайная ложка испуганно подпрыгнула и обиженно задребезжала в чашке.

— Нет! Этого не может быть! Я не хочу! Не хочу верить, что мой Лунный Пёс мне приснился! Такого не может быть! Это неправильно! Это несправедливо! — Славка плакал громче и громче, не стыдясь слёз, не обращая внимания на взрослых.

— О чём он? — удивилась мама. — Вот и ночью, когда я заглянула в детскую поправить одеяло, он бормотал про какого-то пса.

Родители смотрели на горько рыдающего сына и не знали, чем помочь. А чем можно помочь человеку, который потерял лучшего друга?

Славка весь день метался по дому и ждал чего-то. Вечером долго не ложился спать, смотрел на полную Луну и шептал:

— Где ты, мой верный друг? Что ты без меня делаешь? О чём думаешь, Лунный Пёс? Ты там хоть скучаешь обо мне? А может, тоже сидишь сейчас на своей Луне и смотришь на Землю? — Славка на всякий случай помахал рукой.

— Эй, кому ты машешь? Опять сон потерял?

Славка замер. На дорожке под окном, на том же самом месте, где и вчера, стоял Лунный Пёс. Он улыбался во все зубы и радостно махал пушистым белым хвостом. Сияние, которое исходило от длинной собачьей шерсти, рассеивало темноту, и тьма не казалась страшной. Ночь была загадочной, неизвестной и зовущей. Славка смело встал на подоконник, раскинул руки, которые были сильными, как крылья, и... полетел. Он снова умел летать.

Славка летел над землёй, а Лунный Пёс бежал по дорожке и, задрав счастливую морду, поглядывал на друга. Потом оттолкнулся задними лапами от собственной тени и тоже взлетел.

— Друг! — кричал счастливый Славка. — Я так рад, что ты не улетел на свою Луну! Это же очень здорово! Теперь мы можем летать каждую ночь! Слушай, Пёс! Бабушка сказала, что люди, пока они растут, умеют летать во сне. А мне ещё расти да расти. Я же ещё маленький. Значит, мы с тобой будем летать долго-предолго! Долго! Долго! Долго-о-о-о-о...

г. Коркино

Татьяна Ческудова

Припадёт холодными губами

* * *

Расписан апрель полотнами
С домами и тротуарами.
Распахнуты люди окнами,
Их души летают парами
Бульварами или скверами,
Любуясь весны пейзажами,
И небо смеётся серыми
Глазами, от счастья влажными.

Последний снег

В плечо земли
Уткнулся горемыка —
Последний снег.
А патрули
Грачей истошным криком
Пронзали свет,

Галдели: — Мар-р-рт! —
Оттачивая маршем
Чеканный шаг,
Как авангард
Весны в строю монаршем:
— Сдавайся вр-р-раг!

И снег слабел,
Сползал по чернозёму
В сырой овраг.
Он не у дел.
Обиды по живому
Струились так,

Что всё кругом:
Поля, околки, небо —
Прозрев, уже

Могли с трудом
Вместить все слёзы снега
В своей душе.

Детство в маминых руках

В неизбежном увяданье
Старых милых рук
Вьются реки без названья.
Рекам недосуг —

Выпирают от надрыва
Синею волной,
Простираясь молчаливо
Ветвью родовой.

Окунуть лицом в ладоней
Тёплую купель —
Тихо-тихо память тронет
Детства колыбель.

И польётся песней тонкой
Звонкий голосок,
Где по классикам девчонка
Бойко скок да скок.

— Белобрысы ресницы! —
Дразнит детвора,
— Две мышиные косицы,
Чёлка — два вихра!

Да щербатая улыбка
Убыль выдаёт.
Приласкает мама: — Рыбка,
Солнышко моё.

Поцелует тараторку,
Да и все дела.
А про зубик скажет: — В норку
Мышка унесла.

* * *

Это вёсны Урала —
Белым пухом небес.
Видно, мало им, мало
Чистоты и чудес.

Видно, всё по привычке:
Холода да пурга.
На весенней страничке
Что-то пишут снега.

Я улыбкой блаженной
К высоте восхожу.
Всё, как есть, вдохновенно,
Наяву разгляжу:

Эти снежные жесты,
Кружева и букле —
Видно платье невесты
Так по нраву земле.

Февральское соло

Подари мне, февраль, подари
Нежно-снежное соло рассвета,
Где на ветках зимы снегири,
Словно вспышки далёкого лета,

Где на тоненькой нити луча
Загустевшие ноты однажды
Отогреются и зажурчат,
Утолив послезимнюю жажду.

* * *

Запахну плотнее шаль,
Будто крылья, накрест,
И к тебе в седой февраль...
Жаль, не знаю адрес.

Жаль, не знаю даже то,
Есть ли ты на свете?
Снега белого манто
Поналепит ветер,

Понакрутит конфетти,
Словно ворох судеб,
Словно этому пути
Просверка не будет,

И не будет бытия,
Вытканного счастьем,
И доверчивость моя —
Глупая отчасти.

Но, идя на перехлёст
Тленности убогой,
Я тебя до боли слёз
Вымолю у Бога.

* * *

А февраль уходит нараспашку,
Сединой тряхнув, без лишних фраз.
Он морозом утренним взятяжку
Насладится, как в последний раз,

Припадёт холодными губами
К моему усталому лицу
И простится тальми снегами,
Пробудив калитки хрипотцу.

И благословя его незримо,
Будто мы единая семья,
Заскimit в груди неизмеримо
Что-то много большее, чем я.

И кому-то властному подвластна,
Рассмеётся солнцем тишина,
И уже отчётливо и ясно
Видится в проталинах весна.

* * *

Ветра, недугом одержимы,
Несут хандру.
Весна забыла об озимых —
Ой, не к добру.

Поля, где зверь и птичьи кладки,
Глодают дым —

Прогаров чёрные заплатки —
Сукном худым.

Стерней непаханого края
Зачат рассвет.
Я к сердцу совесть прижимаю,
Как первоцвет.

г. Троицк

Феликс Андреев

Поэма-ожидание*

(письма, размышления, телеграммы)

письмо 1

...Сегодня не было письма
(всюду говорят об этом!),
а правды не услышишь...

Пойду, ещё раз погляжу.

письмо 2

...всё было сделано поверхностно,
предугадано и театрално:
темнело быстро,
а чудесный вид декораций
заметно уступал смелости
и монотонному темпераменту
лопастей
невыдуманных
чудищ.

письмо 3 poste restante

...и не слышно дна звука,
и очень сильно действует на душу:
«Тебя нет — значит, ничего нет
и ничего не нужно!»

Только привези себя в сундучке:
«До востребования».

телеграмма 1

Пиши подлиннее...

письмо 4

...когда так близко твоё дыхание —
(не спеши, пиши помедленнее!)
время внять
и услышать,
и успеть насладиться.

за итогами вчерашних встреч,
стать костром — отгоревшим — дней...

письмо 5 (неоправданно длинное)

Время тянется...

Целый день меня раздражают разные мелочи:
твоя собака опять спит на моём диване;
в субботу нет парохода
и добираться придётся лошадьми...
(...ничего не поделаешь,
боюсь, что это не очень красивая,
но весьма эффектная данность).

Зато после — (...кто бы мог подумать!) —
как всё будет полно и хорошо
и мы станем наслаждаться
тишиной и покоем
пусть даже если
две недели пролетят, как ничто...

письмо 6

Снег.
Холодно.
Противно.
Какое же это унынье
неотрывно смотреть в окно!

телеграмма 2

Я злюсь каждый раз,
как только начинаю рассуждать...

рассуждение 1

свойственно ли удивляться тому,
что когда потеплеет,
всех озарит
одинаково
восторженная
улыбка:
«Как хорошо жить!..»

* Публикуется в авторской редакции.

Но прошу Тебя, оглянись,
чтобы лишний раз убедиться,
что это только «...т а м
где поля, река, лес.
где напрочь отсутствуют
витрины магазинов».

рассуждение 2

В той смерти, что прошла мимо,
не было проку.
Было лишь предчувствие препятствия,
преодолевать которое
не хотелось.

телеграмма 3

...адрес написан не тобой!

рассуждение 3

...до сих пор ничего не известно,
но представляется мне отдалённым
чудесный вид и... аромат,
которыми так увлекается всё отчего-то.

Звуки волнуются.

Внутри опустевшей «Звучащей раковины»
море грохочет;
колокола гудят! —
(голосящие гласные!).
Ими заполняется
уютная ниша моей хижины.

...но мне не впервой з н а т ь !:
И мне хочется на простор.
Я пытаюсь домыслить свободу,
и от этого
как-то не по себе!
п о ч е м у - т о...

телеграмма 4

«Ты стоишь отдельно...»

рассуждение 4

Нет ничего похвальней и благороднее,
Чем слова в потоке слов гранить...
...буду писать!

письмо 7

...вот уже два вечера
сажу на палубе, гляжу на берега;
слушаю, как безнадежно идёт дождь.
Как не меняется картина покоя:
целое представление —
непонятное обаяние, мягкая грусть,
от которой больно на душе.

письмо 8

Летопись-клинопись:
все типы точно из прошлого тысячелетия
— одна лишь трава над всем,
(только высохшая трава!) —

ж е л т ы й ц в е т
над всем...

письмо 9

...осенняя природа:
бледное солнце,
сквозной лес.
Всё грустно,
всё сжимается,
всё угасает.
Не замечаю как проходит день:
прямо по нашему переулку,
мимо окон нашего дома —
дух!

письмо 10

...надо всегда молчать,
что бы ни было на душе.
(Все люди должны так делать!)

но над всем преобладает серый оттенок.

...а? Кто оказался прав?
(О, если бы только дождь!)

...конечно, трудновато будет,

но люди ожили б
п о с т е п е н н о

письмо 11

«Чудесно пахнет пожелтевшим листом»

...итак, стало быть, я здоров!..

«...в Москве грязь и гадость!»

Начинается день, но не кончается ночь.
Вчера мне было нехорошо:
тело горит в адском огне,
а зубы стучат от страха,

оттого и остаюсь SOLO

письмо 12 (последнее)

...как у нас людно и шумно!
Подходит открытие,
а у меня ничего не готово.
Устаю,
путаю дни,
числа...
«...О, эти славные мертвецы!»

Пробовали сегодня, всё одно — недостаток!
Лучше уехать,
да нечем — море, нынче «бурливое».

рассуждение 5

Хочется писать складно и понятно,
а не получается!
Поэзия исчезает:

словно сквозь пальцы
просачивается.
Остаётся лишь шелуха слов.

г. Геленджик

27

Графоман № 2(38)-2019

Михаил Авдейчик

И слушай зов сердец

Поцелуй

Вале Сурме

Я сегодня умру, если не поцелую
Ту единственную, что мне Богом дана,
Напролом я пойду к ней и напропалую
С убежденностью крепкой: дорога верна.

Вот я близко у цели, осталось мгновенье,
И в груди моей вспыхнет огромный пожар,
Счастье — губ моих к девушке прикосновенье,
И я буду от радости петь и плясать.

Вкруг мечты я хожу и брожу ее подле,
И сердечных теперь не унять моих струй...
...Погубил губ девичьих меня острой болью
Несвершённый желанный давно поцелуй!

Мама моя

Я взгляну на небо:
Предо мною прямо
Встал великолепный
Образ милой мамы.

Мама моя самая,
Самая красивая,
Дорогая мама моя,
Радость негасимая.

Я пойду направо,
Поверну налево,
Тянут хором травы
Нежные напевы.

Мама моя самая,
Самая красивая,
Дорогая мама моя,
Радость негасимая.

Все напоминает
О любимой маме...
Вот она, родная,
Красной розы пламя.

Мама моя самая,
Самая красивая,
Дорогая мама моя,
Радость негасимая.

Мама, свет мой вешний,
Простирает руки.
И теперь, как прежде,
Лучшая подруга.

Мама моя самая,
Самая красивая,
Дорогая мама моя,
Радость негасимая.

Настасья

песня

Маме моей Анастасии

Ой, Настасья, ой, Настасья,
Открывай ты ворота,
Ворота открой на счастье,
Едет барин-сирота.

Ой, люли, люли, люли,
Едет барин-сирота.

Ты всегда передо мною
Всюду, где б я ни бывал,
Я живу тобой одною,
Ты сражаешь наповал.

Ой, люли, люли, люли,
Ты сражаешь наповал.

Ты меня пронзаешь взглядом
Неожиданно насквозь,
И теперь, когда ты рядом,
Мы с тобой уже не врозь.

Ой, люли, люли, люли,
Мы с тобой уже не врозь.

Ой, Настасья, ой, Настасья,
Открывай ты ворота
Поскорей, чтоб нам остаться
Неразлучно навсегда.

Ой, люли, люли, люли,
Неразлучно навсегда.

Тишина

Вдоволь напилась дождя земля,
Струны солнца, тронув, можно слушать.
К свежести прикован крепко взгляд,
Платья мокрые берёзы сушат.

Кубок неба выпит весь до дна,
И в короне радуги огромной
Гордая стоит на склоне дня
Тишина, беременная громом.

На лыжах

Скорей
В лицо зиме
Взглянуть:
Морозный воздух чист...
Пред нами путь,
Широкий путь,

Причудлив
И змеист.
Мчат лыжи,
Только снег шуршит.
И в сказку
Ты летишь,
И прячет лес
В своей глуши
Надломленную тишь.
Беги,
Чтоб ветер
Бился в грудь,
И слушай зов сердец...
Пред нами путь,
Широкий путь
И удивлённый лес.

Волк и Соболь.

Увидев Соболя,
Волк
Зло цедил
Сквозь зубы:
— И на какие
Средства он
Купил такую шубу?

г. Бакал

Михаил Рудковский

О птицах (короткие рассказы)

С детства меня поражало пение пернатых. Эти пощёлкивания, посвистывание, стрекотания и переливы, эти рассыпчатые и прерывистые коленца всегда завораживали и заставляли застыть в каком-то предельном изумлении. В доме в разное время жили всякие птицы, и я мог, забыв об необходимости делать уроки, сидеть и слушать их голоса. Навсегда запомнились детские зимние вылазки с братом по глубокому снегу за семенами репейника — питание для живущих у нас щеглов. Песенные выкрутасы барской неженки канарейки и соловьиные переливы, услышанные в саду, приводили в душевный трепет от изумления и очарования. В кукушкином призыве мне чудилась тоска одиночества, в сорочьей трескотне — неудержимое желание сказать что-то важное, в воробьином чириканье — весёлая радость солнцу. С возрастом желание слушать птиц возрастало. В какой-то момент я даже очень пожалел, что не стал орнитологом. Другая страсть захватила душу и определила профессию на всю жизнь, но любовь к птичьей песне не угасла. На моём рабочем столе стоят две китайские игрушки: поющие птички. Нажмёшь кнопку и наслаждайся их механическим голосом. Весёлый пустячок, но он стал регулятором моего рабочего настроения. Сажусь за стол и всегда начинаю с ритуала: крутану вертушку с дельфинами, включу пернатых солистов, послушаю их незамысловатые рулады, и появляется светлая лёгкость и радость наступившему дню. Казалось бы, игрушка, имитация, но, вероятно, навсегда поселившееся в сознании восхищение перед птичьим хором настолько заполнило душу, что малейшее напоминание о нём невольно приносит очередную дозу хорошего настроения.

Четыре тёмные бусинки неподвижных глаз укоризненно смотрят на меня, словно хотят сказать: «Что же ты, дорогой друг, не позаботился заранее и не приобрёл батареек. Лишил нас голоса, а себя удовольствия. Петь мы уже не можем, но ещё немного покрутим головками. Если тебя устраивает такое положение, то завтра мы вообще отключимся. Решай сам!» Приоб-

рёл шесть батареек, и мои настольные подруженьки вновь стали радовать своим щебетанием. Со стороны, вероятно, странным кажется радость седовласого мужика от механического подражания пению птиц. Суррогат прошедшего счастья. Но мы же наслаждаемся пейзажными картинками и не удивляемся этому. То же своеобразное подражание лесной поляне, лугу, хлебной ниве или речной излуине, так как стопроцентного попадания не может достигнуть даже самый талантливый художник. А романс «Соловей» Александра Александровича Алябьева, написанный в тюрьме. Прекрасное произведение, родившееся под влиянием воспоминаний трелей живого соловья. Так что подражание живой природе, вернее, попытки повторить её часто приводили к созданию прекрасных произведений искусств. Всё дело в качестве, в результате этих занятий. Ну а голоса моих игрушечных пернатых, конечно, далеки от природных эталонов, но всё равно будят фантазию и позволяют радоваться жизни.

Красивое слово

Помню, как-то в походе, обедая, мы услышали щебетание неизвестной птахи и невольно заслушались.

— Похоже на свадебную песню, петушок, наверное, заливается, — заметил товарищ.

— Пеночка это веселится, — небрежно бросил другой мой друг.

Я с уважением посмотрел на него. Какой молодец! Как в птичьих голосах разбирается. Через несколько дней нам довелось услышать ещё одного певца, но совсем с другой песней.

— Пеночка это, — вновь подсказал товарищ.

— Как пеночка? — удивился я. — Тогда были трели, а сейчас совсем другое.

— Да я всех птиц пеночками называю. Красивое слово.

Посмеялись от души, и с этого момента до конца похода все птицы для нас стали пеночками. Вернувшись домой, я взял второй том «Жизни животных по А. Э. Брему» — «Птицы» — и прочитал про пеночек.

В нашу страну в конце апреля из Европы прилетает пеночка садовая, или её ещё называют пересмешка, хорошо подражающая голосам других птиц. Близкой к ней являются настоящая пеночка, теньковка и печальная. Все они ведут сходный образ жизни. В Восточной Сибири встречается малоизученная пеночка — зарничка. Маленькая, весит чуть больше пяти грамм, но очень заботливая родительница. С петушком во время выкармливания птенцов они за день приносят детям до 2000 насекомых. Орнитологи умели давать птицам нежные, лиричные названия.

Серебряные колокольчики

Ранней весной в городе появляются стаи свиристелей. Вероятно, их привлекают перезимовавшие ранетки, боярышник и другие ягоды деревьев городского озеленения. Это красивые крупные птицы до 20 сантиметров длиной, красновато-серого цвета, с озорным хохлом на голове. Их появление я могу узнать с закрытыми глазами по трели, свисту и звону, напоминающему серебряные колокольчики. На Урале они живут в хвойных лесах с примесью берёзы, никуда не улетают, а только перекочевывают с места на место. Хорошо переносят суровые зимы. Они мне очень нравятся уральской закалкой, красивой окраской и весёлым характером. Хорошо переносят неволю и становятся домашними любимцами. Недаром они вдохновляли многих поэтов на создание стихов. И я не составил исключения.

Свиристели, свиристели,
Знать, утихли все метели:
Постелили снег — постели
И на север улетели,

Но остались свиристели.
Свиристели мне пропели
Про покой у старой ели,
Серебром рассыпав трели,
Словно в душу посмотрели,
Успокоив еле-еле.

И это не единственное стихотворение, родившееся под волшебный звон колокольчиков свиристелей. Не знаю почему, но мне кажется, что эти вольные красавицы — божьи создания — олицетворяют души ушедших от нас поэтов. Стоит мне услышать их весёлый разговор на дереве-ранетке под моим окном, как хочется взять в руки томик любимого поэта и вновь

окунуться в мир удивительной поэзии. Поодиночке эти птицы почти не летают. В городе они собираются в стаи в стороне от магистральных шумных улиц и обследуют деревья в поисках перезимовавших плодов. Смотреть на них и слушать пение мне всегда доставляло большое удовольствие.

Верные друзья садоводов

У себя на балконе я устроил большую кормушку для синичек, но воробьи и особенно голуби нахально склёвывают всё зерно, оставляя осторожным скромницам жалкие крохи. Наблюдаю, как синички-корольки завтракают пшеном, часто отрываясь от трапезы, крутят своими маленькими головками, не летят ли эти громадины — голуби. С воробьями они спокойно делятся, не ссорятся. Эти бесстрашные чивики могут шмыгать между крупными голубями и порой прямо из-под носа у них утаскивают очередную крошку. Очень кушать хочется, отсюда и отчаянная храбрость. Эти шумные шустрые забияки и драчуны могут бесстрашно утащить кусочек из кормушки собаки, курицы и даже лошади. С городскими сизарями синицам лучше не связываться. Они очень живые и подвижные птицы, постоянно лазят, прыгают по веткам, где непрерывно охотятся за насекомыми. Это самые завзятые враги вредителей и лучшие друзья садоводов во все времена года. Каждая из них ежедневно истребляет до тысячи насекомых. Зимой им сложнее найти пищу, поэтому кормушка очень кстати. Пение синиц довольно примитивное, но не лишено приятности. Они щебечут, пищат, «цитируют» или повторяют: «Зи-зи». Наблюдаю за ними и молча разговариваю, как со старыми знакомыми.

— Ну что, дорогие мои! Зима-то на исходе. Да и холодов-то настоящих, считай, не было. Так, для Урала баловство одно, а не холода. Скоро встретимся в саду, там для вас будет царское угощение на каждой яблоне. Паразитов предостаточно. Попируете и урожай спасёте. Так что до встречи. А пока угощайтесь пшеном, не мясо, конечно, но всё же!

Сюрприз

В августе мы с женой отдыхали в спортивном лагере у красивого уральского озера. Однажды после обеда решили прогуляться по лесу и по берегу водоёма. Прогулка была замечательной. Идём по тропе, и вдруг я вижу на ней птичку, которая бежит назад и вперёд, бесполезно пытаясь взлететь.

— Оля! Смотри, смотри, больная или подбитая.

— Давай поймем и сыну в подарок привезём. Завтра у нас смена кончается. Будет ему сюрприз.

Я без труда поймал пичугу. Это была типичная трясогузка, которая чаще всего живёт возле воды. Верхнее оперение у неё было серое, а задняя часть шеи и затылок бархатисто-чёрные. Спереди — чёрная манишка на глотке и верхней части груди. Нижняя часть тела — белая. У основания правого крыла — небольшая ранка.

— Как же мы её повезём? Клетка нужна.

— Сходим в посёлок и у мальчишек купим маленькую клеточку, а дома придумаем что-нибудь.

Идея преподнести сыну сюрприз мне очень понравилась. Клетка удачно нашлась у завхоза лагеря. Устроили в неё птичку и довольные отбыли домой, где птичий домик я поставил на полку книжного шкафа и закрыл створки. Сын придёт из садика, а тут сюрприз. Кто-то из древних сказал: «Благими намерениями усыпана дорога в ад». Если бы я знал, чем закончится эта затея!

— Сынок, здравствуй, соскучился, бабушку слушался. Молодец! За это тебе сюрприз. Мама сейчас разденет, а ты заглянешь в книжный шкаф, там тебе подарок.

— Ура!

Сын убежал в комнату, а мы, счастливые, остались на кухне ждать радостного крика. Вдруг благостную тишину квартиры разорвал отчаянный крик, почти вопль:

— Папа! Папа! — И рёв в полный голос.

Ошарашенные, мы примчались к сыну. Он стоял перед открытым книжном шкафом, на полке которого стояла клетка с трясогузкой. Она лежала на спине, лапками кверху.

— Она умерла-а-а-а!

Мы долго не могли успокоить мальчишку, сочиня всякие небылицы про уснувших птичек, про птичий базар, на который мы его свозим, про то, что ей сейчас очень хорошо. Позже я прочитал у А. Э. Брэма: «Трясогузки совершенно не выносят неволи. Если их поселяют в квартире, то только при полной свободе. В клетках они быстро погибают».

Потеряшка

Я работал в кабинете с историями болезни выписанных больных. Макушка лета с честью выполняла своё предназначение. Солнце закономерно и щедро одаривало город жителю горячей энергией. Стояло безветрие. Кабинетную горячую духоту можно было хоть как-то уменьшить, открыв форточку, так как окно было запечатано намертво. Работаю и вдруг слышу негромкое

— Пиши, пиши, пиши...

Озираюсь. Что это со мной? Звуковые галлюцинации от жары! Никого же нет! А в ушах вновь:

— Пиши, пиши, пиши...

Поднимаю взгляд к потолку и вижу в углу на гардине маленького жёлто-зелёного волнистого попугайчика. Потеряшка. Явно домашняя птица. Перепутала дом и влетела в форточку моего окна. Пытаюсь поймать, но тщетно. Сбежал в буфет, купил булочку с маком и крошил его на стол. Сам замер с полотенцем в руках. Говорун не заставил себя долго ждать, спланировал на стол к угощению. Тут я его и накрыл. Будет подарок детям. Дома первичный детский восторг, который не разделяла жена, сменился вопросами:

— А где он будет спать? А чем его кормить? Что он умеет говорить?

— Пусть пока свободно поживёт в квартире, освоится, потом купим клетку.

Любимым словом попугайчика почему-то было: «пиши, пиши», или нам так казалось, а он хотел сказать: «пищи, пищи». Назвали мы его Пашкой. И он стал реагировать на эту кличку, порой повторяя: «Паше пишу, Паше пишу». Купили просторную клетку, но любитель свободы жить в ней не хотел. Стоило его поместить в неё, как он поднимал отчаянный крик: «Пить, пить, пить».

Плошка с водой стояла перед ним, а он продолжал кричать. Приходилось выпускать на волю. Крикун тут же устраивался на любимое место, в углу моего кабинета, на оконной гардине. Он мог часами там сидеть, наблюдая за жизнью в квартире. Это пристрастие сыграло роковую роль в его судьбе. Во время очередной генеральной уборки жена обнаружила, за гардиной в любимом Пашкином уголке, забрызганную птичьим помётом стенку. Это был шок! Решение было мгновенным. Открытое окно — и прости-поощай. Мне и детям было сказано, что попугайчик вылетел в окно случайно. Нам ничего не оставалось, как сделать вид, что поверили.

Воздушные акробаты

Интересное явление. В послевоенные годы, особенно в 1950-е и 1960-е, широко распространилось увлечение разводить разные породы голубей. Почти в каждом дворе или улице стояли голубятни. Люди устали от войны, и, вернувшись домой победителями, бывшие солдаты стали отогревать души возле прекрасных птиц. Не случайно известный уральский писатель-фронтовик Марк Соломонович Гроссман написал свою знаменитую книгу «Птицарадости» — рассказы о голубях. Она у меня стоит на полке самых любимых книг. Голубиные страсти горели нешуточные. Родилось целое направление в птицеводстве и в криминальных разборках. Интерес взрослых, естественно, переняли дети, и многие старшеклассники, забыв об уроках, увлечённо проводили часы со своими питомцами, вызывая возмущение родителей. Мы с братом не были исключением. В сарайке, где обитала корова, под крышей соорудили голубятню и каждую свободную минутку посвящали голубям. Экономии на школьных завтраках, на мороженом, каждую копейку откладывали на приобретение очередной птицы. А цены были серьёзные, особенно на редкие породы. Учились так, чтобы к нам не было претензий. Самым страшным наказанием было угроза родителей распродать всех голубей. Поэтому мы старались по возможности не расстраивать их. Покупали, обменивались, азартно играли, где выигрышем были любимые пернатые. Истинную породу той или иной птицы мы не всегда знали и сами давали им названия. Чисто белая голубка — лебёдушка; пёстрая, чёрно-белая — сорока; с оперением на ножках — мохнач; чёрный голубь — чёрт; фиолетово-синий — сизарь. Самыми дорогими, нам, естественно, недоступными были декоративные породы: трубачи, трубастые с веерообразным хвостом, кудрявые, дутыши. До сих пор помню неудержимый восторг, когда, стоя на крыше сарая с длинной палкой в руках с тряпкой на конце мы поднимали своих любимцев в воздух. Они с радостью уходят ввысь и начинают ходить по кругу. Вдруг начинается игра с воздушными потоками. Птицы то замирают в воздухе, то начинают кувыряться через голову, вертеться и кубарем или «пикой» лететь к земле, так что у нас сердца замирали. В нужный момент расправлены крылья, шустряки плавно опускаются на наружную площадку голубятни и сразу приступают к туалету. Надо расправить и правильно уложить растрёпанные воздухом пёрышки. Голуби — большие чистюли и аккуратисты.

Это всё в прошлом, в розовой дымке детства и молодости. Взрослая жизнь, поиски решений возникающих проблем и задач, веяния современности принесли новые радости и увлечения, но любовь к пернатым братьям до сих пор живёт в укромных уголках души и нередко дарит лёгкую радость бытия на белом свете. Теперь я могу наблюдать только за дикими городскими голубями. Вечно голодные попрошайки. Стоит только присесть на лавочку в сквере, как они тут как тут. Чуть ли не по ногам бегают. Покрошишь хлебушка, и начинается нешуточная борьба за каждый кусочек. Тут же находятся и ухажёры. Хвосты распушены, грудь колесом, и боком, боком к своей избраннице с низкими поклонами и воркованием. Урчат, словно мурлыкают. Голубка, не обращая внимание на призыв петушка, торопится управиться с очередным кусочком. Ну и ладно. Можно заняться другой дамой, более сговорчивой.

Ку-ку

Каждый год, вернее, весну, как только мы приезжаем в сад-дачу, нас встречает долбающей песней старая знакомая, неутомимая солистка с бесцветным голосом — кукушка. Красивая, крупная птица пепельно-серой окраски. Я мысленно здороваюсь с ней, а может быть, с ним, с самцом кукушки, который весной кукует до хрипоты, призывая курочку.

— Ну, здравствуй, бездомница, всё кукуешь? — А она в ответ: «Ку-ку, ку-ку!» Здороваюсь, вероятно, узнала. С какой-то скрытой трусостью я давно уже не спрашиваю, сколько мне ещё отведено годков прожить. Всё-таки семьдесят восемь — это уже не шутки. Зачем обременять провидицу неприятной работой. Я просто люблю вслушиваться в её бесконечную пунктирную песню, в, казалось бы, бесцветную морзянку кукования, где на самом деле скрыта любовная песня, восторг перед весенним днём и ещё какие-то птичьи страсти, которые я и пытаюсь расшифровать.

— Ну, что, дорогая, опять поёшь? Питанья в этом году у тебя предостаточно. Яблони в паутине плодовой. Личинок ешь не хочу. Работай, дорогая! Спасай урожай. — А она: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Понятно. Не до разговоров. Зовёт петушка. Неумолимый природный закон требует оставить потомство. А это забота двоих.

— И куда же ты его зовёшь? Гнезда-то нет! Порхаешь беззаботно, гнезда не строишь. Воистину, с любимым рай в шалаше, то есть среди листвы на ветках. — А она, быть может, и он, настойчиво, прерывисто, почти переливчато: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...» И вдруг слышу: в настойчивой песне появились какие-то радостные, даже торжественные нотки. Неужели встретились! Это уже больше похоже на свадебную песню. Умолкла и несколько дней молчала. Я заволновался. Не случилось ли несчастья? Мне стало не хватать её привычной песни в дачной жизни. Но однажды утром я увидел её на ветке яблони и не сдержался:

— Ку-ку, — говорю, — ку-ку.

Она удивлённо посмотрела на меня: то ли дразнится, то ли разговаривает. Повертела головой, закусила очередную гусеницей и молча вспорхнула. Обиделась, что ли? Я же по хорошему! А утром следующего дня слышу: запела, но как-то тоскливо. Уже расстались с петушком? Как-то быстро это у них, у кукушек! Встретились, полюбились и разлетелись. Прямо как у людей. Недаром о некоторых женщинах говорят: «Живёт, как кукушка... ни дома, ни семьи». Пролетает как-то моя знакомая над садом, а я ей вслед:

— Ну что грустишь, полюбились же?

А она: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку», — да с такой тоской, что у меня аж сердце защемило. Столько в её голосе было птичьей боли, словно утратила она нечто очень дорогое. Не удивительно. Подбросила своё единственное яйцо в чужое гнездо и улетела дальше порхать по своим кукушкиным делам. Удивительная, безжалостная судьба у кукушонка-подкидыша: вырасти в чужом гнезде, уничтожив, выбросив на землю названных братьев и сестёр, стать прожорливым наказанием для случайных родителей, а затем улететь от них, не оглянувшись. А в саду, к моей радости, опять раздалось:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Жизнь продолжается, надо терпеть и жить, как бы трудно в ней ни было. А возможно, я это себе всё нафантазировал, про песню кукушки, про её настроение. Всё может быть. Хотите проверить? Тогда слушайте. Прямо сейчас или как только услышите: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

г. Челябинск

Авария

В военное время с сорок первого по сорок пятый годы на угольных шахтах России мужчин, ушедших на фронт, заменяли женщины. Свалившееся на них тяжёлое бремя они несли без ропота, без нытья, не клеймили жизнь, осознавая: «если скиснем, то пропадём». И в этой нелёгкой доле они любить не переставали.

Однажды в ночную смену беременная женщина Елена Рябинина, работая в шахте, катала вагонетки от забоя в забой и от натуги родила.

Её напарница в штреке приняла роды. Зубами откусила пуповину. Из фляжки обмыла новорождённого, и, завернув в свой платок, спрятала его у себя на груди под фуфайку.

Роженица лежала тихо в сторонке тёмного штрека. Потом эта же женщина вывела её по уклону на поверхность. Она одной рукой поддерживала разродившуюся, а другой рукой поддерживала явившегося миру младенца. И так она сопровождала мать и сына до самого их дома. Родившегося в шахте мальчика назвали Костей.

Елена умело скрывала беременность, и из начальства никто не знал, у них ни для кого не находилось времени. Всё принадлежало войне. Всё делалось для фронта. Никто не имел права жить для себя, жить своей жизнью. Её — этой жизни — не было. Но любить запретить не могла никакая война. Счастье рождения человека не подневольно никаким запретам, указам и законам. Всё живое идёт по своему укладу, и суровому времени не загасить любовь.

Прошло много лет. Из младенчества Костя Рябинин возмужал в крепкого мужика. Он окончил горный техникум по специальности «горная электромеханика» и пошёл работать на шахту электрослесарем, на которой работала его мать.

Обеденного перерыва у шахтёров нет. Прямо в шахте, на месте работы, довольствуются бутербродом, называемым тормозком. И как-то в перерыве Константин с аппетитом перекусил и, прикорнув, заснул. И вдруг он просыпается от того, что кто-то кусает его за палец. Открывает он глаза, и — о-о-о — крыса!

— Пошла вон, срамница! — закричал он и, махая руками, отогнал крысу.

Только снова закрыл глаза, как крыса вновь его кусает. Он стал тогда кидать в неё камушками и как только её ни отгонял — не отстаёт от него крыса, и всё. Сплюнул не стерпевший горняк и, поднявшись, погнался за ней по штреку. Пока он гонялся за крысой, а там, где он находился, всё завалило. Обрушилось перекрытие, кровля рухнула.

После этого случая каждый раз, когда Рябинин в шахте перекусывает, к нему является та самая крыса, и у него с ней происходит молчаливое общение.

Поесть в шахте Константин часто располагался в нише. Его тормозок состоял из куска хлеба и колбасы. И когда Рябинин расправлялся с тормозком в нише, из-под деревянного настила выглядывала крыса и поглядывала на него.

Как только Костя обращал на неё внимание, крыса скрывалась под настилом. Рябинин тогда клал кусочек колбаски на настил и смотрел, чтобы крыса появилась и съела колбаску. Но крыса не появлялась. Но стоило Косте отвернуться на какое-то время, а потом посмотреть на кусочек колбасы, то колбаски уже не было. И так продолжалось несколько раз. Оказывается, когда Константин поворачивал голову, чтобы на крысу посмотреть, в это время он освещал её светом своего фонаря. Фонарь был закреплён на каске, которая была на голове Кости.

— Ну и хитрющая же ты, Люська! — так Константин стал называть крысу.

Крыса часто хулиганила, она шарила карманы курток, снятых с шахтёрских плеч, потрошила тормозки.

Крыса Люська полюбила Рябинина и часто скрытно сопровождала его по шахте.

У Кости был девиз. «Главное для шахтёра — это улыбаться! И жизнь тогда будет светлым днём, и чумазость не будет к лицу приставать! И в подземной тёмной глубине ты будешь не измученным, а уверенным в себе!»

И чтобы шахта не источила прозябанием, Константин решил: нужно набраться солнца и порадоваться жизни. Он взял отпуск и поехал с женой отдыхать на юг на жаркое солнце. Насладившись южными тёплыми днями, они, счастливые, вернулись домой. Не успели они переступить порог дома, как Рябинину сообщили, чтобы он, не задерживаясь, прибыл на шахту.

На шахте произошла авария, обрушилась кровля и завалила посадочную лебёдку. Работа в лаве остановилась.

Начальник шахты распорядился: «Не медля вызвать Костю Рябинина, этот парень толковый, и всё будет как надо. Он мастеровитый, руки золотые, порой из ничего смастерит игрушку».

По дороге, на шахту Косте вспомнился сон, что его жена ушла жить к другому мужчине. Ему стало очень горько и больно, и он проснулся. Проснулся, обрадовавшись, что это всего-навсего сон. Константин увидел хлопчущую жену на кухне, и ему стало на сердце легко. Он, подойдя к жене, обнял её и поцеловал. Жена удивилась в недоумении и не понимала, что с мужем происходит.

Появившемуся на шахте Рябинину начальник шахты дал задание срочно отремонтировать расчищенную от завала неисправную посадочную лебёдку. Так как из-за неё остановилась работа в лаве.

Костя возразил:

— У меня ещё отпуск не окончился. Мне ещё два дня отдохнуть.

— Ничего. Потом отгуляешь, — твёрдо заявил начальник, не принимая Костино возмущение.

И Рябинину ничего не оставалось делать, как согласиться и спуститься в шахту. Спустившись в шахту, Костя спешно пошёл к месту лебёдки.

В мрачном подавленном настроении он шёл по вентиляционному штреку. Идёт, а всё та же крыса Люська назойливо бежит и пересекает и пересекает Константину дорогу. Пересекает, обгоняя его. Впопыхах Костя закричал на крысу.

— Ну чего ты, Люська, путаешься под ногами!

Наконец он пришёл и стал осматривать лебёдку. И вдруг в глазах Кости вспыхнул яркий свет. Обрушившаяся кровля, выбив искры из глаз, оглушила и мощным завалом смяла его. Стало тихо и темно.

Травмированный Костя лежал под завалом, а крыса Люська была рядом и попискивала.

Рябинин не сразу умер. Сдавленный завалом, он заново прожил свою жизнь. Ему вспомнилось, как знакомая тётка ему, подростку, рассказала, что он родился в шахте. И он застонал приговаривая.

— Шахта ты, шахта, зачем ты такую каверзу со мной сотворила? За что ты на меня обрушилась? Чем я тебя обидел? Ты же моя мать-кормилица! Я же в твоём чреве на свет вышел!

Вой сирены всколыхнул посёлок. Примчались на шахту с сигнальным рёвом горноспасательные машины.

Сбежался на шахту народ. Копёр ствола плотно окружила взволнованная людская толпа.

— Да, шахта-злюка нас лопаёт и лопаёт, готова всех проглотить. Вот возьми, Рябинин в шахте же на белый свет явился и в шахте же на тот свет удалился. Ну что же это за такое? Да сколько же может откупаться людьми эта ненасытная шахта. Всех переломает. А кто Россию будет крепить. Эх, жизнь и так хрупкая. Упыри начальнички на наших костях себе дорогу во власть вымащивают, а мы скелетом ложимся, вымирая. Эти отродья властвуют, произволом гнобят наши судьбы, — шумно роптал возмущённый люд.

Спасательная служба, не мешкая, быстро спустилась в шахту.

Откопав от завала Рябинина, они понесли его на носилках к стволу. Пока несли полуживого Костю, крыса Люська незаметно его сопровождала. А Костя тихо стонал, приговаривая:

— Земляне, не спешите в рай попадать, лучше своей любовью землю украшайте. Это и будет ваш рай, — шептали Костины губы.

Когда Костю подняли из шахты на поверхность, он глубоко вздохнул и умер.

Однажды появился в доме Рябининых мужик. Костя первый раз видит этого человека. Мать тихонько шепнула сыну:

— Это твой отец.

Косте он не понравился своей неуёмной говорливостью, какой-то никчёмный, всё говорит и говорит. И говорит непонятно, какую-то чушь несёт.

— Вот смотри, какой я человек. Где я не буду, везде возле меня всегда собаки собираются. Нравлюсь я им. Толкуются возле меня, и я обрастаю ими, превращаюсь, что новогодняя ёлка, весь в игрушках. А люди какие-то ершистые только морды на меня кривят да волками смотрят.

— Ну ты, пьянчюжка, и врёшь. Ты прикидываешься добреньким, чтобы в душу влезть, а потом напакостить. Ты всё только поганишь. Балабол ты.

— Эх ты, смотри-ка, чё придумала. Да я что, совсем бухарик, чтобы в стельке валяться да заживо бревном гнить?

— Господь даёт тебе шанс проявиться, но ты этим свою голову не утруждаешь и только везде лазишь да шлюхаешься. Вечно у магазина ошиваешься, как бы куда ткнуться да на дармовщинку нализаться. На одном месте не работаешь. Всё блохой прыгаешь.

— Если я буду перед каждым стелиться, то тогда мне судьбы не хватит.

— Эх, какие мы гордые. Посмотрите-ка на нас.

— Умба-юмба лес густой, едет парень холостой. А, пошли вы все к чёрту!

И, хлопнув дверью, он ушёл.

Косте стало не по себе. Он не ожидал, что у него есть такой отец. Он полагал, что отцы всегда бывают хорошие и любимые, которыми можно гордиться. А этим не загордишься, он болтливый и взбалмошный.

От случившейся беды Костина беременная жена слегла в больницу. Слегла, чтобы от горя раньше не разродиться и не потерять ребёнка. Так как родившийся будет нитью в продолжении потомства Рябининых.

«Значит, он не зря поцеловал меня. Это что ж получается, он прощался со мной», — сказала, открыла для себя жена.

После гибели сына мать, убитая горем, не находит себе места. Она теперь никогда не увидит своего сына. Она с любовью смотрела на него, как он, радостный и счастливый, относился к жизни. Был доверчив и ко всем относился уважительно.

— Сынок, я так тяжело тебя рожала, а ты ещё тяжелей меня покинул! Ой-я-ей, ну зачем ты раньше времени в шахту спустился? А прозорливая шахта тебя не пощадила, проглотила. Я-то думала, что ты мой утешитель будешь, моё одиночество разделять да старость скрашивать. Вот она, наша жизнь, — кроха. То праздником ошпарит, то несносным горем убьёт. Как же, сынок, мы тебя не уберегли. Ты же был самый счастливый человек, жизнь тебе улыбалась, и ты радовался. Радовался каждому дню, радовался солнцу, радовался тёплому дождичку, радовался всему, что тебя окружало, каждой растительности, каждому деревцу. В тебе каждая клеточка дышала теплом и жила в тебе силу, силу излучать добро. Твой ласковый взгляд обнимал всё вокруг.

И для матери сын всегда будет живой. Она даже во сне с ним ведёт разговор.

г. Копейск

Александр Кукушкин

Басни и сказки*

Восьмое Марта (басня)

Весна клокочет за окном
И мир становится прекрасен.
Весь дом наполнит ваш — содом,
И, взгляд на мир ваш, будет ясен.
И, все бегут, спешат, снуют,
В цветочных лавках, оживленье,
Весь март в цветах. А их берут
Везде где есть, без промедленья.
И женщин лик прекрасней стал,
Мужчин с авоськами — безмерно...
Мужчины вздрогнут. Час настал.
Лишь б, не набраться чрезмерно.
Поздравят женщин. В резонанс,
Всплывает их счастье в роли мига,
Уснут. Проснутся. Где аванс?!
Сверкнёт в зрачках зловеще, фига,
Жена бранит. Ей не понять
Стремленье душ к опохмельенью...
Мужчины будут льстиво лгать,
И ратовать за вытрезвленье.
Ах, эти восемь юных лун!
Ах, эти восемь дней удачи!
Мужчины выпьют за драгун,
За не полученную сдачу...
А женщинам, опять скорбеть,
И, нянчить деток у кроваток,
Варить обед, в детсад поспеть,
И к очереди у палаток,
Успеть бы выстирать бельё,
И не забыть про праздник вешний...

— Мужчины! Выпьем за е-ё!
— Мы, не позволим быть ей прежней!

.....
Я эту басню рассказал,
Не для того, что б славить пиво.
Хочу, что б праздник не пропал,
Чтоб женщинам жилось счастливо.

Три девчонки (басня)

Три девчонки, три подруги
Веселей их нет в округе,
Сели в поле у ручья,
Трель послушать соловья.
Три девчонки, три подруги,
Три бездельницы-супруги,
Ножки в воду опустили,
Про любовь заговорили.
Речи первая слагала:
— Я своёму не давала,
Он орал взбесясь, опять
Посещу Маруську б****ь.
А вторая стрекотала:
— Я как только утром встала,
Мой до хаты злой пришёл,
Видно Машку не нашёл.
Третья молвила: — В безделье
Мой всё маялся с похмелья.
Встала, баньку истопила,
За бутылочкой сходила,
Пирогоми накормила,
И конечно не пилила.

* Публикуется в авторской редакции.

Три ночи подряд ****,
Что калёным жезлом жжёт.

Девки, вы судите сами:
Не бросайтесь вы ****ми.

СВИНСТВО (басня)

Свинья, своей свиной натурой
решила, свинство, совершить.
Не будь совсем, последней душой,
свинью решила подложить.

Она, расчётливо и чётко
всё просчитала; что почём.
Взобравшись на «престол почётный»,
сперва, наладилась с жильём.

И потекли тут миллионы
субсидий, пенсий, ипотек
и расцвела свинушка в «троне»,
не обхватить её, во — век.

Бассейн шампусиком залила,
в подвале целый авто — сад
и издаёт законы. Диво!
И, на! Шпигует, всех подряд.

Бюджет свинье на — то и даден
свиное рыло наедать,
она важней всех важных дядек.
Ей на законы наплевать.

Закон в народ: Три корки хлеба,
ведро картошки на год всем!
На макаронках и во — хлеме
голь перебьётся. А, за тем,

продать Россию. Больно много
у голи этакой земли...
...не ведала, свинья тревоги,
по — куда, денежки текли.

Но вот досада, бравый парень
по кличке — «ФСБ — ОМОН»,
пришёл свинушку позабавить...
И приказал ей,- хрюшка, вон!

Теперь на нарах веселится,
но не грустит. Охранник — свой.
Он даст свинье опохмелиться
и на ночь к милому домой.

Что ей свинье?! Она же в «бабках»,
не страшен ей закон любой,
и ей в тюрьге — рай! Не зябко.
И нипочём, любой конвой.

Мораль сей басни станет ясной,
когда в кармане нет грошей.
Свинья свинье не скажет: «Грязно,
у вас подруга на душе».

Не оттого ли, свинством брызжет,
чиновье быдло у руля...
а кто в сём мире, чем обижен?
Ты — брат. И, вся,твоя семья.

Сказка о попе, клопе, блохе и авантюристе сверчке

1.

Жил-был поп в столичке,
в высотной келье, с наличниками.
Храм — богадельня,
поп — не бездельник.
Каждый день молится поп,
об пол разбивает свой лоб.
Потом разляжется на печи,
да и трескает калачи.
Нажрётся поп самогонки,
и храпу даёт вдогонку.

2.

Укусила блоха клопа,
что жил на печи у попа
и, что б изжить его с территории,
написала письмо в директорию.
Она, усвоив науку «йогову»,
дубликат направила богу.
Обращаюсь к Вам, — помогите,
многодетную вдову оградите,
от охальника — кровопийцы,
алкоголика и убийцы.
От него я вдова, изнемогаю,
каждый день он меня домогает,
а как напьётся у попа крови,
так насилует меня в нови,
сто детишек моих-блохятки —
сиротинушки, всеми прокляты.
Спаса нет от него супостата,
оградите меня, от проклятого.

3.

Клоп, не ведая сего подвоха
напимшись поповой крови, что сока,
цельный день, спит на печи,
не ползает и не кричит.
На блоху не обращает внимания,
её укусы? — Недопонимание...
ему ж и дела-то нет до блохи,
(мы ж клопы — не петухи...)

4.

Лишь поп придёт с вечернего молебна,
да, напьётся самогонки целебной,
завалится, спит на печи,
тут хоть стреляй, хоть кричи.

Выползет клоп из своей норки,
да к попу, сосёт кровушку с норовом.
Вот проснётся поп спозаранку
и зачесет все новые ранки.

5.

Рассмотрели письмо в директории.
Постановили: Убрать клопа с территории.
Самый главный судья — сверчок
(у него на это был свой расчёт;
Он же под печью жил, в подвале.
И, где ж такое вы видали?
Что б главный судья директории
томился на такой территории?)
И решил сверчок на афёру;
выселить, насильника и вора.
Уничтожить, клопа — кровопийцу,
охальника и попова убийцу,
заодно, сосватать блоху,
что живёт на печи, на верху.
Хороша у блохи квартира!
И попёрся, он к даме с миром.

6.

Закупил презент, сверчок;
шоколад, мармелад, коньячок
и, большой дефицит-балычок,
(ох и мастером интриг был сверчок!),
для начального рывка —
пивка,
для разгону —
самогону,
что бы легче было в гору —
КАГОРУ,
для веры —
МАДЕРЫ
для хорошего толчка —
коньячка,
а для пущей доводочки
водочки.
(Мол, напьётся блоха коньячку,
тут то я ей мозги закручу,
там ужо и водкой доконаю,
я, хо-ро-шо, это знаю...
как на халяву,
с любым изъяном,
подписывать бумаги
спьяну).

7.

— Здравствуй, Блоха-Блохуша, —
Полез сверчок ей в душу,
— Получили от тебя депешу
но-не, почтою свежей;
пишешь ты в директорию:
гасторбайдер, на твоей территории,
живёт без регистрации, без прописки,
не работает, да, лопает виски,
занимается терроризмом,
готовит попу клизмы.

Как поживают блохята,
малые твои ребята?
Ходят ли в садик они,
как проводят, ночи и дни?
Тяжела ли вдовья доля?
Я её облегчу и более...
хряпни блоха коньячку,
а уж я-то тебя, научу,
как изжить бандита
да остаться самою сытой,
как блошат накормить, напоить...
позволь тебе, душу свою, излить...
уж, я-то, тебя, озолочу,
да вдобавок ещё приплачу,
отхлебни, мадам, пивка,
для достойного, мадам, рывка.
Я вам припас, самогончика,
но, это так, для разгончика,
попробуйте дамочка МАДЕРЫ,
за попа за батюшку, за веру,
а, тут те пожалуйста коньячку,
для хорошего блоха, толчку.
И, что бы сердцу дать толчок,
крайне, нужен... конь-я-чок.
Пей же, блоха-блохуша,
да, облегчи, свою душу.

8.

Так ей в уши свистел сверчок,
под коньяк, самогон, балычок,
и «лапшу» развесил на уши,
да всё больше, пролазил в душу,
— ты, мадам, главное, бумаги подпиши...
(а сам всё больше и больше «лапши»)...

Позарилась баба, на халяву,
да и подписала спьяну маляву.

Теперь занимает сверчок
чужой, высотный шесток,
хороша блохова территория!
Сверчок же — судья директории!..
Живёт сверчок в столичке,
в высотной келье с наличниками,
с попом о мире стрекочет,
да над дуррой-бабой хохочет,
спит на печи,
да трескает калачи,
запивает коньяком с самогонкою
да обходит, коровник — клоповник
сторонкою.
А блоха с блохятами
остались навсегда проклятыми.
Поживают с клопом в клоповнике,
в провинциальном коровнике.

9.

Время длилось валко-шатко,
подросли меж тем блошатики...
— Ты, мамаша, точно! Дура!
Нам нужна инфраструктура!

Где родная наша хата?! —
Раззадорились блошата,
— и к клопу, — ты нам не батя!
Блох родной, по жизни — тятя.
Распрощаемся с тобой,
на сверчка пойдём войной!

10.

Пел сверчок попу о мире,
на печной с трубой квартире,
— Поп, долой империализм!
Мы построим, комунизм!
Будем сладко, мирно жить,
хочешь, водочки испить?

11.

— Больно сладко ты сверкаешь,
ты, сверчок, мне заливаешь.
И откуда этот франт?
На хрена мне квантирант?
Убирайся ирод, вон!
Не то, позову ОМОН!

12.

Тут сверчок достал бумаги.
— Вы, забыли про овраги,
вот и подпись и печать.
Не чем, крыть, и отвечать?
Вот нотариуса подпись,
тут бумага, это — опись.
Вот согласие попа,
завещание клопа,
постановление главы дирекции
о выселении вас, с территории.

13.

Поп набычил взгляд в сверчка.
Растопчу, тебя, сморчка!

14.

Тут откуда не возьмись,
вдруг, блошата завелись.
В бороду попу и в уши,
уж лобок загрызли, душу.
Душу вывернули враз!
Словно «пряжу» на показ.
Звал ли нас, ты — поп-попище,
бородатый раздолбище?
Мы святое обороним
и сверчка отсель, изгоним.

15.

Налетели самураи
на попа, сверчка, всей стаей
и не выдержали те,
в темноте и суете.
Поп бежит, ноль два трезвонит,
и сверчок едва догонит,
поп его опередит,
да вперёд его бежит.
Всё! Конец авантюристам!

Утекли они со свистом!
По-де-лом им — дармоедам!
Долгожданная победа!
И блошата мать ведут!
Тут и сказочке КА-ПУТ.

P. S.

В этой сказке смысл таков:
Нет! Не надо нам клопов!
Ни сверчков и ни попов,
и ни блох, ни пауков!
Этой, нечисти хватает
среди чиновных дураков.
Коль блоха-авантюристка
нарожает «близнецов».
Вот и думай, мой читатель;
где искать своих врагов?

Свадьба
(сказка)

Сягодня здесь на диво баня;
Хозяевам полно хлопот,
Ведь обручают Юру с Таней,
А у гостёв
уж восемь дён
пустой живот.

Ну вот и пир сей долгожданный,
Наполнил празднованьем день,
В руках уж вилки, но нежданно,
На стол упала чья-то тень.

То, Танин дядя-стоматолог,
Над стулом поднял грузный вес,
И вылил тост. Таков он долог,
Но, тут вдруг сват, с поправкой влез.

Вот звон бокалов разругмянил
Гостей дремавших животы,
Сосед мой вдруг, икнув, промямлил,-
Я Ка-а-а-а-л И-ф-а-н-ы-ы-ч, а т-т-ты?

Потом кричали долго горько.
Жених устамши целовать,
Молился: «Боже, гостей ско-ко!»
И каждый жаждет увидеть.
Куда бы нам сейчас сбежать,
Скорей бы с милой на кровать,
Да в волю
а-а-ах-ха-ха,
до утра,
поспать.

Потом началась потасуха.
Одна беззубая старуха,
Кому-то торт пихала в ухо,
Как в танке, в доме стало глухо,
Что делать, коли в рюмках сухо?

Посля, как в сказке, весь синён,
 В бадьях явился кто?
 Правильно! СА-МО-ГОН.
 Все гости тут остолбенели,
 Пред свадьбой восемь дён не ели,
 А тут все разом налетели,
 Младые в раз осиротели,
 Столы в секунду опустели,
 Глаза у всех осоловели,
 Соседи справа, те вспотели,
 Что слева, вроде, что-то пели.
 В конце столов, во всю галдели,
 Жених с невестой побледнели,
 И на гостей с испугом бдели,
 Как весь беснуется народ.
 Как кум безудержно орёт,
 В углу кума по нём ревёт,
 А сват, что попадя жуёт.
 В сенях кого-то сильно рвёт,
 Лишь тесть с бутылками снуёт,
 Вот брат с фингалами встаёт.
 Кого он в ванную несёт?
 Нажрался, ирод, идиот.

Тут Юрин дядя-вышибало,
 Порвал, кому-то враз жевало.
 И, встав на бочку из под пива,
 Взял миску, та, что для подлива
 И, как кадилом замахал.
 Каков нахал, каков нахал!
 А после ложкой, как крестом,
 Но, очутился под столом.
 Ведь час коварен, как и гости.
 Тальянка вдрызг добила всех,
 И тёща не поднимет век...
 Болонка под столами гложет кости,
 Она над всеми взяла верх.

Из-под стола послышался вдруг брех,
 (Встает с синяком.)
 — Вам, чё тут нонче, а-мя-нины?
 Али, гудины, аль, крестины?
 И тут отец издал указ:
 Старуху головою в таз,
 а дядьку, тот, что вышибало,
 Умыть и мигом под одеяло.
 Кто не орёт, того зараз,
 По- штабельно сложить в лабаз.
 А тот, который прыгал в ванну,
 Его одеть и на дивану,
 Болванов, дравшихся в сенцах,
 Придётся нам простить в сердцах.
 Там х-той-то голым убежало,
 Пымать, закутать в одеяло,
 Обоих милых матерей,
 Поставить стражем у дверей,
 Который плавал нонче в блюде,
 Яво заставить мыть посуду!
 Кто мне порвал мои лохмотья?
 С того изъять четыре сотни,
 Кого поймали в воровстве с поличным,
 С того изъять, но не наличным.

Пушай заплатит! Но, столичным!
 Во-на, нажралась бялены,
 Я-ё ко сватье, на бляны.
 Кто мирно ляжет на кровать,
 того, ва — ще не кантовать.
 Так долго-долго он басил
 (как только воет крокодил)
 Вот, вроде, всех распределил,
 И успокоившись, налил,
 Мне ковшик терпкого вина.
 Я выпил, жажду утолил.
 Но вдруг, смотрю, ползёт она,
 Мадонна милая, для сна.
 Ы-шо мне ковшик подняли,
 Потом ня помню —
 У-Н-Я-С-Л-И.

Колобок (сказка)

От поноса, то ли спьяну
 Дед проснулся утром рано,
 Бабке нервно говорит: пяки бляны.
 Не найду себе я места,
 Заводи скорее тесто,
 А в ответ: — Нажрался старый белены?

Бабка все дела бросает
 И сусеки выскребает,
 Замесила тесто круто. Не бойсь!
 —Ты, чяво же, старый боров
 Кажешь свой вонючий норов?
 Самогонкою поди опохмельись.

В печь засунула полпуда,
 Будь, что будет это блюдо,
 Появился ровно в срок колобок,
 Прослезился дед Макар,
 Сто годов, ещё не стар,
 Назовём-ка, бабка, мы его — сынок.

Что ты, старый, сбрендил спьяну,
 Где ж сыскать такого сраму,
 Пирог с печи назвать — мои сыны?
 Колобок же спрыгнул лихо
 С печки. В доме стало тихо.
 Ну-ка, дед и бабка, дайте тишины!

Дед и бабка, всем здорово,
 Что уставиись коровы?!
 Деду с бабкой, чудеса то энти, невдомёк...
 — Дед, налей-ка рюмку спирта,
 С бабкой сам займися флиртом.
 И попёрся колобок на восток.

Как деваться от позора,
 Из избы не вынести сора,
 Да кому бы свою душеньку излить?
 Улизнул, злодей, провора,

Но найду. Поймаю вора.
Будет шельма, алименты нам платить.

Дед Макар авоську взял,
Бородёнку обкорнал,
Глянул в зеркало, такого не узнать.
Он берданку зарядил,
По дороге попылил,
И в погоню, колобка пошёл искать.

Колобок катился чинно,
Напевал мотив старинный,
Про старуху с дедом, как их обманул.
Бабка-дура, дед дурак,
Их дело, всё-табак!
Закрутил мозги и лихо ускользнул.

Но, чем дальше он катился,
Он площадно матерился:
Где дороги в сей стране,
Знать хана приходит мне,
То канавы, то колдобы,
Всё! П.....ц приличной сдобе.

Дед Макар вдогонку мчится.
Встретил зайца и лисицу,
Гей, зверьё, колитесь оба, что и как?
Вы мол сына не видали?
Те ему: — Беги, едва ли,
Колобка догонишь, дед. Сякой дурак.

Заяц молвит, голос грустный:
— Сунул мне листок капустный,
И, морковь засунул в ухо дуралей.
Сволочь! Он меня обидел,
Сгинул, только я и видел,
Ты лисицу поспроси, она хитрей.

Молвит скромненько лисица,
Расфуфырена девица:
— Повстречала серого, он в мат.
Он видал ночного гостя,
При котомке, фраер с тростью,
Новый русский вроде, звери говорят.

Дело это было швах;
Встретил волк его в кустах,
И хотел им этой ночью закусить,
Но нарезался скотина,
Одурачил юный иннок,
Вот, так волк его позволил упустить.

Колоб сунул руку в сумку
И достав от туда рюмки,
Налил серому побольше. Пей, браток!
На полянке сели чинно,
Волк почуяв запах винный,
Хряпнул, крякнул, покатился под кусток.

Колоб был парнишка битый,
Свежий, выбритый и сытый,
Он волчару анекдотами допёк.

Он парнишка не дурак
И на выдумки мастак,
Ты волчара свои баксики б извлёк.

Эй, волчарная скотина,
Не проедет на мякине...
Волк подумал про себя: «Каков нахал?»
Напою, мол малолетку,
Нанижу его на ветку». —
Помечтал, как хлебный мякиш смаковал.

Тут раскинули картишки,
Волк сдавал,
Но выпил лишку
И рубил картями. Проку? Всё не в масть.
Хапнул деньги колоб бойкий,
Всё, харе, кончай попойку
Меж кустов, от пьяного он — шась.

Дальше молвила лисица —
Приблатнённая девица:
— То, что волка он надул, в лесу скандал,
Обманул авторитета,
Мишку — мафи с пистолетом...
Умудриться?.. От него он ускакал.

Тут нахмурился Макар
Вроде сто, ещё не стар,
Нет лисица, что-то пудришь мне мозги.
Я работал в ВЧК,
И тебя, т-т-вою... зэка,
Раскубаню, что завоешь от тоски.

Сколько девка не боролась,
Только всё же раскололась,
Ладно дед, скажу я правду, так и знай.
Облапошила юнца,
И сожрала сорванца,
Только дед, ты самогонки наливаай.

Дело было ранним утром,
Твой сынок мозги мне пудрит,
На халяву бабу снять хотел щенок,
Но не тут-то ему было,
Влезть хотел ко мне без мыла,
Не успела лишь сплести ему венки.

Почесал дед репу. — Каюсь,
Я давно за ним мотаюсь.
Ну, хитра лисица, что не говори.
Чёрт бы с ним. Нальём по малой
И помянем мякиш славный.
Так и пили от зари и до зари.

Но Макар был старый мент,
Те нажрались, он в момент,
Их в котомку и до бабки попылил.
Напились дедка с бабкой,
Радость: мясо, пару шапок,
Вот сюрпризец колобок нам смастерил.
.....
В этой басенке нет чуда.

С виду, колоб парень чудный,
Современный, стильный, модный, ой, какой!
Поразмыслите немножко:

Кто из печки на окошко?
Коль в сусеках мусор выгребли метлой.
с. Долгодеревенское

Елена Иванова

Расставлю многоточия

В пурпурной дымке изумленья

Минуты, дни, иные сроки,
Пространства — те, что ждут меня, —
Веду в привычные истоки,
В свои палитры и потоки,
Моим созвучием храня.

Гляжу, как ты свою уютность
Без сожаления кроишь.
Как тихоструйную минутность
Кладёшь под нож, под бесприютность,
И в своевременность бежишь.

Такие разные дороги,
Где время нам с тобой идёт:
К тебе — спешит, торопит строго...
Со мной — присядет у порога,
Покровом лёгким потечёт.

И в чистоте иных мгновений,
Бывает, — как их ни тяни, —
Так краток след добра цветенья,
Тепла уютного теченья...
...Так скоры медленные дни.

Я различаю их по цвету,
По звуку, запахам весны.
Есть в этих днях свои приметы,
И лёгкий флёр дрожанья света,
Когда загадочно-грустны...

Их берегу, припоминаю,
А ты — хватаешь на волне...
Я до сих пор не понимаю,
В ком — время ждёт, в ком — убегают:
С тобой ли — мчась, или во мне?..

...в пурпурной дымке изумленья —
букетик фрезий на столе...
Коснусь... — и будто лёгкий гений
подарит мне миров смиренность:
их глубину и восхождение,
их блески — нежным дуновеньем
времен, сошедших в бытие...

Простая история

Мне понятнее то, что в простом —
В естестве своей чуткой природы.
Там и сила... — где Божьим перстом
Наполняются чистые воды.

...В круге дней, их смятенность изжить,
Приглушить перезвон и кипучесть,
 Попрошу моё время впустить
В его струйную мягкость, текучесть.

...И польётся простой разговор
Без туманных причуд и плетений.
Словом свяжется чистый узор —
Поплывёт к берегам настроений...

Мне отраднo, что рядом сидишь.
На ладонях — янтарь винограда...
...Летний день. Разомлевшая тишь
Устиляется звоном цикады.

Долетает к нам рокот морской:
Бьёт о камни, басит просторечьем...
Из глубин выбегая, прибой —
Будто радостный пёс нам на встречу.

Так спокойно — глядеть в объяснимость,
Наше время в одной акватории...
Подошла ...и осталась решимость —
Распахнуть дверь в простую историю.

Согрейте любовь

В затейливых танцах времён бутафорных,
Махровые глянца — богов и мажорных...
Истомно на лаврах снуют-почивают.
Забыта любовь... — где попало, бросают.

...а где-то ждут реки надёжных течений.
...а где-то — пространства других изречений.
Всё дальше и тише в сетях какофонии
Слышен дух чистой, природной гармонии.

Будни толкают матёрым презрением,
Время бросается — в грехопадение.
Проза принижена, в пошлость вырастает...
...Согрейте любовь — ведь своих не бросают!

Как странно... — смотрите! — под крошевом
снежным
Хладееет забытое сердце мятежное.
Солнце найдёт и лучами вольётся —
Замёрзшее сердце вздохнёт, встрепенётся.

На жизненных кренах судьба не жалеет.
На жизненных кренах — надежды мудреют:

Свечу зажигают огнём сбережённым,
Теплом окружают одухотворённым.

А сердце подскажет, где быть, с кем остаться.
Не надо спешить — надо жить, устояться.
И кто-то негромко: — ...Зовите гуманность,
Рассейте в туманы её первозданность.

Протиснулось время в другом измерении:
Лица теряют свои отражения...
Сдвинулась с места природа течений,
Стираются матрицы предназначений.

В отчаянной грусти планета рыдает:
— ...Спасите любовь — ведь своих
не бросают!

Во мгле затаённой опасна беспечность —
Как бег в иллюзорность и в бесчеловечность.

... всё что-то не так: грохоча и круша,
лукавое время пружиной скрутилось...
Рассыпались дни... Жизнь, над ними дыша,
склонясь и качнув головой, — удивилась...
Быть может, ей стала — *понятней душа?*

...а время ушло —
в р е м е н а и з м е н и л и с ь.

Мелодия

Играет бликами исполнившийся день.
В другую пору незаметно уплывая.
Кружа, дотронулась раздумчивая сень,
И потекла её мелодия живая...

Скользнув по времени, как будто по волнам,
Всё принимая, не ропщу о том, что было.
Я подарю свою признательность миру, —
Тем, что во мне сейчас, и тем, что дали силы.

Ах, эти скрипочки и нежности потуги... —
Сшиваю кротость их, и дыры, и ущербность...
Не станут лёгкими неведомые круги —
Всё больше пропасти и тщетная усердность.

Благих намёрений невидимые течи,
Мне вновь и вновь свои завесы открывают.
Я слышу, ждут уже приветствия и речи
Моей мелодии, она меня встречает.

И станет тесно там, где Тайные Пороги,
Воскреснув сами, оживят других, забытых...
В воспоминания обёрнуты дороги,
От самых странных до возвышенно открытых.

...и то, и это... — на алтарь моих признаний...
Но глубоко теперь мне кажутся высоты...
Со всех прибежищ, лет, потерь и ликований
Стирает время свой букет и позолоты.

След

Позови меня в нежность
Без дорог, без путей.
Через хладную снежность,
Через проповедь дней.
Поведи тайным бродом
Затерявшихся лет
В неразгаданность кодов,
В их неведомый свет.

Где в течениях мифов,
В водах брэнностей дня
Наши души от скифов,
От живого огня.
Где свобода и вольность
От ковыльных степей,
От ветров-сухоевеев,
Плёсов лунных ночей.

Позови меня в ясность
Непридуманых снов,
Наших глаз сопричастность,
В их отчаянный зов.
...Восходящие Воды
Берегами к Душе.
Что им время, и годы,
И любые клише...

Сквозь пароли в сердечность
Молчаливости крик —
Расстаёмся навечно,
Расставаясь на миг.
Обернусь в бесконечность,
В уходящий просвет...
Скрыла синяя млечность
Одинокий твой след.

Многоточие

Когда по многоточию
порывом вдохновенности...
Волной отображённой
свивая кантиленность...
Ведома принимающей
озябшие блаженности,
пространственные метрики
и смыслов наважденность...

Нетронутые вольности
в пикантной отстранённости.
Теперь они невольницы
течений междустрочья.
Прощаю и... оставлю их
мерцаньем затаённости,
как жертвоприношение
забавам многоточья...

В лагунах, преисполненных
тепла и обаяния,

Зажгу Свечу, пусть свет её —
и в высь, и в глубину!
Расставлю многоточия...

как знаки понимания
и нить иносказания
капризу моему...

О любви?

Что... о любви? Пойди-пойми, когда — негаданно:
То фимиам и розмарин, то веет ладаном.
Она — волна и буря, тлен — ей всё показано.
Слыхали?.. — вихрь и сладкий плен — ...и этим сказано.

Подкинуть грешный пустячок — судьбы старания.
Несётся милый простачок — не на свидание...
В нём ревность штормом подошла, он в страсти истовой.
Эх, не случилась бы беда, работа приставам...

Вот кто-то чувствовать спешит, привычке следуя.
Игра в любовь... а жизнь бежит и знать не ведает.
Раздаст — то воздуха глоток, то бездну грешную.
На входе — в радужный поток, затем — в потешную...

Что... про любовь? Ведь где-то ждёт — простая чистая.
А сколько с ней историй разных — несть нечистого...
Шагают ангел и злодей — в одном обличии,
Играют слабостью людей, входя в двуличие.

...нет-нет — постойте! — есть же та, что безоглядная:
Росинкой нежности, другая, не надсадная...
Та, что с заботой к вам придёт, простым велением —
и не «по щучьему...», а — в сокровение...

...хоть на мгновение придёт...
хоть на мгновение...

г. Геленджик

Людмила Карнаухова

На алфавитном вираже

* * *

* * *

А кто — я? И зачем?
В чём дел моих зачин?
Иду — но тот ли путь?
Ищу — но та ли суть?
И где же моё место?
И с кем творить нам вместе?
Не потону ли в хламе?..
В библиотеке Храма
Взяла я с полки фолиант
И ткнула пальцем наугад:
«Божественное благословение
было тебе на Земле,
совершенная радость с тобой
в жизни Вечной».
Спасибо!

— Вставай! Подымайся!
И хватит трындеть,
«Нет дела до всяких там прочих».
— Что, каждый родится,
Выходит, успеть лишь бы
Спасти свою душу? Короче,
не видеть, не слышать, не знать, не уметь...
При этом жить в радости в мире
и в миг неутешный вмиг помереть
в раздавленной взрывом квартире?
От Альфы к Омеге — то карма, то грех,
и каяться, каяться, кая...
А я не из этих и не из тех,
ослушница, ..., растакая.

* * *

Фавориткою в моём саду
флора у соседей на виду:
фурией стало разнотравье,
факт — лекарство! А им — «отрава».
Фермером мне уже не быть,
фрагментом сад был. Позабыть.
Фанаткою рыночной стати,
фортуны колесо — весьма кстати.

* * *

На алфавитном вираже
я, русской речи протее,
среди вас — родных себе ищу,
к себе по-строгости взыщу.
Лучи Ярилы жизни скрепкой
меня доньше держат крепко,
но как «по темам» разделить,
на части — целое — разбить
всё, что давно переплелось,
летало... плавало... плелось...
Изнанка слов — и та без фальши,
и всё, что будет, даст Бог, дальше —
как на переднем рубеже,
на алфавитном кутеже.

* * *

Художником свободным
привольно потружусь,
с дыханием свободным
впервые подружусь.
И доброй воли рифмы
не целят прикольные,
волнами через рифы
раскованно прильнут.
Гора проблем рутинных
растает, словно воск,
ведь в днях необратимых
и времени-то — воз.
Друзья — ура! — доступны,

и с ценами обвал,
и счастье неотступно
(брат, это ты соврал).
А человек «свободный» —
забытый идеал.
В какой земле «свободной»
ты его встречал?

* * *

Циклопом встал передо мной
С часами башни вид смурной;
Циклоном день грозил неслабым,
Мой план с реалией не сладил.
Но, как известно, знает бог:
Кто на порог, кто за порог,
А ты внимай, стучись, учись,
Хоть светляком, да излучись,
И даже у врага на мушке
Сваргань хоть для синиц кормушку,
Да не тебя, мил чел, корю,
Я теплохладной говорю
Себе! Дохнёт Светило, пусть не сразу,
Часы на башне — третьим глазом.

* * *

Юрко порхает в сирени
весёлая пташка,
вёртко в листву — и давай
на весь мир напевать;
среди разнотравья — снадобье
первых ромашек...
ливни лучей переполнили
озера чашку —
юный июнь навевает нам
дум благодать:
вот и до нового счастья —
рукою подать!

г. Челябинск

Ирина Осмачко

Вот плачет и плачет душа

* * *

Листья, как игрушки, осень разбросала.
Клены, как кораблики, по лужицам пуска-
ла.
Бабочки-цветочки к людям прилепила.
Листопадом-бисером, как с веером, кружила.

* * *

Перед иконой тихо молила мать о сыне:
«Пусть будет беспечальным с рождения
и ныне.
А вот мои печали я утолю с Тобой,
Теперь уже навеки мы связаны судьбою».

Иван с войны вернулся и жив-здоров остался.
«А я, мать, беспечальным среди солдат
прозвался.
Какой иконой, помнишь, на фронт
благословляла?»
«Да, «Утоли печали»», — смеясь, мать
отвечала.

По-гречески — «Алипий», по-русски —
«Беспечальный».
Так нарекли Ивана в монастыре случайно.
Пророческими стали слова здесь изначально.
Архимандрит Алипий всегда был
беспечальным.

* * *

Я в замкнутой сфере,
Как звери в вольере
В раскрытые двери
Не смеют бежать,

Не смею дышать —
Вот такие потери!
И сердце так бьётся,
Не может понять.

Не может понять,
Что так тоже бывает.
Мечты размывает,
Как краски вода.

А дух возражает.
А дух утверждает,
Что светом зальётся,
Как утро, судьба.

* * *

Вот за окном капель и лужи,
Растаял снег, зима ушла.
И телевизор нам не нужен —
Цветы сажать пора пришла.

В морозы смерть стучала лихо,
Её смотрели мы в кино.
Семья с ума сходила тихо,
Там кровь лилась через стекло.

И бесконечные показы
Убийства: смерть, террор, резня.
В мозги засели, как проказы,
Как будто гибла там родня.

Мужик — за рюмку, баба — в слёзы:
Зачем рожать, если война?
Взгляни в окно, весны здесь грёзы,
Здесь жизнь хозяйкой быть должна.

А коль придёт такое утро,
Чтоб русский кровь пролил до дна,
Не будет на душе так смурно —
Сажал он розы вдоль окна.

* * *

Что волнуешься, калина,
Средь увядшей красоты?
У тебя же нет соперниц —
Всюду голые кусты.

Там заметила рябину,
Но вы с нею так горьки...
Только осенью холодной
Вы, как ягодки, сладки.

После ночки, да морозной,
Ваша спелость так свежа,
Словно вкус воды студёной!
Пьешь — хмелеет лишь душа!

* * *

Скажи, зачем ты, добрый гений,
В себе таишь так много зла?
Высокий дух твоих творений
Толпа не оценила зря?

На дне несбывшихся желаний
Зачем рождается строка?
В пылу надежд и обещаний
Пусть тянется к перу рука.

* * *

Стоят сады, поля пустые:
Отдали спелые плоды.
Их славят руки золотые
За принесённые дары.

Что снится вам, края родные?
Вы в зимний сон погружены:
Быть может, руки золотые,
Что отдыхают до весны.

* * *

И пусть сей творческий успех
Меня отыщет позже всех,
Закружит голову мою
И буду жить я, как в раю.

И в руки я себя возьму,
Чтоб не гордиться в том краю.
И Чести дух в крови притом,
Чтоб не кичиться лишь умом.

* * *

Вот метель последним снегом
Всё смешала: рельсы с небом.
За метелью поезд следом...
И конечно, между делом,
Точки все расставив смело,
Мы сидим в купе с соседом
И едим варенье с хлебом...

* * *

Последние февральские метели
Тяжёлой поступью подтаявшего снега,
Решили замести следы капели,
Поняв уже всю мощь весеннего разбега.

* * *

Немало удивляюсь русскому народу:
Живёт в нём творчество всем бедам вопреки.
Оно как легкие, дающие свободу
В те годы мира, что в России коротки.

Юность

Пришла любовь, её мы ждали.
Что делать с ней, не понимали.
Страсть с ревностью перемешали,
В конце концов себе сказали:
Она приносит лишь печали.

И с видом гордым показали
Всю жертвенность, чтобы сказали
О нас: о, круто передали
Вы нам свой опыт. Мы же знали,
В любви уж точно проиграли.

* * *

Капризна осень в сентябре,
Жди каждый миг преображенья,
Сметает листья во дворе
И в лужах ищет отраженья.

Быть Золушкой тебе к лицу.
Ты даже совершенна в малом.
Когда с тебя портрет пишу,
С ума схожу под шалым взглядом.

* * *

Солнце скупое сквозь тучи прорвётся,
В небе осеннем оставив следы.
Воздух прохладный так светом залъется,
Что тень засверкает в каплях воды.

Сумерки тихо обнимут деревья:
— День без тепла — лучше ночь при луне.
Хочется солнца — оно как мгновенья,
Серые будни нынче в цене.

* * *

Зачем опять друг другу говорили
Мы, торопя, нескладные слова.
Но души наши в этом уловили
Конец любви, пожухлой как трава.

* * *

Как спицы в колеснице,
Вращаюсь по орбите.
Все мысли о столице,
Где жизнь была в зените.

Быть может, память злится
На эти небылицы,
Но прошлые страницы
Бесценны до рупицы.

С годами даже снится
Общение с друзьями,
Но встреча состоится!
И вновь я буду с вами.

* * *

Вот плачет и плачет душа,
Соль горечи в чём, разбери?
Бывает ли жизнь хороша?
Ты, Боже, мне расскажи.

А может, с бокалом вина,
Раскроются тайны тоски?
И в чём же моя вина,
Коль слёзы так глубоки?

Прошедшие дни не понять,
Стирают надежду они.
Так, Боже, дай мне принять
Всё это с высот любви!

* * *

Уж полон колокольным звоном
Рассвет вокруг монастыря.
И воздух с дивным перезвоном
Созвучен с пеньем псалтыря.

И легкий аромат сирени,
И запах скошенной травы,
Развеив царство сонной лени,
Дух мирен создают внутри.

Там сферы куполов соборных,
Играя в солнечных лучах,
Сверкают в небесах просторных,
Свет оставляя на крестах.

Уже спешат с окрест бабули
Поближе встать у алтаря.
И утихают в сердце бури,
Таясь покрова стихаря.

Монах Евангелие читает,
И покаянная душа
С креста грехи свои снимает,
Чуть-чуть свободнее дыша.

Ветер горькие ивы качает упруго

Август 41-го года

Тополиного пуха пушистая роскошь.
 Бьется куст над пронизанной солнцем водой...
 Тихим розовым утром у города Россошь
 Умирает в траве командир молодой.
 Ветер горькие ивы качает упруго.
 Проступают вдали очертания сел.
 И зовет он танкиста, отменного друга.
 И ругает его: «Почему не пришел?»
 По молчит его друг, весельчак черноусый:
 Крепко пуля засела в шальной голове...
 Свищут вихри пожарищ над Старою Росой,
 И горят наши танки в высокой траве.
 Мчатся танки со свастикой, травы ломая,
 Наступила година неслыханных бед:
 Что пред дикой Европою орды Мамая?
 Все позиции прерваны. Армии нет.
 Там, где стены белели, руины дымятся...
 Обошли, подползли и ударили встык!
 Над красивой и нежной женой наглумятся.
 А детей — дочь и сына — нанижут на штык.
 И в бреду он мучительно ищет причины:
 Он с оружием был, и обучен, и смел...
 Эта самая трудная смерть для мужчины:
 Знать, что Родину ты защитить не сумел!
 А луга зеленеют от края до края.
 Рядом с пятнами крови алеют цветы.
 И тоскует в траве командир, умирая,
 Что не смог отстоять он такой красоты.

* * *

Сыновий долг и уваженье
 Мы вам, родные, отдаем
 Живым и павшим в дни сражений,
 Навек уснувшим крепким сном!
 Да многих нет с той славной рати...
 Пусть будет пухом им земля...
 Вы полегли за мир и счастье,
 Нам всем любить и жить веля!
 Пусть нет на свете жизни вечной.

Но Родина навек одна,
 И это в нас так бесконечно.
 Как память, как любовь. Весна!

* * *

Безвозвратно уходят секунды,
 Исчезают часы и года.
 Наверстать, что упущено трудно,
 Что прошло, не вернуть никогда.

Я хотел бы, друзья, вместе с вами
 Побывать в нашей юности вновь,
 При луне в саду с соловьями,
 Повстречать бы впервые любовь.

К сожаленью, уже невозможно
 Повернуть нам историю вспять,
 Но назад оглянуться мы можем,
 Чтоб ошибки свои отыскать.

Пусть они нам послужат уроком
 На оставшийся жизненный век,
 Чтоб отнесся к минувшему строго,
 Без поблажек себе человек.

* * *

Не выпускает душа впечатлений:
 Положила для чувства предел,
 Точно твой человеческий гений
 Гениальностью вдруг оскудел.

У меня, как у лучника, зренье,
 У тебя, как у егеря, слух,
 Но впадает душа в оскуденье —
 Твой смотрящий и слышащий дух.

И, повергнутый в эту разруху,
 Точно мчащий за чьей-то судьбой,
 Представляешь ты правую к уху,
 Водишь левою перед собой.

г. Южноуральск

Александр Фунштейн

Раньше солнце лучше грело

Мне в сорок пятом
 было восемь лет

Близки мои года заката,
 Не остановишь, жизнь идёт,
 А память тянет в сорок пятый
 Далёкий, но особый год.

Шли из Европы эшелоны:
 Солдаты — выживший народ —
 Везли с собой аккордеоны,
 И мы теряли песням счёт.

Аккордеон мне ночью снился,
 Играть хотелось мне до слёз.
 Но мой отец не возвратился,
 Аккордеон мне не привёз.

Давно он в братской спит могиле.
Война — ну есть ли больше зло!
Мы с мамой так его любили,
Но нам, увы, не повезло.

О трудностях я ныть не стану,
Я в жизни путь себе пробил.
Аккордеон не по карману
Ещё мне очень долго был.

Аккордеон был возжеленьем,
Но друг мой чудо сотворил:
Вот как-то раз на день рожденья
Он мне гитару подарил.

Ведь я был не совсем бездарен
И был к себе довольно строг.
Петь песни под свою гитару
Я всё же выучиться смог.

* * *

В небе звёзды и луна,
Тишина.
Тих, спокоен небосвод,
Спит народ.
Рёв моторов, вдруг с высот —
Самолёт.
Вмиг исчезла тишина,
Не до сна.
Ночь. Учение идёт,
Зол народ.
Неприятно, но стерпеть
Нам суметь.
Будет армия сильна!
Спи, Страна.

Ночное воспоминание

Ночь, проспект, трамвая рельсы,
Где-то в небе облака.
Где ты, ветер? Вейся, вейся,
Прилети издалека.

Прилети от гор далёких,
Где я был давным-давно,
Где дивчине черноокой
Было сердце отдано.

Только жизнь порой ломалась,
Не сбылась моя мечта,
Сердце там моё осталось,
У подножия хребта.

Где вы, горные вершины,
Где ущелья, ледники,
Где та милая дивчина,
Где собратья мужики?

Всё укрыто пеленою
Всё быстрее текущих лет.
Я и сам тому виною,
Что со мной теперь их нет.

* * *

Что значит неба глубина?
Что может мне сказать она?
Докуда можно долететь,
Коль очень сильно захотеть?
И есть ли там, как говорят,
Архангелы, и Рай и Ад?
И вообще, какой удел
У звёзд и всех небесных тел?

* * *

Если ты со мною рядом,
Сразу сердцу горячо.
Ничего совсем не надо,
Лишь прижать к тебе плечо.

Если ты со мною рядом,
Всех проблем нелёгких нет.
В этот миг нам только надо,
Потушить скорее свет.

Библейская история, Ветхий Завет

Аврам и Сарра родили Исака,
Когда им было по сто лет, однако.
А до того никак... хотя старались
И, к счастью, без потомства не остались.

А если бы остались без потомства,
Какое это было б вероломство:
У Саваофа рухнула б идея
Создать народ любимый — иудеев.

Всё в нашем мире было бы иначе:
И не было б нигде стены для плача,
И не было б Япончика-бандита,
И были б ни к чему антисемиты.

Новые «Фунтики»

О половине стакана

«Наполовину пуст!» — один гласит.
Другой твердит: «Наполовину полон!»
Сказавший полон был, конечно, сыт,
А то, что пуст, сказать заставил голод.

* * *

Собака человеку друг,
Но очень разные собаки:
Одна товарищ верный в драке,
Другая же укусит вдруг.

* * *

Если хочешь вниманья красавицы,
Подари ей кольцо, чтоб понравиться.
Будет радостно прыгать довольная,
Если это кольцо баскетбольное.

* * *

Я сейчас вам расскажу,
Что со временем творится:
Чем я медленней хожу,
Тем оно быстрее мчится.

Всем миром

Сумятица звона сильнее в ушах
Давила, звенела, кричала:
«Ты вспомни себя в лесах и полях,
Как солнце в деревне встречала!»

I

И золото расплавленной зари
Рассыпалось на озеро, на крыши.
Ждало, когда зажгутся фонари,
Остыло. Потемнело. Стало тише.

Но свет до нас в то время не дошел,
И фонарей у нас в деревне нету.
Лишь спорыш на дворе блестел, как шелк,
Качалась на ветру рябины ветка.

Всем миром люди в селах жили,
Всем миром на войну ходили.
Поля огромные пахали,
С погодой дружно воевали.

Косили сено и сгребали,
В копешки ровные кидали.
За урожай боролись смело —
Хватались за любое дело.

Полоть картошку и подсолнух,
(Там, где расцвел пахучий олух).
Пшено и гречку, кукурузу —
Стране всегда все это нужно.

С рассветом нас звала работа.
Мы шли со взрослыми в луга.
Косили и гребли до пота.
Метали преогромные стога!

А ночью на душистом сене
С подругами ложились вместе спать
На чердаке уж после танцев, песен,
Родителям чтоб в доме не мешать.

* * *

Я могу вам доказать
Раньше солнце лучше грело —
Стал быстрее замерзать.
Видно, солнце постарело.

г. Челябинск

Галчина Козлова

Под крышей птицы щебетали.
А если вдруг беда или пожар,
На сеновале чутко спали.
Из нас никто от страха не дрожал.

Не проходили люди мимо.
Любое дело было мило.
Пожарам спуску не давали:
За ведра быстро все хватались.

Неважно, чье горит «богатство»,
Способны были все на братство.
Чужого горя не бывало.
Беда всегда объединяла.

II

А летом часто «сапоги» меняли:
Месили глину босыми ногами
На кирпичи. Успехом удивляли.
В коричневых «сапожках» будто сами.

Как кизяки — форсили будто в черных.
Месили так же, но не глину, а навоз.
Сушили кизяки на косогорах,
Так топливо готовили всерьез.

Соседей одиноких и больных
Не оставляли, помогали им.
Ведь печи и они топить должны —
Лепили кизяки мы и для них.

Устав, я шла к березке погостить.
(Росла раскидистая на меже).
Склоняла надо мною свой настил —
С прохладой ждала меня уже.

Зимой в заснеженной тиши
До крыш аж снегу намело.
Мы рады: супротив стихий
Солидно топится село.

Что наш кизяк горит изрядно,
И рядом дышится легко.
В селе над крышами струятся
Дымки. Их видно далеко.

III

По разным селам, ближним городам
Учебники искали ежегодно.
Для этого лошадку дали нам.
Не думали, что хорошо, что модно.

Тушили мы пожары по пути,
Людей стараясь от беды спасти.
(Родители все на полях колхозных,
А дети дома были бесконтрольны...)

Своею жизнью рисковали даже,
И не боялись выпачкаться в саже,

Галчина Афимова

До святой — не доросла

* * *

Красивый лист заманом предо мной,
Ладонь с небес протянута мне снова:
Абонемент на творчество — цветной,
Свеченьем строчки посланного слова.
Светла энергия — идёт от лир:
Идеи крутятся мечтой парящей,
Калейдоскопом шарик — этот мир,
Акцентом — радость от души творящей!

А я, причастная, на склоне лет,
Волнуясь зарождением, слагая
Абстрактностью по смыслам новым вслед,
Несу любовь, стихами обжигаясь.
Горит, искрит полярная звезда,
Аврора в сердце красными штрихами...
Рисую жизнь — пытаюсь создавать,
Дары с небес струятся миражами.

В Сочельник

День рожденья у папы в Сочельник:
Строгий пост и запрет до звезды,
Мои мысли искрятся метелью:
Есть загадки на годы — следы.

Потому мне не спится, в печали
В эту ночь вспоминаю отца,
Рождество: миражи пасторали
Ворошат чувства делом Творца.

Благодать дарит радость для сердца,
Отгоняю невзгоды на край,
Размышлением — тайная дверца,
За которой светло, может, Рай?..

Нахожусь в полосе испытанья:
Силы тёмные взяли в захват,
Но не душу — одни лишь желанья,
И сумой надо мною вершат.

И не делили на «своих», «чужих» —
Не нарушали правил мы людских.

IV

В лесах пожары были редки:
Усердны были наши предки.
К хозяйству приучали строго.
Учили пользы делать много.

Чтоб жить нормально всем, богато —
Любить, беречь природу свято!

г. Чебаркуль

Я земная: от благ не отречусь,
И прошу: помогай мне, отец!
Согреваюсь молитвенной речью,
Не святая — с грешками жилец.

За грехи поканьем пред Богом
Душой встречной пытаюсь расти,
Темень выведу, словом и слогом,
Я надеюсь: услышит, простит!

* * *

Снился сон в светлу ночьку — на Святках:
В темноте по колдобинам шли
С одним типом и женщиной в прятки:
Нелюбовь, недомолвки, не флирт.

Но не страшно попала я в яму,
Провалилась под лёгкий испуг:
Очень твёрдо стояла ногами,
Да и светом забрезжило вдруг.

Чуть вдали завиднелась дорога,
Так знакомая буднями лет,
Скоро солнцем уйдёт вся тревога.
Вот и сон, мне подсказкой — ответ.

Сердцем мучилась, болью страдала:
От мошенников смутно, темно,
Битым духом в унынье не впала:
Светом божьим — мой берег земной!

* * *

Напастью в жизни — беды, муки,
Невзгоды долгие и мгла,
И боль на сердце — без разлуки:
От мыслей чёрных — их сверла.

Но с Рождества и до Крещенья —
Пора пророческого сна:

Жду сказку с чудом воплощенья,
Среди снегов — светла вина.

На Святках — можно и поверить!
Раз в год открыты небеса:
Азарт счастливых откровений
В фортуна хочется вписать.

Жду парусов — не тех, что алых,
Колодец святочный — в кровать,
От дум печальных зло устала —
Зову я в гости благодать!

* * *

Как хорошо порой смотреть на звёзды:
Люблю полярную — давно она в подругах.
Астральный свет любви, такой серьёзной,
Светло и чудно избавляет от недуга.
Судом делюсь, секретами и болью,
Изрядно с трепетом вверяю ей всю душу,
Какое счастье: в космосе — на воле —
Азарт несёт энергия, как влага в сушу.

А вам? Да разве нравится болото?
В нём нечисть водится — вся грязь
 под липкой тиной.
Амбре — вот мерзопакостная квота:
Надел такой гнилой: в клоаке нет вершины!
Губительны на риске переходы,
Абсурдом лезть в трясины: жижа покорёжит.
Разительные силы у природы:
Даст смерть, даст жизнь и свет звезды —
 душе на розжиг.

* * *

Мне учителем сверху в собратцы
Послан дух оберегом лозы:
Запрещает подруга ругаться,
Разрушением в генах грозит.

Слабо слушаюсь — против теченья,
Понимаю, что фора за ней,
Но порой мысли ходят сомненьем:
Мне мешает ханжа фарисей.

За духовным исканием птенчик
Борет силой святой пиетет,
Дуализм во мне бьёт, словно венчик,
К идеалу по долгости лет.

Хорошо — есть духовники рядом:
Фонтанировать над — суждено,
Философией разной по взглядам
Улучшаю свой нервный геном.

* * *

Солнце лучиком своим
Душу всколыхнуло,
Размышленьем — Аркаим:
Вечность смотрит в дуло.

Всё меняют времена,
Звёзды во Вселенной,
Хорошо, что не одна
Я в пучине тленной.

Держат пути по ногам:
Деньги — грехом первым,
Нездоровье — по годам,
Жизнь смеётся стервой.

До святой — не доросла,
Не горжусь я этим:
Я ращу мечту орла —
Проживать столетье.

Поживу ещё чуток:
Не хочу распятыя,
Перейду в другой виток —
Тёплые объятья!

Может, что-то сотворю,
Аркаим и Мекка,
Шлю я искорку в зарю:
Чувства человека.

Осенние грёзы

Ковёр осенний по земле
Природа расстелила,
А в небе стайку журавлей
Уносит звуком сила.

Пошла отдушина — тепло,
Мелодия для слова.
Перо — астральное крыло —
Я целовать готова.

И ветер ласков — егоза,
Всё кружит лист под джазом,
Стихи — лечебный мой бальзам:
Волшебный яд — зараза.

Пред холодом на щеколду:
В другой я ипостаси,
Переживу напасть-беду,
Мне осень чувства скрасит.

Согреет глаз узор цветной,
Октябрь ещё почудит,
И танец листьев суетной
Смешеньем чувств разбудит.

Непредсказуема зима:
Явлениям — нет предела,
Хозяйка снежного ума
Предстанет в платье белом.

Голь осень схватится с зимой,
Потом уйдёт в забвенье,
Пока что в силе — всей душой
Подарит настроенье!

г. Копейск

Владимир Яковлев

И время вновь тебя коробит

* * *

И ещё с неприметною дрожью кости лучевой
Восвояси вернувшись в обличье воды дождевой
На заре у просторного дна молчаливый потомок
Безразличен он к редким узорам фигурных тесёмок
Видишь облик струящийся в вечность подобный кресту
Он сберёг свою ношу впадая в немилость к отцу
Пропадающий пропадом времени толстый образчик
Разлинован он в круге воды заштрихованный мальчик

* * *

В циферблат смотреть как в восковое пятно
Хочешь сядем мы рядышком мы заодно
Ветер дует на ласточку хочет простить
Положи мне тропинку спаси отпусти

Треугольная вещь как вершина себя
Трафальгарская площадь пируэты маня
На позицию в ноль в ночь в звериный оскал
Пропадёт танец света грядущих зеркал

Ниспослёт он нам плазму и рай в шалаше
Как препятствие дробы ночных алкашей
Ястребиные вожжи и пернатая жуть
И бригада врачей пролезающих вглубь

* * *

Ты вероятность превращения
И узнающий воплощенье
Зернистости укромных зим

И время вновь тебя коробит
И вновь сметаемый с надгробий
Лежишь возле крутых низин

И загнивающий навечно
В судьбе зимы и безусловно
Угадывающий всё вокруг

Наедине с бездомным ветром
Порой твой облик безответный
Зелёный лист упавший с рук

* * *

Я в снеге замутнён как Енисей и воин
Ложится в тишине неутверждённый след
И заново сгореть при виде колоколен
Не прибавляя жизнь и отрочества твердь
Он назван в вышине уездным самозванцем
И высота и твердь не могут умереть
И скашивая ночь забытым постоянством
Он вновь припал к ручью как раненый олень
И начиная стон он нехотя злословит
О снеге и о тьме и времени страшась
И забывая след он в гуле перевозносит
Как новый Одиссей задумчивости вязь

г. Озёрск

1 апреля 2019 г. исполнилось 75 лет
Галине Максимовне Козловой из Чебаркуля.
Поздравляем нашего давнего и активного автора с юбилеем,
желаем здоровья, новых замечательных произведений.

Судьба соблазном дразнит

(стихи с присказкой)

Парное молоко

В чём сила урагана —
в желанье навредить!
В чём сила у нагана —
в желанье первым быть!
Сила революции —
власть бури и нагана.
Сила Конституции —
струя воды из крана...
Мы не допустим ураганов,
летать же станем высоко.
Без революций и наганов
не жизнь — парное молоко.
Упорно к звёздам рвёмся,
друзей заводим, не врагов.
И мы, товарищи, добъёмся,
себе найдём иных богов!
*Мечта проста как сказка,
не добавишь что-то к ней.
Но очень лучезарна краска
в палитре сероватых дней...*

Мелкотемье

Плыву по мелкотемью,
спасаясь от надежд,
как щепка по теченью,
без всяческих одежд.
Что толку от фантазий,
мечтаний в тишине?
Судьба соблазном дразнит,
а после — ты на дне.
Уж лучше, затаившись,
смотреть из-за угла.
Иль, к берегу прибившись,
запрягаться, где мгла.
Ведь мы такие ж рыбы,
да только без хвоста.
И как они могли бы
понять, что жизнь проста.
Хотя наш мозг не рыбий,
смакуя крепкий ром,
плывём мы на Карибы,
не думая про гром.
*Где гром тебя застанет,
а где тайфун с цунами?
Никто из нас не знает,
что вскоре будет с нами.*

Хорошо, но плохо

К олигарху сын зашёл,
и спросила «кроха»,
когда папку он нашёл:
Что хорошо, что плохо?

Почесал папаша лоб —
мозг его окутал смог.
И ответить сразу чтоб,
сделать этого не смог...
Хорошо петь в унисон
собственным желаниям,
изредка впадая в сон
вопреки увещеваниям.
Хорошо слыть воеводой,
гнать по полю лошадей.
Пользуясь своей свободой,
в Гарварде учить детей.
Хорошо желать удачу
тем, кому непросто жить,
И публично сыпать сдачу
тому, кто в холоде дрожит.
Хорошо иметь коттеджи
на лазурных берегах,
эксплуатируя надежды
тех, кто еле на ногах.
Хорошо в супердоходах
пировать да жировать,
при восходах и заходах
«Petrus» пить, икру жевать...
Я скажу тебе, сынок,
ты передай потомкам:
Сделать много я не смог,
хотя старался с толком.
Было раньше хорошо
мне, тебе и маме.
Очень плохо, что дошёл
кризис до Майями.
*Этой сказочке конец
придумать бы хороший:
Ура, Америке пипец,
у богачей нет гробшей!*

Сдвиги-интриги

Тектонические сдвиги
сотрясают всю планету,
Люди все плетут интриги,
жгут волшебную карету.
Не читая больше книги,
верят устному совету.
А на солнце видят фиги,
не надеясь на победу.
Почему-то пахнет гарью,
в голове штормит, как море.
Техника сверкает сталью,
много создано для горя...
Надрывают люди глотки,
наливаясь алкоголем.
Выпив по стакану водки,
сядем рядом и повоём:

«Не пугай, мир клубочный,
 Вдаль не зовите, небеса!
 Мир вокруг, увы, порочный,
 но вдруг случатся чудеса:
 мы мир построим прочный,
 и светлой станет полоса.
 Наступят супер-времена,
 тупое кончится застолье,
 нас не раздавят жернова,
 не сгинем мы в подполье!..»
*Хотя этнические сдвиги
 и сотрясают всю планету,
 но все подобные интриги
 традиционно канут в лету!*

Многоточье

Мир подобен акробату,
 сальто делает в петле.
 С битой брат идёт на брата,
 власть несётся на метле.

Пахнет небо чернозёмом,
 сверху пухнут облака.
 Вопреки земным законам,
 всюду ищем чудака.
 Алый цвет назвали чёрным,
 телевизор стал репьем.
 Бродим по лугам просторным,
 но с оглядкой и ружьем.
 Ждём вестей, но нехороших,
 ведь хороших почти нет.
 В берцах, а порой в калошах
 мы выходим на паркет.
 Дети стали словно чирьи —
 не побьешь и не поймешь.
 Нервы все нам источили,
 да ничем их не проймешь.
 Чипсов хруст залили пивом,
 день прошёл — и дела нет.
 Наша жизнь проходит мимо —
 То ль комедия, то ль бред.
*Мир свихнулся — это точно,
 не узнать, кто прав, кто врёт...
 Сменю слова на многоточье,
 кому надо — тот поймёт!*

г. Миасс

Олег Иванов

Волчья месь

Вечером зазвенел телефон. Я взял трубку, звонил мой институтский друг Серега Селиванов.

— Иван, здорово!

— Здравствуй, Сергей.

— Иван, в общем, так. 29 августа у моего младшего свадьба, мы тебя приглашаем, явка обязательна. Но ты приезжай числа 20.

— Сергей, а что так рано?

— А мы пока на рыбалку мотнёмся, и вообще, потом некогда будет общаться, сам понимаешь.

— Ладно, я всё понял, как поеду — позвоню.

По большому счету, меня ничего не держало, я был как четыре дня в отпуске. С женой не надо было советоваться, так как четыре года назад мы развелись.

С Сергеем мы познакомились на первом курсе института, я поступал на факультет журналистики, куда поступал и Сергей. Он приехал из деревни по направлению. В Ленинграде он не был ни разу, мне было смешно наблюдать за ним, как он познает этот город. Мы стали дружить, но он сразу меня предупредил: «Иван! Я очень жадный на дружбу, если дружить, то по-настоящему. Моё плечо всегда будет опорой для тебя». — И он протянул мне свою ладонь, в которой была деревенская сила.

И мои первые насмешки были напрасны, Сергей быстро влился в коллектив. Он умел быть экономным, к вещам относился очень бережно, к нему пол-общаги бегало, чтобы отремонтировать обувь, он с собой привёз специальный инструмент. За пять лет учебы мы ни разу не поругались. Нет, были споры, обиды, но мы всегда находили компромисс. После окончания института он уехал в родной район, а я остался в Ленинграде, но дружить мы продолжали.

«Так. Завтра у меня есть дела, а послезавтра я рвану к Сергею в гости!»

Вечером следующего дня я стал собираться в дорогу, позвонил в деревню, предупредил Сергея, что выезжаю. Утром, загрузив необходимые вещи в машину, отправился в деревню Сандилово: от Ленинграда 600 километров.

Как-то на третьем курсе Сергей пригласил меня к себе в деревню в гости. Я согласился, мне было интересно, как живут люди в глубинке. У родителей Сергея был добротный дом, во

дворе много живности. Мы поселились на большом сеновале, сено было свежее, ароматное. Как-то я проснулся рано утром, посмотрел на часы, было пять часов утра, Сергея не было рядом. Я услышал разговор:

— Мама, я коров угнал в табун, сейчас привяжу телят.

Я не выдержал, спустился вниз. Сергей был в резиновых сапогах, в нелепых каких-то штанах, в рубахе, завязанной на узел. Он так быстро и умело управлялся с хозяйством, я был очень удивлён.

— Что, не спитесь, Иван?

— Сергей, я могу чем-нибудь помочь?

Он посмотрел, на меня и улыбнулся.

— Вот тележка, вот вилы, вот навоз. Грузишь и увозишь за огород, в кучу, а я пока телят на выгул привяжу.

Я рванул с места, как говорится, в карьер. Но на третьей тачке понял, что силы мои на исходе, да и ладони были сбиты в кровь. Тут подошёл Сергей, посмотрел мои ладони:

— Да, Вань, вот такие наши будни в деревне. Всё, на сегодня с тебя хватит, пошли, будем лечить твои ладошки.

Как это было давно...

Пока я ехал к Сергею, по дороге почувствовал боль в правом боку, но не придавал этому значения. Прибыл на место, там меня встречала вся семья Сергея. Мы обнялись, как и положено.

— Так, Вань, с дороги — в баню, а там будем вечерять. Завтра на рыбалку, будем встречать утреннюю зарю. Напарившись в бане, за ужином бок стал болеть сильнее.

— Вань, ты чего за бок держишься?

— Да что-то разболелся, наверное, давно так далеко не ездил за рулём.

Тут вмешалась в разговор невестка Сергея, она окончила медицинское училище.

— Дядя Ваня, вы лягте на диван, я посмотрю.

Я посмотрел на Сергея, тот мотнул головой. Я покорно согласился и лег на диван. Настя стала ощупывать живот, потом резко нажала с правой стороны, от боли у меня потемнело в глазах, стало тошнить.

— Вызывайте «скорую», у него, скорей всего, аппендицит, как бы не лопнул.

«Скорая» прибыла быстро, врач «скорой помощи», осмотрев меня, подтвердил диагноз Насти.

— Да, аппендицит, и, скорей всего, лопнул.

Дальше все было как во сне. Очнулся я через пять часов, накрытый простыней, возле меня сидела Настя:

— Проснулись? Вот и хорошо.

Она вышла из палаты, вскоре пришёл хирург.

— Как себя чувствуете?

— Терпимо, доктор.

— Что же вы так долго тянули с болью? Но ничего, страшное уже позади. Скажите спасибо Насте.

Доктор ушел, а я вновь уснул, не знаю, сколько проспал, меня растолкала Настя:

— Иван Николаевич, просыпайтесь, надо покушать.

— Настя, мне совсем не хочется, честное слово.

— Надо есть обязательно, — раздался голос мужчины, который лежал на соседней кровати. — А то, Иван Николаевич, не поправишься до свадьбы.

Я посмотрел на соседа по палате, это был мужчина средних лет, нога его была в гипсе, точнее, ступня.

— Мы с вами знакомы? — спросил я его.

— Да, знакомы, причём давно.

— Что-то я не припомню вас.

— Вы приезжали в гости к Сергею, мы в футбол тогда играли, ходили на рыбалку, даже в ночное коней пасли, помните? А теперь вы человек знаменитый, работаете редактором в ленинградской газете, пишете рассказы. Я недавно в журнале «Ленинград» читал вашу статью про животноводство, ничего статья. Но вот только моё мнение, что вы дальше чем на пятьдесят километров от Ленинграда не ездили, а там подсобные хозяйства, опытные базы. Вы бы у нас походили, посмотрели. Я, конечно, извиняюсь, но это моё личное мнение.

Он замолчал, а я лежал и думал: «А ведь он прав, действительно так далеко я никогда не ездил по таким вопросам». Я посмотрел на соседа внимательно:

— Федор, ты, что ли?

— Да, Иван Николаевич, я. Что, постарел? Хотя я младше вас на три года.

- Слушай, Федор, давай на «ты», как раньше, просто Иван. Федор, если честно, то это «выканье» в городе надоело.
- А что, я не против, согласен, Иван.
- Что у тебя с ногой?
- Эх, не поверишь, Вань. Я егерем работаю пятнадцать лет и три года как старший егерь, знаю все места, всех браконьеров. Знаю, кто, где, какие капканы ставит, а тут прошлепал, попал в капкан. И вот перелом. Но я знаю, кто поставил этот капкан. Я их сначала накажу, а потом прошу, как тот волк.
- Какой волк, Федор?
- Тут открылась дверь палаты, в неё вошёл Сергей и целая свита гостей.
- Ну что, Вань! Как самочувствие? Да, друг, приехал в гости, но ты не волнуйся, сегодня с района доктор приедет, быстро на ноги поставит. Так что свадьбу без тебя проводить не будем.
- Сергей! Ты не горячись. Свадьба через неделю, я за это время уже встану, и не тревожь, пожалуйста, никого. Не стоит.
- Вань, я здесь ни при чём.
- Не понял тебя.
- А что не понял? Дело в том, хоть мы и живем в глубинке, а газеты читаем. А тут главврач проводил политзанятие, между прочим, по последнему твоему очерку, где твоя фотография и фото профессора Чернова.
- Да, Сергей, я это уже понял, что вы читаете мои статьи! — Я посмотрел на Федора, тот покраснел и опустил голову.
- Вань, ты узнал этого человека? Лучший егерь и мой хороший товарищ, друг. Он тоже должен быть на свадьбе.
- Да, узнал. Это Федор.
- Тут вошёл главврач:
- Так, товарищи, попрошу покинуть помещение, больным надо покой. Иван Николаевич, у нас есть отдельная палата, если желаете.
- Доктор, вы извините, но я поближе к народу, я ведь тоже из народа.
- Доктор внимательно посмотрел на меня, на Федора:
- Как будет вам угодно.
- Доктор! Вы не обижайтесь, пожалуйста, но аппендицит дело пустяшное, не стоит так волноваться. Большое вам спасибо, но позвольте мне остаться здесь.
- Я-то не против, но звонили с обкома, интересовались, как вас устроил.
- А вы скажите, что по высшему разряду.
- Доктор пожал плечами и вышел из палаты, а мы с Федором остались, лежали и молчали, каждый думал о своём. Я почувствовал, что устал и, поправив подушку, решил поспать.
- Правильно, Иван. Надо спать — сон лечит.
- Но до конца я Федора не дослушал, провалился в сон. Проснулся утром, меня опять будила Настя:
- Иван Николаевич, просыпайтесь, скоро обход.
- Спасибо тебе, Настя, я уже проснулся.
- Доктор со своей свитой осмотрел мой живот, что-то говорил медсестрам, они записывали, соглашаясь, кивали головой.
- Ну, что ж, уважаемый Иван Николаевич, неплохо, неплохо. Сегодня приедет из района хирург и вас осмотрит.
- Пётр Валерьянович, я прошу вас, не надо больше никого вызывать. Я полностью доверяю вам.
- Хорошо, я всё улажу. — Они вышли из палаты.
- Вот, Иван, так и живём.
- Фёдор, а что ты говорил про волка?
- Фёдор посмотрел на меня, и я увидел в его глазах то ли страх, то ли неприятное воспоминание, он даже опустил плечи, долго смотрел в пол.
- Иван! Никогда никому не рассказывал, даже своей жене. Эта история началась прошлой весной, вернее, в начале июня. Вань, ты вообще что знаешь про волков?
- Ну, знаю что хищники, санитары леса, что нападают стаями.
- Всё правильно говоришь, но я немного введу тебя, так сказать, в курс дела. В волчьей стае могут находиться от пятнадцати до сорока особей, доминирующий альфой может быть самка либо самец, то есть вожаком. Вожак избирается один раз, и свои полномочия он может сдать, либо по старости, либо погибнув — более молодому самцу или самке. Спаривание у них начинается в конце февраля, кстати, самка и самец образуют пару на всю жизнь. Самка может принести от трех до двенадцати щенят, но в основном половина погибает, выживают

сильнейшие, остаются три-четыре щенка. Зимой волки сбиваются в большие стаи. Я уже говорил, начинают мигрировать с одного района в другой, с одной области в другую, нанося огромный ущерб хозяйствам. Поэтому отстрел ведется без лицензии круглый год. Обычно те, кто убивает волков, отрезают им хвосты и уши и приносят егерям для отчета, за это получают бесплатно патроны, но я так не делаю.

Так вот, в июне я выследил логово волков. С двух стволов уложил самку, собаки вмиг разодрали трех волчат. Пришёл домой, а тут брат жены приехал, ну я ему, конечно, давай хвастаться, как удачно сходил на охоту. Дом мой находится возле сопки, считай, самый крайний, до леса рукой подать. Так вот, когда я рассказывал брату жены про охоту, вдруг раздался волчий вой. Он был не обычный, а как у койота, и тем более летом. Я в нём услышал стон, какой-то крик души. Жена проворчала, мол, совсем обнаглели, летом воют. Вскоре я забыл про убитую волчицу. Прошло какое-то время, жена собралась в соседнюю деревню, там у неё живёт родная сестра, оставив мне дочку Светку, ей пять лет. Дала ценные указания по поводу ребенка и вообще. Я посадил её на автобус. Вернувшись домой, накормил Светку, умыл, прочитал сказку, уложил спать. Уже было поздно. И вдруг опять этот вой. Он снова был необычный, пропитан тоской и злостью. Я взял ружьё, вышел во двор, собаки мои даже не вышли из будок. Постоял немного. «Наверное, показалось», — подумал я.

Рано утром накормил подворье, пока Светка спала, решил тоже подремать. Проснулся от того, что собаки сначала залаяли, потом завизжали... и тишина. Я смотрю — нет Светки дома, постель пустая. Выскочил на улицу, а там...

Федор замолчал, его глаза налились слезами, но он смог их проглотить, попив воды, стал продолжать:

— А там огромный волк сидит перед крыльцом, а Светка моя его гладит по морде, по ушам. Он даже не шелохнётся.

— Папа! Смотри, какая большая собака к нам пришла, давай её покормим, — кричит мне Светка.

А я остолбенел. За ружьём не успею, кинуться на него — разорвёт обоих. И тут мы встретились глазами. Он смотрел на меня пристально, не моргая. Своим взглядом говорил: «Ну что? Ты без ружья никто!»

Это он: самец той семьи, которую я застрелил. До меня это только дошло. Я смотрел ему в глаза, а губы шептали: «Не тронь её! Убей меня, я тебе нужен! Я убил твою семью». По щеке моей потекли слезы, нет, не слёзы страха, а слёзы бессилия. Дочка увидела мои слезы, подбежала ко мне:

— Папочка, почему ты плачешь?

Я её рукой завел за себя, он даже не шелохнулся, продолжал смотреть на меня пристальным взглядом. Я понимал, что не успею забежать домой, достигнет в один прыжок. А он спокойно встал, медленно развернулся и пошёл прочь со двора. У самой калитки повернул голову, посмотрел как-то презрительно, что ли, и неспешно пошёл в сторону сопки. Я его провожал взглядом, пока он не поднялся на сопку. Потом он обернулся, посмотрел в мою сторону и исчез в лесу.

Светка так ничего и не поняла, в какой опасности была. Лишь спрашивала: «Почему ты плакал?» Я ей наврал, мол, в глаз пылинка попала. Весь день я не находил себе места: эти волчьи глаза были передо мной. Вечером, уложив дочку спать, я наконец мог всё размыслить, а самое главное, выпить своё успокоительное, при дочке было неудобно, да и она, словно что-то чувствовала, не отходила от меня ни на шаг.

Мысли мои путались. Ведь вычислил меня и отомстил, да не просто отомстил, дал понять: «Ты моих детей убил, ты мою семью разрушил!» А ведь он меня предупреждал своим воем, мол, приду, жди! Только я не понял его.

На следующий день приехала жена. Я ей ничего не стал рассказывать, она у меня была на четвёртом месяце беременности. Дочка, конечно, рассказала про большую собаку, мол, она с ней подружилась, даже гладила её.

Жена спрашивала: «Что за собака приходила, что Светка не перестаёт про неё говорить?» Я пытался отшутиться, мол, какая-то прибежала, Светка её гладила, не знаю, чья собака. На этом и закончили, только я не мог никак забыть.

Лето пролетела быстро. Осень. Начинается большая работа у егерей: подготовка кормушек, завоз кормов, в общем, работы много. Так незаметно я практически забыл про эту историю. Лишь иногда во сне приснится дочка с этим волком. Как будто они гуляют по полю, она его гладит, а он повернется ко мне и человеческим голосом говорит: «Ты убил моих детей!» Вскочу весь мокрый, потом долго не могу уснуть. Но потом и это перестало сниться, в общем, можно сказать, забыл.

Так пролетела осень, зима вошла в свои права. И тут в конце зимы позвонил мне егерь из соседнего колхоза, Виталька Григорьев. Говорит: «Выручай! Нужны твои люди. Волки

полкошары вырезали, двадцать пять овечек загубили. Сторож ушёл домой за махоркой, пришёл — а там целое побоище. Мы волков загнали к болоту, но людей не хватает, уйдут, сволочи».

Я собрал семнадцать человек добровольцев, все охотники. Приехали на место. Виталька нас встретил, объяснил задачу: что, как, где должны стоять на номерах.

— Волки будут прорываться через лес, полем не пойдут, но на всякий случай (там две пожарные вышки стоят), так я там ребят оставил с оптикой, они их пощелкают, если те попрут там. Твоя задача, Федор, перекрыть выход из леса. Там расставлены флажки, мои ребята их от болота погонят, и они выйдут на вас обязательно.

— Виталий, ты уверен, что на нас выйдут?

— Да! Дело в том, что там с одной стороны река, а она, сам знаешь, до середины не замерзает, с другой стороны — чистое поле. Если они уйдут в соседний лес, мы их там не возьмём.

— Я всё понял, Виталий, ты не волнуйся, мы не подведём.

Он со своими людьми уехал в сторону топкого болота, я расставил людей по номерам и стал ждать. Вскоре послышались выстрелы, егеря стали делать загон. Я приготовился, стал всматриваться по своему сектору обстрела. С боков началась пальба. Виталий не ошибся, волки вышли прямо на нас. Сосед мой по номеру кричит:

— Мне патрон заклинило в карабине. Я до машины, там еще есть ружьё. — В общем, убежал он. Я ему вслед кричу:

— Давай быстрее!

Поворачиваю голову, а он стоит передо мной в трех метрах.

— Кто стоит? — спросил я.

— Кто?! Мой знакомый волк! Я вскинул ружьё, сам про себя думаю: «Ну что? Я сегодня с ружьем». А волк не шелохнётся, стоит, смотрит на меня, как будто говорит: «Давай, стреляй! Тебе не впервой. До конца убей мой род».

Федор замолчал, сделав большой вздох, промолвил:

— А отпустил я ружьё.

— Почему, Федор?

— Потому, Вань! Перед глазами моими всплыла та картина, когда Светка его гладит. Он же тогда мог спокойно её порвать, да и меня тоже, но он отпустил нас тогда, несмотря на то что я его семью кончил. Встал я во весь рост и тихо ему говорю:

— Уходи отсюда быстрее, иначе возьму грех на душу!

Он в двух метрах прошёл мимо меня, через флажки перепрыгнул, остановился. Ты не поверишь, Вань, он не заскулил, а издал такой звук, что меня пронзил холод с головы до ног, мол, в расчёте с тобой. Один прыжок, и скрылся в лесу. Я выстрелил два раза вверх, про себя шепчу: «Прощай, серый!» Тут сосед явился, я на него: «Почему сразу карабин не проверил? Из-за тебя волка упустил!» — а в голове было другое. Я благодарил Бога, что у него заклинило патрон. В той облаве семнадцать волков убили, но моего среди них не было.

Ты не поверишь, Иван, но я за всю зиму не сделал ни одного выстрела: на душе была такая муть.

Он замолчал, лег на кровать, отвернулся к стенке. Я не стал докучать ему вопросами, хотя у меня было их много. Я не знаю, сколько мы так пролежали. Я стал засыпать, когда в дверь нашей палаты зашла Настя, за ней милиционер в форме старшего лейтенанта.

— Дядя Федор, вот до вас участковый. Только недолго! — строго сказала она.

Федор повернулся к участковому:

— А, товарищ участковый! Рассказывай. Что, нашел, кто капкан поставил? А впрочем, я сам знаю, Леша.

— Федор Федорович, и кто?

— Твой друг детства со своими товарищами. Куренков Валера.

— Да! Но откуда вы знаете? И вы заявление писать будете? Вернее, должны написать.

Федор посмотрел на участкового:

— Леша! Ты с ним в одном классе учился, в армию вместе уходили. Ты же у него на свадьбе свидетелем был. Ну, посадишь ты его, останется жена, сынок без отца. Клеймо на всю жизнь. А ты забыл, как у меня в саду вы яблоки вместе воровали, как я вас крапивой обоих гонял.

— Дядя Федя, ну вы вспомнили! Когда это было?

— Было, Леша, было! Ты вот поумнел, офицером милиции стал. Закон представляешь, а друга на путь истинный не можешь поставить. В общем, Леша, я их сам накажу и прошу.

— Не по закону, Федор Федорович.

— Леша, ты меня не понял! Я их трудом накажу. Твоя задача — сделать административное взыскание с отработкой на месяц в моё подчинение.

— Дядя Федор!

— Леша! Всё! Иди, пожалуйста, и сделай, как я тебя прошу.

Участковый вышел из палаты. За ним, хромая, вышел Фёдор.

Я лежал на кровати, чувствуя боль в боку, но на душе было светло от того, что кроме мести мы еще умеем прощать. А этого иногда так не хватает.

с. Чесма

Инна Карпюк

Три стихотворения

* * *

Небо вышло из берегов,
Расплескало себя по лужам,
И уже никому не нужен
Край сияющих облаков.

В синеве, что к ногам течет,
Тонут веточки и травинки,
Можно даже помыть ботинки,
Если очень уж припечет.

Словно ищешь бесценный клад,
Смотришь вниз, заплывая жиром.
Вверх взгляни! Там царит над миром
Богородицы синий плат!

* * *

Все то же самое, и тот же вид из окон,
И те же люди по своим спешат делам.
Все то же самое, вот только,

только,

только

Окончен наш коротенький роман.

Банально начавшись, закончился банально:
Ты просто не пришел в один из дней,
И глядя выше головы моей,
Нелепые представил оправданья.
Как страшно по живому сразу рвать,
Не захлебнуться чувств больных потоком,
Как, проходя сквозь строй знакомых окон,
За стеклами тебя не ощущать.

* * *

...А мне все же нравится больше зима,
И снег, и жестокость метели.
Наверное, просто застыла сама,
Что даже виски побелели.

Наверно, кого-то бросает в озноб
И тянет теплее одеться.
А я упираюсь руками в сугроб,
Как в печку, чтоб лучше согреться.

г. Муасс

Ирина Соловьева

Не те рассветы и не тот закат

Поверь в свои силы

Поверь, что дважды два — четыре,
Поверь, что вертится земля,
Поверь, что в этом пёстром мире
Нас обмануть никак нельзя.

Поверь, кончается дорога,
Поверь, приходит злу конец.
Дойдешь до милого порога,
Коснётся радость всех сердец.

Поверь, возьми себя ты в руки!
Поверь, и сбудутся мечты!
Поверь, поверь простой науке,
Поверь же в силы свои ты!

Поверь, и ты счастливей будешь!
Поверь, ведь я тебе не лгу.

Все знания ты себе добудешь,
Достанешь счастья ты звезду.

Поверишь — легче сразу станет,
Поверишь — с плеч спадёт гора.
Никто тогда уж не обманет!
Так верь же ты себе всегда!

У шамана

Я ночью тёмной и глухой
Покину дом украдкой
И освещённую луной
Пойду дорогой краткой.

Пойду я в тайгу голубую,
Найду там поляну в бору,

Костёр разожгу и станцую,
И песни над ним я спою.

На пламень костра и на песни
Придёт ко мне старый шаман,
С которым узнаем мы вместе:
Какой мне судьбою путь дан?

Ударит шаман в старый бубен,
Сберёт он все чары свои,
И мы с ним вдвоём тогда будем
Сзывать духов неба, земли.

И в миг, когда все соберутся,
Вновь бубен Шамана взовёт,
И духи, ему повинуюсь,
Расскажут всё, что меня ждёт.

Зима пришла

Снег кружится, падая,
Выбелил дома.
Я смеюсь, я радуюсь:
К нам пришла зима!

Белая и чистая —
Лебединый пух!
Солнышко лучистое
И мороза дух.

Мечта

Одна мечта во мне давно живёт,
Ещё со школы, с детства золотого:
Люблю я очень лошадей. И вот
Работать с ними я хочу. Другого

Я в жизни места для себя
Не представляю. Даже не пытаюсь.
Бываю счастлива тогда,
Когда верхом на лошади катаюсь.

Как это здорово: садишься на коня,
Тихонько с места трогаешь и вскоре,
Стуча подковами, уздечкою звеня,
Плывёшь по полю, как корабль в море!

И руки солнца путаются в гриве,
И ветер её треплет, а трава
К бокам прильнула... Как это красиво,
Как здорово! Аж кругом голова!..

И мчишься ты, тягаясь с ветром силой,
Любуясь красотой, что вокруг!..
Как всё кругом прекрасно, как красиво!..
Эх, было бы всё это наяву...

О моём городе

К 35-летию города

Здесь совсем недавно было пусто —
Были только горы и леса,
Сосны головой качали грустно —
Сказочна Уральская краса!

Бегали здесь зайцы, лисы, волки,
Бурый мишка частым гостем был,
Гнёзда белок прятали иголки,
Мох следы лесных зверьков таил...

Но однажды в эту глушь пришли
Люди и нарушили покой:
Много шуток, смеха принесли,
Строя, может, первый город свой!

Рос тот город стройный и красивый,
Радость принося своим жильцам:
Открывались школы, магазины
И кинотеатры были там.

Улицы в нём носят имена
Первооткрывателей своих,
Стали крепче, звонче голоса
Лучших, город, сыновей твоих!

Их страна, быть может, и не знала,
Но знал ты, наш милый городок!
А без них страна наша не стала б
Вот такой, как есть, — за краткий срок!

Были только горы тут недавно
И густые со зверьём леса...
Трудятся теперь здесь люди славно
И творят большие чудеса!

Как хорошо, когда с тобою рядом ...

Как хорошо,
когда с тобою рядом,
Любимый,

Когда ты любим.
Ты счастлив.

И ничто не надо
тебе.

Нет, милый, —
нам двоим...

С тобою всё
не так,
как было раньше:

Не те рассветы
и не тот закат...

Не те минуты
радости свиданья,
что были
много дней назад.

Иван Ворончев

Высоко в разгаре дня

Земляника

На покосе, на лугу ягоды созрели.
Земляничники зимой еле уцелели.
Но не смяли их ветра, не снесла их вьюга,
Они с матушкой землёй были друг за друга.
И сверкают на лугу этим жарким летом
В солнца радужном сиянье спелым красным
цветом.

Волки

Взгляд свирепый жёлтых глаз
В тьме полночной таял.
По тайге идёт «спецназ» —
Волчья злая стая.

Рыщут тщательно по лесу
В поисках добычи.

Не побрезгуют ничем,
Даже мелкой дичью.

Радуга

Над весенними лугами,
Над весенними холмами,
Где весенняя река,
Взошла радуга-дуга!

И повисла в синем небе
Высоко в разгаре дня,
Где так плавно и душевно
Проплывают облака.

Дождик тёплый в ярком солнце
Льёт над быстрою рекой.
И так радостно — как в детстве —
Я тебе машу рукой.

г. Кыштым

Ирина Шукшина

Хочу сегодня вас благодарить

Мама

Посвящается моей маме Ф. А. Шукшиной

Божественные запахи еды
Нас поднимали из постели рано.
Никто пока не чувствовал беды.
Мечтала внуков нянчить наша мама.

Был каждый важным делом озадачен,
И счастья своего мы не ценили...
Ах, если б знать, что День уже назначен,
Мы б каждую минуту вместе были.

Судьбой для горя приоткрыта дверца:
Всех нас потряс врачебный приговор!
Казалось, у семьи похитил сердце
Внезапный вероломный, гадкий вор.

Ушла из жизни, как уходит праздник.
Вот он среди нас, а вот его уж нет...
Нет смеха, нет гостей, и суета напрасна.
Лишь в черной рамке на стене портрет.

Я вроде та же: мужняя жена,
Любима и обласкана судьбою,
Но я теперь другая, я одна,
Себя я ощутила сиротою.

За тридцать лет приснилась пару раз,
Когда душа моя металась и страдала,

Пришла, чтоб материнский дать наказ, —
Совет был мудрым — время показало.

Мне много в жизни сделать удалось.
Держу равненье на нее неволью,
И часто задаю себе вопрос:
«Была бы мама мной сейчас довольна?»

Ты его скрипка!

Встреча — случайность, подарок судьбы.
В вас совпадают реальность, мечты.
В вас совпадают поэзии цвет,
Вкус поцелуев, объятия, рассвет.

Крепок, надежен, потерт, но не стар.
Ты его скрипка! Он твой футляр!

Аравийская ночь

Аравийская черная ночь —
Эта явь как сказочный сон.
Воздух жаркий, что спать невмочь,
Обнимает со всех сторон.

Здесь усыпан бриллиантами звезд
Черный бархат восточных небес,
И сияет возникший из грез
Месяц, будто из золота весь.

Он венчает любой минарет —
Символ веры всех мусульман.
Он в прекрасных стихах воспет —
Месяц, выкрашенный в шафран.

Уж давно муэдзина зов,
Предваряя ночь, отзвучал.
Убаюкала вкрадчивость слов,
Словно сон сам Морфей источал.

В аравийскую черную ночь,
Лишь Персидский залив не спит.
Здесь желание не превозмочь:
Он ласкает и вглубь манит.

Дорогому учителю литературы

Учитель наш по школе и по жизни,
Учитель по труду, терпенью, чести,
Учитель по упорству, оптимизму,
Мы с вами много пережили вместе.

Хочу сегодня вас благодарить
За чудный мир поэзии и прозы,
Который вы смогли для нас открыть,
Ведь в нем, как в жизни, есть и смех, и слезы.

Хочу сегодня вас благодарить
За справедливость, строгость и сердечность.
За то, что научили нас дружить,
Ценить добро, любовь и человечность.

В вас материнство плещет через край:
Заботы, доброты для всех в достатке.
Нас ждете с нетерпением на чай,
Храните наши старые тетрадки.

Кокетство ваше с грацией и стильностью,
Не спрятаны еще в сундук пылиться.
Подбор нарядов с прежней щепетильностью!
А значит, порох есть в пороховницах!

Мы ваши многолетние цветы,
Вы радуетесь нам уже полвека.
И хочется назвать нам вас на «ты»,
Как близкого, родного человека.

Ах, если б я была еще и скульптором,
Из бронзы вас могла бы изваять.
И сделать надпись там — всего три слова:
Учитель, Женщина и Мать!

Солнечный бархат осенних шафранов

Солнечный бархат осенних шафранов,
Шелк закружившейся желтой листвы,
Струи холодные сонных фонтанов...
Осень такую любите вы?

Сидя на тайной, укромной скамейке
В тихой аллее, где листьев ковер,
Теплого, нежного солнца испейте,
Чтобы душевнее шел разговор!

Для осознания счастья — мгновением
Жизни, которую часто ругаем,
Просто считай листопад обновлением,
Когда по осеннему лесу гуляем!

Чтобы осенним теплом насладиться
Снежной, холодной, длинной зимой,
Ярко пылающих веток рябины,
Словно костер, принеси нам домой!

Каждый октябрь так прекрасна природа!
Пусть с неизбежной грустинкой потерь.
Магия осени снова и снова
В зимнюю даль открывает нам дверь!

г. Челябинск

Татьяна Николаева

Любовь моя прозрачна и чиста

Инопланетянка

Откуда ты, прелестное создание,
Явилась и затмила белый свет?
Перевернув законы мироздания,
Из космоса прислала всем привет.
По венам забурлила тёплой кровью
И в сердце растопила грусть и лёд.

Открыла двери с грешною любовью
И показала, где она живёт.
Очаровала мир улыбкой милой.
Ты озарила души и сердца.
И родилась ты под звездой счастливой,
Из космоса посланница Творца.

Благодарю

За всё тебя благодарю,
Но звёзд ты мне не обещаешь.
За нежное твоё «люблю»,
За тихое твоё «прощай».

За то, что видела во сне
Сиянье твоих ярких глаз.
За то, что думал обо мне,
За то, что думаешь сейчас.

За всё тебя благодарю.
За то, что приходил с дождём
И солнцем в летнюю жару
Ты сердце согревал лучом.

За то, что был в моей судьбе,
За то, что восхищался мной,
Дарю свою любовь тебе,
Далёкий, но такой родной.

Разлука

Вуалью накрытый рояль.
Горит на камине свеча.
За окнами снежный январь.
Слеза на щеке горяча.

И снова хрустальный бокал
Наполнен искристым вином.
Как много тебе не сказал.
Душа полыхает огнём.

А в сердце досада и страсть,
Во взгляде печаль и тоска.
Твоя беспредельная власть,
Но ты от меня далека.

Пускай пролетают года,
В душе моей память жива.
Тебя не забыть никогда,
И ты мне, как прежде, нужна.

* * *

Твои письма молча я читаю,
Вспоминая радость нашей встречи.
Сидя у камина с чашкой чая,
Мы смотрели, как сгорают свечи.

Мне бы взять, обнять тебя, родная,
Спрятаться в копне твоих волос,
Улететь с тобою к вратам рая,
Но ворвался ветер и тебя унёс.

И душой я так же одинок,
Как в тот день, когда погасли свечи.
Я, прожив всю жизнь, забыть не смог,
Как хотел обнять тебя за плечи.

Воскрешение

Пускай горит всё синим пламенем,
Я всё забуду и воскресну вновь.
Душа проснется белым ангелом,
И в ней опять поселится любовь.

Любовь моя прозрачна и чиста,
Как огранённый мастером алмаз.
И жизнь начну я с чистого листа,
Пока в груди костёр мой не погас.

И этот путь пройду я по прямой,
Что на ладони линия любви.
Нарисовал мне ангел неземной
И прочертил от неба до души.

Ещё там есть и линия судьбы,
И мне её никак не изменить.
Судьбой завещан мне лишь только ты,
Который может страстью напоить.

* * *

«Мой дом, конечно, не дворец»,
Но в нём я точно королева.
Есть дети, внуки, их отец,
В нём есть всё то, чего хотела.

А каравай я поделю
И, разломив его на части,
Отдам всё тем, кого люблю,
Чтоб было в доме только счастье.

Себе оставлю крошку я
С гудком речного парохода,
С улыбкой солнечного дня,
С зарёю раннего восхода.

Краса

Идёт по улице краса.
Посмотришь — взгляд не оторвать:
До пояса висит коса,
Улыбкой в плен вас может взять.

В глазах её цветут ромашки,
А щёки — нежная заря,
Душа открыта нараспашку,
И рождена на свет не зря.

Она идёт любви навстречу,
И музыка звучит в душе,
А солнце ей ласкает плечи,
А ветер — он влюблён уже.

Она чиста и вся сияет.
За ней торопится ручей,
Поэт стихи ей посвящает,
И кто-то будет счастлив с ней.

Лето

Земля лучами солнца обогрета,
Повсюду расцвела душистая сирень,
В раскрытое окно ворвалось лето,
Светлее и длиннее стал короткий день.

Стыдливо заневестились берёзки,
Покрылись нежною зелёною листвою.
Свисают с веток длинные серёжки
И удивляют всех своею красотой.

Им не страшна злодейка непогода.
Травы зелёной бархатный ковёр,
Всю землю разукрасила природа,
А на ковре цветов затейливый узор.

Щебечут птицы, яблони в цвету...
Их аромат природу наполняет.
С надеждой летний дождь зовут и ждут
И свадебный наряд с улыбкой надевают.

Турция

Есть много стран красивых на Востоке:
Цветущие сады, безбрежные моря...
И солнце ярко светит на восходе
В такой стране с названием Турция.

Растёт там много ягод, зелени и фруктов,
И пальмы вдоль дорог там выстроились в ряд,

Напевы там звучат из мелодичных звуков,
И волны в такт мелодиям тихонечко шумят.

Там всё чарует, манит и ласкает,
Волна морская освежает и бодрит.
Прибрежный ветерок прохладой наполняет,
А жизнь кругом бушует и бурлит.

Там турки и турчанки в знойном танце,
Они в плену неистовых страстей,
Тела их загорелые покрыты глянцем,
Олицетворение восточных прелестей.

Там хочется любить и быть любимой,
Душою к солнцу в небо улетать,
Там хочется красивой быть, красивой,
А тёмной ночью звёздочкой мерцать.

Живи

Пускай стареет наше тело,
Но ведь душа-то не старуха.
И снова что-то заболело,
Но не теряйте силу духа.

Пускай, растрчивая силы,
Идет к закату наша жизнь,
А сердце счастья запросило
И говорит: «Живи! Держись!»

г. Коркино

Наталья Дубровина

Чтоб святой молитвою

Весна

Весны симптомы налицо.
Зимой природа отболела.
Добавился по капле день,
Зацвинули синицы смело.

Сугробы начали дряхлеть,
Их так замучила ломота.
Ручьи ринитные текут
Обильно, быстро и охотно.

Кварцует солнце небосвод,
Озоном вычистив пространство.
Вновь демонстрируют коты
Упрямяство, прыть, непостоянство.

Снуют шумливо воробьи,
Капель упорно долбит гаммы.
Земля очнулась ото сна,
Бугры шлифуются, как шрамы.

* * *

Не сложилось счастье, не сложилось,
Что могло, все худшее свершилось.
Надоело быть душе на поводке,
Оказалось сердце на замке.
Не зови, не надо. Не зови!
Места в принужденье нет любви.
Жизнь прошла, как под худою крышею:
Речь текла... Друг друга мы не слышали.

Мечты и реальность

Мечтают девчонки о принцах
На белом коне и в доспехах,
Затмить красотой полмира
И в свете добиться успеха.

Мальчишки в желаньях скромнее:
Им в жены принцессу не надо.
Достоинство пройдут испытанья
В даренье цветов, шоколада.

Шикарное платье с фатою
В шкафу под накидкой хранится,
Но рыцарь в кольчуге героя
Ночами порой еще снится...

Служанка, кухарка и нянька
В кастрюльном зеркалье блистает,
На ложе семейном супруг
Любовных утех выжидает.

Протоиерею Н. Трофимову

Батюшке любимому,
Отцу Николаю,
Многая, примногая
Лета пожелаем.
Он угоден Господу,
Молится за всех,
Неустанно трудится,
Веруя в успех.
Славит православие
И возводит Храм,
Чтоб святой молитвою
Чиститить души нам.
И в воскресной школе
Учит он ребят
Божьему закону
Много лет подряд.
Молодежь постарше
В церковь вновь пришла,
К Богу потянулась,
Веру обрела.
И его стараньями
Создан соцотдел:
Сестры милосердия
Не сидят без дел.

И плывет над городом
Колокольный звон.
С ангелами Господа
Прославляет хор.
Редко видит папу
Дружная семья:
Пять сыночков славных,
Доченька одна.
Не привыкла Матушка
На судьбу роптать,-
Настоятель в Храме,
Дома не застать.
Батюшке любимому,
Отцу Николаю
Многая, примногая
Лета пожелаем...

* * *

Как стадо овец
Бегут облака,
Куда-то ветром гонимы.
И годы текут,
Месяцами шурша,
Как горная реченька —
мимо.

И только утратив
Друзей и родных,
Душой оставаясь ранимой,
Ты вдруг понимаешь:
Частичку себя
Тебе подарили любимые.
Чтоб стала добрее,
Щедрее, мудрей,
Не ведала звона
Мещанских цепей.

п. Увельский

Валерий Мякушко

Спасибо, не надо!

Неправильное впечатление

После того как в соцсети появился вызвавший общественный резонанс репортаж о том, что в городе А. с участием городских властей прошла растянувшаяся на два километра грандиозная похоронная процессия погибшего в разборках криминального авторитета, и не удалось выявить автора сообщения, наказать его и удалить видеозапись, администрация вынуждена была провести пресс-конференцию по данному событию.

— Правда, что гроб несли начальник городского управления полиции и прокурор? — спросили журналисты. — Создаётся впечатление, что они хоронили не противостоящую им личность, а коллегу.

— Неправильное впечатление! — ответил на то глава администрации. — Да, они действительно несли гроб. Но только для того, чтоб лично удостовериться в том, что онный будет предан земле.

Прорыв

Что вновь избранный глава администрации района Гутин человек разговорчивый, видно было уже в ходе избирательной кампании. Однако этим он не выделялся — все кандидаты словоречивы, руководствуются закономерностью: чем больше слов, тем больше голосов. Но если после выборов все они умолкают, уходят в тень и вообще перед избирателями стараются больше не появляться, того не скажешь про Гутина — он всё ещё находился в состоянии эйфории и словоизлияния, хотя уже пора было приступать и к делам.

С утра, понедельника начавшейся недели глава присутствовал на школьной линейке, где произнёс пространную речь о важности правильного воспитания и опережающего обучения молодого поколения. Учиться и учиться!.. О том, что занятия детишкам предстоят в две смены и надо бы с этим что-то делать — ни слова.

После школы он переехал в пожарную часть, которой отмечался юбилей её образования. Где перед вручением дипломов и грамот произнес зажигательную речь о значении мер своевременного предотвращения возникновения пожаров и овладения современными методами и средствами тушения пожаров. О том, что в гараже стоят машины из застойного советского периода, и прочих проблемах на юбилеях говорить не принято.

Ходят слухи, что Гутин, по собственному признанию, очень хочет во всём быть похожим на президента страны. После обеда в тот же день он появился в президиуме собрания местных предпринимателей, где произнёс речь, к которой тщательно готовился: здесь он очень долго, как будто его прорвало, говорил о ПРОРЫВЕ, который должны сделать собравшиеся. Которых, на что он не обратил внимание, стало заметно меньше за последний год. И которые так и не поняли, за счёт чего намечается сделать этот прорыв, когда в существующих условиях им впору самим закрываться.

В администрации, которая работает из рук вон плохо, ведущие специалисты некомпетентны или думают только о себе, никаких перемен. Пришедшим посетителям, несмотря на неотложность дел, сообщили, что сегодня приёма у главы не будет: ему ещё предстоит участие в торжественном пуске отремонтированного агрегата насосной станции. После — личное участие в заездах ночной саночной лиги.

— А завтра? — спросили.

На завтра у главы был намечен ещё более жёсткий график встреч и выступлений.

— А послезавтра?

Предстоят поездки по району.

— А?..

Поездка на конференцию в соседний район.

И так — всю неделю.

И следующую, следующую...

Непреодолимая сила

*В Государственной Думе рассматривает
вопрос о смягчающей наказании «непреодоли-
мой силе» при расследовании дел о коррупции.*

— Гражданин подсудимый Хапунин, признаёте себя виновным в противоправном действии — получении взятки в размере один миллион двести тысяч в рублях и сто тысяч в евро? — выслушав обвинение, защиту и свидетелей, обратилась к подсудимому судья Стаева. — Какие обстоятельства побудили вас к этим действиям?

— Гражданин судья! — поднялся с места и приблизился к решётке обвиняемый. — Только обстоятельства, имеющие непреодолимую силу. Всем жителям нашего округа известна моя склонность к простому образу жизни, без каких-либо претензий на какую-то роскошь. Много лет я жил в простой квартире на четвёртом этаже полученной ещё в советское время хрущёвки, но, когда стали ходить упорные слухи о том, что какого развития горда можно ожидать от человека, неспособного развить собственное домовладение, пришлось купить распродаваемое по дешёвке строение загородного профилактория бывшего завода «Пролетарий».

— И вы купили его по бросовой цене, в несколько раз ниже реальной стоимости?

— По цене, которую мне представили. Естественно, что такое жильё потребовало усовершенствования и должного внутреннего убранства и некоторого антиквариата, на чём настаивали домочадцы, иначе оно сильно уступало окружающим владениям моих заместителей и местных бизнесменов, что подрывало мой авторитет как главы округа, и это составило вторую непреодолимую силу. Полученную территорию пришлось обнести сплошным забором с сигнализацией, так как иначе она напоминала проходной двор: однажды на стоящих

у дома «мерседесе» и «вольво» появились нацарапанные гвоздём оскорбительные слова, подрывающие авторитет главы и всего города. Вот вам и третья непреодолимая сила.

— Скажите, гражданин подсудимый, чем вас не удовлетворяло это строение, что вы приобрели ещё одно и четырёхкомнатную квартиру в столице? — спросил обвинитель. — И на какие средства?

— Это собственность жены.

— Доход которой — зарплата в двадцать тысяч рублей?

— Брала кредит, за который пришлось расплачиваться. И это было ещё одной свалившейся мне на голову непреодолимой силой.

— При обыске кроме наличности в рублях и валюте обнаружены слитки золота...

— Коллекция! Да, имею такую слабость. А это, скажу вам, непреодолимая сила!

Ответив ещё на некоторые вопросы, обвиняемый сказал:

— И вот представьте себе, гражданин судья, что вы сами жили бы по-прежнему в своей хрущёвке и ходили на заседания суда из вашего теперешнего загородного дома пешком. И вы, гражданин обвинитель, то же самое, да ещё бы и не выезжали ежегодно за границу на отдых, и не раз, поймёте на себе, какая существует непреодолимая сила. Прошу учесть моё полное раскаяние в содеянном правонарушении и прошу суд учесть неоднократное действие непреодолимой силы. Надеюсь на ваше снисхождение.

— Суд, принимая решение, согласно статье 290 УК РФ, учёл все обстоятельства дела, и, принимая во внимание все обстоятельства дела, — судья произвольно протёрла уголки глаз, — а также действующую непреодолимую силу, присудить обвиняемому гражданину Хватулину срок наказания в один год условно. Прошу освободить обвиняемого из-под стражи.

Таинственная улыбка

Улыбка находящегося под стражей экс-губернатора Хватулова не давала покоя следователю, как говорили бы раньше, по особо важным делам Рыскину, сдерживая передачу дела в суд. Не давала покоя как кому-то неразгаданная за века улыбка на портрете Моны Лизы Джоконды кисти Леонардо да Винчи.

Давно перестали улыбаться сообщники Хватулова, и, наверное, на многие годы. С тех пор, как был наложен арест не только на хватуловскую недвижимость и движимость, но и на то же самое у его жены и тещи, и те стали передвигаться на общественном транспорте на работу в учреждения, в которых ранее только числились, да жить на зарплату бюджетников, пропала напрочь улыбка и с их лиц. А Хватулову хоть бы что! Тот ещё гусь: когда производили обыск в его трёхэтажном особняке с бассейном и лифтом, мебелью с миллионной стоимостью каждый предмет, и изъяли десять миллиардов наличными в рублях и валюте, глазом не моргнул. Лишь на мгновение таинственная улыбка покинула его, когда подтвердили арест счетов на Кипре и в Греции, но тут же появилась снова.

«Значит, ещё не всё! — так воспринял это следователь и попросил ещё неделю для завершения дела. — Где-то ещё имеются закладки». Однако были просмотрены и раскрыты все теневые пути движения финансовых потоков, растворения бюджетных средств, дачи взяток, обшарены офшоры, допрошены соучастники и свидетели... И тут Рыскин решил попросить своего хорошего приятеля, подполковника Перова, отличившегося со своими ребятами в разминировании сирийского Палермо, пройти со своей аппаратурой по приусадебному участку подсудимого. Так и есть: Хватулов в век сплошного безнала и развитой банковской системы не побрезговал обратиться к самым древними способом сокрытия сокровищ — из-под земли достали банки с золотыми украшениями и бриллиантами.

Когда проходил суд, люди впервые увидели и не сразу узнали не улыбающегося и даже слегка прослезившегося своего бывшего губернатора.

На все сто

Государственный секретарь Майкл Помпео представлял президенту Трампу доклад о положении в Венесуэле с сознанием того, что этот бывший бизнесмен всё ещё не очень разбирается в политике и требуются подробные пояснения:

— На прошедших выборах большинством голосов — 67 процентов — был избран президентом Венесуэлы Мадуро. Но эти результаты нельзя признать демократическими, поскольку тот является противником Штатов, как и его предшественник Чавес. И развивает сотрудничество с Россией и Китаем.

— Гм! А мы что, не вкладывали деньги в эти выборы, что получился такой результат?

— Как и везде, вкладывали. Иначе результат был бы ещё хуже.

- И... что предлагается?
- Признать президентом другого человека. Его соперника на выборах Хуана...
- И кто этот Ху... Хуан? Который проиграл выборы, несмотря на наши средства? Такая низкая эффективность вложений недопустима! — заговорил в президенте бизнесмен.
- Не совсем так! Например, в Украине...
- Это где? Что рядом с Россией?
- Да! Так там среди претендентов на предстоящих выборах президента мы имеем целый ряд наших сторонников, но туда же были вложены миллиарды. Чтоб оторвать Украину от России.
- А что, нынешний... как его...
- Порошенко.
- Потрошенко нас уже не устраивает?
- Вполне устраивает, но положение его шаткое. Прямолинеен и груб, рейтинг очень низкий. Во всём полагается на нас. — И тут для большей убедительности Майкл прибег к ненормативной лексике, что делал крайне редко: — Может проср... всю Украину, как недавно Крым.
- А что та дама от них, что однажды здесь вертелась? Подходит нам?
- Тимошенко? Наша на все сто! Но... надо поискать кого-то другого.

Спасибо, не надо!

Проходившие в Москве переговоры между Владимиром Путиным и Николасом Мадуро, Президентом Боливарианской Республики Венесуэла, завершились. Итоги их пока не раскрыты. Известно, что обсуждалась ситуация с угрозой военного вторжения США, а также кризисное экономическое положение в этой южноамериканской стране.

— Россия понимает, в какой сложной экономической ситуации находится Венесуэла, — сказал Путин, и, помимо прочего, по некоторым сведениям, выразил готовность направить в помощь наших ведущих экономических советников.

— Спасибо, не надо! — якобы ответил Мадуро.

Действительно, последствия от их рекомендаций могут оказаться тяжелее бомбардировок страны Штатами.

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

(старая сказка на новый лад)

Жили-были у лесной опушке в деревянной избушке на окраине города сестрица Алёнушка и братец Иванушка. Пошли они в лес погулять, а день был летний жаркий.

И тут они оказались у речушки.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу, — наклонился к воде Иванушка.

— Не пей, братец Иванушка! Видишь, завод недалеко стоит. С неработающими очистными сооружениями стоков. И несанкционированным сбросом воды, в которой содержатся органические и неорганические вещества, тысячи химических элементов. Хлебнёшь, и почки отнимутся, инвалидом станешь.

И добавила, взяв за руку:

— Пойдём, братец Иванушка, домой!

Когда подошли к городу, магазин им попался.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу! Давай купим лимонад.

— Не пей лимонад, братец Иванушка! Он содержит ортофосфорную кислоту, которая повреждает желудочно-кишечный тракт и растворяет эмаль зубов, а также бензоат натрия и красители. Вырастешь беззубым диабетиком.

— Сестрица Алёнушка, а кока-колу?

— Тем более, братец Иванушка! Некоторые фермеры даже поливают кока-колой растения вместо пестицидов для уничтожения насекомых.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!! Тогда давай купим сок.

— Нельзя его пить, братец Иванушка! Там химические вкусовые наполнители, ароматизаторы, консерванты и красители. Процент химических компонентов предельно высок! Пойдём отсюда быстрее.

Глянула Алёнушка на братца, а вместо него... козлёночек стоит.

— Братец Иванушка, что с тобой? — воскликнула Алёнушка.

— Если детям всё это пить нельзя, то, может, козлёнку можно?

— Не говори глупости! Пойдём быстрее домой, я тебя чаем напою.

Пришли они домой, сестрица Алёнушка заварила травяной иван-чай со зверобоем. Выпил чашечку того чая козлёночек и превратился в братца Иванушку.

И стали они жить поживать и добра молодца в женихи сестрице, толковой и сообразительной Алёнушке, поджидать.

С пониманием

Хотелось бы надеяться, что граждане отнесутся с пониманием... потребуется два, а то, три года, чтобы не жировать.

А. Силуанов, министр финансов

— Шесть тысяч — и это вся твоя зарплата? — дважды пересчитала взятые у мужа деньги жена.

— Аванс же ещё был, четыре тысячи, — виновато ответил тот. — И за ипотеку вычитывают.

— С ипотеки сыт не будешь! Ну и чем же, скажи, я буду кормить наших детей, тебя самого? Ты в магазине когда бываешь, на цены смотришь? Квитанции за квартиру — каждый месяц всё выше и выше.

— Ну... это временное явление! — попытался оправдаться он. — Вот в послании президента говорится...

— Каждый год говорится! И что? Те, кто должны выполнять то послание, посылают его подальше.

— Почему же? Вот министр финансов сказал, что потребуется всего лишь два, а то и три года...

— Твой министр не знает, что будет через два-три месяца! Он ждать может: у него самая высокая зарплата министерская. При годовом доходе девяносто пять миллионов. А у тебя что? Повысить уже который год обещают?

— Шеф говорит, что трудности из-за санкций. Просит отнестись с пониманием.

— Надо же! А как он стал миллионером за эти годы? Вот что, дорогой, — жена сняла передник и передала его мужу, с меня хватит! Поработаешь вместо меня на кухне эти два-три года. И отнесись к этому... тоже с пониманием.

г. Снежинск

Виктор Рогун

Книга царя Соломона

Виталий Генрихович, сильно хромя, проходил мимо ларька, в котором торговали всякой всячиной, когда заметил среди носков и варежек разложенные на прилавке книги. Книголюб, он подошел ближе и увидел фолианты старинные в кожаных переплетах. Одна из них привлекла его внимание. Книга была необычная. Состояла из деревянных дощечек с вырезанным на них непонятным текстом. Виталий Генрихович взял дощечки и всмотрелся к текст. Да, он был непонятный.

— Некогда она принадлежала царю Соломону, мудрейшему из людей, — прошамкала хозяйка, интеллектуального вида старушка, одетая крайне бедно, а после Якову Вилимовичу Брюсу. Слышали про такого сподвижника Петра Первого? Слышали? Вот и хорошо. Книга особенная. Излечивает все болезни. Купите, не пожалеете.

Виталий Генрихович невольно усмехнулся:

— Не вижу логики, мадам. Вы что, бессмертие у нее выпросили, и книга стала вам нужна?

— Бессмертие не бессмертие — хмуро ответила старушка, — а сто лет себе и родным обеспечила. А продаю ее, потому что хочу, чтоб она служила людям. Если бы не крайняя нужда в карбованцах, я бы ее вам просто так отдала. Я альтруистка, но деньги проклятые нужны.

— И в какую сумму вы ее оцениваете?

Старушка сказала. Цена была достаточно высокой, но Виталий Генрихович уже доставал портмоне. Дома некоторое время рассматривал неожиданный раритет, ничего не уяснил и решил испытать его. На всякий случай прочел молитву и попросил книгу избавить двоюродную сестру Галку от излишней полноты. Попросил первое, что пришло в голову. Если бы он только знал, к каким последствиям приведет его обращение к книге Соломона и Якова Брюса.

На следующий день Галка не переставала исходить веселием.

— Знаешь, братик, а чувствовать себя порхающим мотыльком оказывается весьма и весьма приятно. Вчера вечером ноги ещё еле таскала, а сегодня как мотылек, чес-слово. Нет, теперь ни за что не буду жир копить. Только как это произошло? Прямо чудеса в решете. Уснула толстой, проснулась утром балериха балериной. Виталька, ты меня слышишь?

Виталий Генрихович не отвечал. Ему было не до восторгов двоюродной сестры. Он думал верить ли своим глазам. Неужели все это книга сделала? Выходит она и впрямь все лечит? Немыслимо! Тогда, может, ногу попробовать излечить? Он почему-то был уверен, что у него все получится.

Они пришли на квартал, на котором родились и выросли. В настоящее время они жили в других районах, но часто навевались сюда ностальгия по далеким годам, ничего не поделаешь. Близкие и друзья иронизировали над их пристрастиями, но ни Виталий Генрихович, ни Галка не обращали на это внимание — как приезжали сюда, так и приезжают. Говорили всем, что благодарят судьбу за то, что жили тут. Виталий Генрихович даже шел дальше. Уверял, что не жалеет, что ничего не добился, никем не стал, нигде не побывал, кроме как на юге. Ему достаточно было квартала, его зелени, веселых добрых людей, друзей, старого клуба, как в просторечье все тут называли Дворец культуры строителей, где крутили кинофильмы.

— Да, — вздохнула Галка, отвлекаясь от восторженности этого дня, — да. Банно-прачечный комплекс совсем разрушился. А я с мамой и бабушкой в него мыться ходила...

— А тут сарайки стояли, — указал Виталий Генрихович, — а за ними рельсы железнодорожные находились. Все было, теперь ничего нет. Мы на рельсах гвозди плющили под паровозом. Ты рельсы, наверно, и не помнишь.

— Угадал.

Они собирались уже подняться с улицы Парковой на Уральскую, когда Галка вдруг остановилась, и глаза у нее округлились. Она глядела за плечо брата.

— Ничего не понимаю. Братик, это что еще такое?

Виталий Генрихович, повинувшись сестре, огляделся тоже, и у него перехватило дыхание. Насыпь, на которой раньше была колея, сохранилась, и сейчас по ней бесшумно двигался состав, состоящий из железнодорожных платформ и влекомый паровозом. Следовал он без всяких рельсов. «Поезд-призрак, — мелькнуло в голове у Виталия Генриховича. — Только куда он следует? Ведь банно-прачечного комплекса давно нету».

— Тут в мои годы стрелка была, — прохрипел Виталий Генрихович. — Мы ее с Толькой Zubовым часто переставляли. Галя, да мы с тобой бредим, что ли?

Состав точно шел к БПК. Его платформы были загружены грузом, тщательно укрытым брезентом. Вне сомнения, на них было белье для городского гарнизона. Когда из кабины паровоза выглянул машинист, у Виталия Генриховича во второй раз начались проблемы с дыханием. Машинист был ему знаком. Пришедшая в себя Галка вцепилась в брата и потащила прочь от этого невероятного явления, каким ей увиделось появление состава. Недобрый знак увидела. Виталий Генрихович слабо трепыхался в ее могучих руках.

— Не к добру, — лихорадочно бормотала Галка, — виденье из прошлого. Что ты думаешь об этом, Виталька?

Поезда уже не было. Растворился в дымном небе города. Виталий Генрихович отвел руку сестры.

— Что думаю? А вот что. 14 июля 1911 года с римского вокзала в круиз, устроенный фирмой «Сонетти» для богатых итальянцев, вышел прогулочный поезд из трех вагонов. Пассажиры осматривали достопримечательности, окружающие горный участок дороги. Впереди был тоннель. Когда поезд подошел к нему, началось странное. По свидетельству двух пассажиров, напугавшихся и успевших выскочить на ходу, тоннель ни с того ни с сего заволокло белым туманом, который густел, превращаясь в вязкую жидкость. Состав вошел в туннель и... пропал. Вместе с пассажирами. После трагедии тоннель заложили камнями, и он перестал функционировать. Во время Второй мировой войны взрывом авиационной бомбы, угодившей в свод, тоннель был разрушен. О поезде за давностью лет наверняка бы забыли, если бы не одно «но». Дело в том, что накануне взрыва советского линкора «Новороссийск» состав не появился близ Севастополя. «Новороссийск» — это бывший итальянский корабль «Джулио Чёзаре», переданный нам согласно договору 1947 года. И снова поезд шел по несуществующей колее.

— В каком году это произошло? — спросила донельзя заинтересованная Галка.

— Считаю сама. Через 44 года. В пятьдесят шестом.

— Почему ты связал эти два события? Взрыв линкора и появление поезда.

— Аналогия, сестренка. Те двое, что выпрыгнули. Один из них знаешь кто был? Князь Боргезе, который поклялся королю Виктору Эммануилу, что ни один из итальянских кораблей не будет служить под флагом большевиков. Что смотришь? Не знаешь, кто такой Вале-

рио Боргезе, или, как его еще называли, Черный князь? Боргезе был руководителем отряда людей-лягушек, как тогда называли аквалангистов. Его люди и потопили «Новороссийск».

— Это официальная точка зрения?

— Нет, это моя версия.

— Но как все это связать, — задумчиво произнесла ошеломленная Галка, — не лепится, Виталька. В одиннадцатом году поезд, в пятьдесят шестом «Новороссийск», где он был все это время, состав, я имею в виду.

— Есть одна гипотеза, — сказал Виталий Генрихович задумчиво. — Что, если предположить, что время течет не по прямой, а накручивается, как нитки на катушку? То есть прошлое существует параллельно будущему. Возможно, с помощью этого когда-нибудь удастся объяснить появление снежных людей, Лох-несского чудовища, выброшенных вихрем времени из своих эпох в наши дни. А если это так, то и поезд некогда, опередивший свое будущее, вполне мог появиться под Севастополем через сорок четыре года после своего таинственного исчезновения.

— Все-то тебе известно, братик, — вздохнула Галка. — А какая у тебя память, с ума сойти. Помнить даты отправления поезда, название фирмы, завидую. Мне такое неподвластно.

— Ты женщина, Галка, тебе это не нужно.

— Думаешь?

Дома Виктор Генрихович снова внимательно разглядел деревянный лечебник. Так ты действительно обладаешь волшебными свойствами? А как прореагируешь теперь на мою просьбу, коли ты все можешь? Выправи мою ногу, но только не мне сегодняшнему, а ребенку в году, скажем, шестьдесят третьем — шестьдесят четвертом. Но для этого тебя нужно передать в те руки. И вот что я только придумал...

...Очередь была длинной. К таким людям, как Иван Николаевич, обычно спозаранку занимают. Часов с шести. В основном здесь были женщины с детьми. Скорее всего, они думали, что Иван Николаевич будет излечивать их чад, что называется, не отходя от кассы. Невероятной силы экстрасенс, чего вы хотите. Если бы это было так, Виталий Генрихович был восемьдесят девятым. Ожидать пришлось несколько часов. Он еле выстоял. Постой-ка с его ногой. Возле подъезда не было ничего, даже паршивой скамейки.

Десять лет назад Виталий Генрихович жил со знахарем в одной двухэтажке, потом дом признали аварийным и их расселили по разным квартирам, правда, далеко друг от друга. Тогда Иван Николаевич и обнаружил в себе лечебные способности и стал излечивать хворых до того успешно, что молва разлетелась о нем по всей области.

Виталия Генриховича он узнал не сразу. Сам он мало изменился за прошедшие годы.

— Батюшки святы! — всплеснул он руками. — Кого я вижу! Какими судьбами, Виталий? Что тебя привело ко мне? Неужто хвороба?

— Точно. Ногу хочу выправить на старости лет. Надоело накануне 50-летия кандыбать. Я ведь ни одного дня не ходил, как все добрые люди.

— Понимаю, Виталя. Только я не костоправ.

— Мне это известно. Я сам себя вылечу. Я пришел к вам для того, чтобы вы отвезли в прошлое книгу-лечебник и передали ее там мне, пацану.

— В прошлое? Только интересно, откуда тебе известно, что я гуляю по времени?

— Слухами земля полнится. По телевидению слышал, что вас называют самым могучим медиумом в регионе. Вот я и предположил, что вам доступно путешествие по времени. Хочу один вопрос задать вам, Иван Николаевич. Вы что, в молодости машинистом паровоза были?

— Да. И это ты знаешь? Откуда?

Виталий Генрихович поведал экстрасенсу о вчерашней встрече. Иван Николаевич выслушал его и заметил, что Виталию Генриховичу в умении думать не откажешь. Да, он русский Мельмот скиталец, который летал по времени, но делает это редко. Ужас смерти ничто в сравнении с прониканием в прошлое и будущее. Однако у Виталия Генриховича есть шанс, чтоб он, Иван Николаевич, согласится на его предложение. Виталий знает, что Иван Николаевич не выглядит на свои 67 лет. Вот если бы Виталий подарил ему свои 10 лет, он бы задумался, а там, глядишь, и согласился.

— Конечно, конечно! — вскричал Виталий Генрихович — Я сделаю так, что буду жить сто лет, и отдать 10 лет мне не жалко. А то обидно быть хромым в старости.

Иван Николаевич говорил правду. Перемещение по времени было очень болезненно, но он терпел. Овчинка стоила выделки. Он перебрался в 1963 год и подумал сразу, что после того, как Виталька исправит хромоту, он попросит у него книгу (Иван Николаевич был уже в курсе свойств книги) и вернет себе молодость. Что 10 лет, это ерунда, думал он, глядя на знакомый пейзаж, молодость — вот мое главное желание. И он переложил Соломонову книгу из одной руки в другую.

— Ребята! — окликнул он пацанов, проходивших мимо с удочками. — Вы часом Витьку Когина не знаете? Вот в том доме живет — Он указал. — Как его найти?

Мальчишкам клиент Ивана Николаевича был знаком, но где он, они не имели ни малейшего представления. Утром видели, ходили вместе купаться, но где он сейчас — они не знают. «Может, в библиотеке? — пропищал самый маленький шкет и зарделся. — Он читать любит». Поблагодарив ребят, Иван Николаевич пошел к пятнадцатому дому по улице Уральской, где жила Виталькина бабушка. Внук всегда в каникулы жил у нее. Соль в том, что мальчик не любил новую квартиру, в которой он проживал с родителями, предпочитал прежнюю. А все из-за того, что он не прижился из-за ноги на новом месте, дети дразнили, а тут он был своим, несмотря на недостаток.

Бабушка была дома и занималась извечным женским делом: готовила. Войдя в квартиру и поздоровавшись, Иван Николаевич спросил Матрену Алексеевну о внуке. «Не знаю, — пожалала бабушка плечами, — прибежал недавно, поел и опять ускакал. А зачем он вам?» Иван Николаевич слегка улыбнулся. Матрена Алексеевна не признала его, хотя он в те годы жил в другом подъезде и был хорошо ей известен. Да, пятьдесят лет разницы — это не шутка. И сказал, что он художник и что хотел бы познакомиться с мальчиком, который хорошо рисует, а его нет. Жаль, конечно, он зайдет в другой раз. Скорее всего вечером.

Иван Николаевич попрощался и вышел. На улице было много народу, возвращавшихся из старого клуба, с «Человека-амфибии». Среди них Иван Николаевич увидел Витальку. Он, странно извиваясь, шел к своему подъезду.

— Наконец-то, — радостно выдохнул Иван Николаевич. — Ты где ходишь, Виталя? Я измучился, тебя ожидая. Ты меня не узнаешь? А я к тебе от Виталия Генриховича Кочина.

— От кого?

— Да, да, от тебя самого, уже взрослого, живущего в XXI веке. Что ты так на меня смотришь? Не бойсь, я не сумасшедший. Ты попросил меня увидеться с тобой. Эта штуковина, при помощи нее ты избавишься от хромоты. Держи.

У Виталика было белое лицо, когда он принимал книгу.

— И что... И что я должен делать с ней?

— Ничего особенного. Держать в руках и просить Господа избавить от напасти. Можешь проделать это при мне и вернуть книгу. Мне тоже хочется прибегнуть к ее помощи. Она ведь волшебная. А я Иван Колесников, только очень пожилой. Теперь-то ты меня узнал?

— Неа.

— Не узнал, так не узнал. Твои проблемы. Ну ладно, действуй давай. «Отче наш»-то ты знаешь?

— Знаю. Бабушка заставила выучить. Только вам лучше книгу забрать завтра: такую операцию нужно делать наедине с собой, нужно ведь сосредоточиться. И позвольте спросить, откуда у вас это сказочное средство?

— Слишком много вопросов, юноша. Зачем тебе это знать? Кончил дело и гуляй смело. Хорошо, завтра зайду к вечеру. До встречи.

Иван Николаевич развернулся и пошел, еле слышно бормоча про себя: «Великий Боже, дай мне вечером молодость», а Виталька смотрел ему вслед и не знал, верить или не верить человеку, который назвал себя Иваном Николаевичем Колесниковым. Неужто его зло можно исправить? Хирург ведь сказал матери после операции, что тут ничего нельзя сделать. А у него как в сказке. Если кто его может вылечить, так это Всевышний, а не книга деревянная. Но попытка не пытка.

А Иван Николаевич находился уже в своем темном подъезде. Но себя он не встретил, а ему так хотелось увидеть себя 16-летнего. Он никого не застал в квартире. Она была на замке. Соседка — он даже помнил ее фамилию — заявила, что он с родителями уехал в деревню на месяц. Чертыхнувшись, Иван Николаевич пошел с квартала.

А Виталий обнаружил себя пребывающим за доминошным столиком, тупо вззирающим на лежащую перед ним книгу. Внезапно кто-то сильно хлопнул его по плечу сзади. Он вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояло несколько парней из барачков за старым клубом. Это были вечные враги квартальной ребятни. Виталька почувствовал себя не в своей тарелке.

— Эй, рупь двадцать, — сказали ему, — гроши есть? Гони.

— Откуда?

— Нету? А это что за доски ты разглядываешь? — Главный тут был Жорик, высокий и широкоплечий парнишка. Он вырвал у Виталия лечебник. — Так что это такое?

— Парни, не надо, — поднялся со своего места Виталька. — Зачем она вам?

— Сожжем. Мы тут как раз костер задумали сварганить, щепки собираем, картошки напечь хотим, давно не ели. Так что твои доски нам пригодятся.

— Не надо, прошу вас, — вздрогнул от страха Виталька. — Это лекарство. Не надо!

— Какое к чертям собачьим лекарство? — удивился Жорик. — Тюльку не гони.
— Ну будь человеком. Отдай, прошу тебя.
— Отвали, — оттолкнул Витальку Жорик. — Были бы у тебя деньги, отдал. А так. Да пошел ты!

Он швырнул книгу на землю и принялся топтать ее.

— Атас! — крикнул кто-то из кодлы. — Взрослые идут!» И парни бросились врассыпную.

...Ивану Николаевичу было неведомо, что, когда Жорик начал рушить книгу, банно-прачечный комплекс, и так разрушенный, взлетел на воздух. Стоял себе, стоял, и вдруг на тебе, приказал долго жить. Почему, Аллах его ведает. Как взорвался, ахнул Виталий Георгиевич, узнав об инциденте. Мало того, состав материализовался, оказывается, да еще, оказывается, опрокинулся набок. Ну тут все ясно. Мина, заложенная Виталькой и Толькой Зубовым сработала. Да еще Иван Николаевич куда-то делся. Сколько ни искали, найти не смогли. Чудеса, да и только.

Гром небесный

рассказ

Когда Гута Иосифовна Зильберберг дописала рассказ «Вампир», то не стала откладывать его в долгий ящик для отлежки, а начала перечитывать и одновременно править. Читала вполголоса, повторяя отдельные слова и предложения, и ей по примеру Александра Сергеевича хотелось воздать себе хвалу, но она сдерживала эмоции. Так как ее манускрипт имел колоссальное значение для нашего повествования, приведем рассказ полностью. Вот он.

«Гроб был такой, словно его только что предали земле. Здесь, возле кинотеатра Пушкина, где задолго до войны располагалось кладбище, экскаватор при ремонте теплотрассы выкопал домовину. Копнул, понимаешь, раза два землю, и на тебе. Обнажился бок места последнего успокоения человека. Экскаваторщик чуть сознания не лишился, когда увидел, что извлек, стал белый как полотно. Заглушил двигатель, вылез из кабины, ноги подкашиваются. Плохая, знаете ли, примета — обнаружить захоронение на прежнем погосте. Народ, как водится, набежал сразу, глазееет, переговаривается. Как так, мол, сколь лет как кладбище перенесли, а гроб как огурчик. Разумеется, нашлись любопытствующие глянуть на останки.

Крышку мгновенно сбили, и зеваки пришли в ужас. Девушка лет восемнадцати лежит, на вид как не ее усыпальница, только что погребена. Как такое может быть? Врач из невесты откуда взявшийся “скорой помощи”, едва не сверзился. Только сказал: “Невероятно. Это что, летаргия?” Однако профессионализм не позволил ему наплеватьски отнестись к осмотру тела. Стер красную жидкость с ее рта, потрогал кожный покров и стал таким же белым, как и экскаваторщик. Кожа вернулась в прежнее состояние: “Нет, это ни летаргия. Я не знаю, что это. Чудо, да и только”.

Одна из присутствующих здесь женщин, пожилая в красном платье, вдруг бухнулась на колени и завопила: «Чему вас только учат в институтах, эскулапы противные! Я знаю, что это такое! Ангелы забрали ее душу без телесных страданий на небеса, вот несчастная и не подвержена тлению!»

И забились в судорогах. Собравшиеся остолбенели. Бородатый мужик в джинсах, судя во всему, муж психопатки, приложил ей кулаком по зубам: «Дура, какие могут быть тут ангелы. Чистейшей воды вампир! Кровь на губах, что ли, не видела? В нашем квартале всегда умирает больше людей, чем в других районах. Накануне смерти бедолаги всегда жалуются, что к ним приходит какая-то девица и пьет кровь. Давайте рот ей откроем. Голову даю на отсечение, клыки там имеются».

Однако призывы мужика народ игнорировал. Преобладало иное мнение: труп дело рук криминала. Замочили бедняжку, и концы в воду. Никто не задумался, как девушку могли спрятать под асфальт. Ведь почти все пространство у Пушкина покрыто им.

Точку над і поставил священник, вызванный каким-то доброхотом из церкви. Он поднял руку с зажатым в ней кадиллом: “Окститесь, люди добрые! Какой криминал? Разве стали бы они жертву в гроб ложить? Что вы, родные! Но главное, обратите внимание на платье несчастной. Нет, нет. Вы гляньте. Оно из рогожки. Подобную ткань давным-давно не выпускают. А фасон? Ни одна уважающая себя юница не наденет такого. Нет, нет, она точно лет семьдесят тут лежит. Давайте лучше хором молитву вознесем. Ну что же вы!”

Но прочитанная им молитва на девице не сказалась. Сказалась на гробе. Он рассыпался в коричневую труху. При виде такого зрелища толпа начала рассасываться. Ее затормозили несколько крепких мужчин. Они оттеснили священника и стали вбивать в сердце девушки кол,

по всем признакам осинового, налегая на него. При первом же ударе из рта и груди девушки хлынула кровь. Народ, игнорируя мужчин, начал таять, как весной тает снег под солнцем.

И тогда в толпе народа объявилась новая вещательница. Она принялась громко кричать что да, найденная никакая не вампирша. Она спящая царевна. Жаль, что в наше время перевелись Елисеи из сказки. Если бы кто из мужчин догадался поцеловать ее, она бы наверняка очнулась».

На этом рассказ Гуты Иосифовны закончился. Она отложила рукопись и подперла голову рукой. Нет, в таком виде повествование не годится. Текст требовал продолжения. Чересчур скомкано завершается действие. Необходимо подумать, что добавить еще.

Гута Иосифовна размышляла, что-то пыталась записывать, но все было не то. Внезапно она оторвалась от творчества. Зильберберг была не настолько увлечена, чтобы не слышать звука открываемой двери. Она повернула голову. Несомненно, в коридоре кто-то был. Она не успела ничего сообразить, как дверь в ее рабочий кабинет распахнулась. Гута Иосифовна заморгала. В дверях стояла девушка. Несмотря на зиму, она была в одном платье. До Гуты Иосифовны мгновенно дошло, что гостя ей знакома, только она от неожиданности не может сообразить, откуда девушка ей известна.

— Ты кто? — хрипло спросила Гута Иосифовна. — И как вошла сюда?

— Привет, Гута, — негромко произнесла незнакомка. — Я Людмила. Одно обстоятельство привело меня к тебе.

Не спрашивая разрешения, она села на запасной стул и остро глянула на Гуту Иосифовну. Взгляд был нехороший. Зильберберг стало не по себе. Воровка? Наркоманка? Все может быть. Она незаметно открыла ящик письменного стола и нащупала портняжные ножницы. Стала немного спокойнее. Хоть какое, но оружие. Незвестная заметила ее приготовление и откровенно ухмыльнулась.

За окном послышался сильный хлопок. Это не был ни взрыв петарды, ни грохот газового болона. Это был гром. «Зимой? — напряглась Гута Иосифовна. — Чудны дела твои, Господи, гром...»

Неизвестная тоже посмотрела в окно.

— Фамилия моя тебе ничего не скажет. Ну, Носовец, дальше что? — начала она, но Гута Иосифовна перебила ее.

— Не смей мне тыкать! Молодая еще! Явилась в мой дом да еще хамишь! Мне шестьдесят два года, а тебе? Есть разница? Есть! И какого рожна тебе нужно от меня? Говори!

— «Молодая еще», — повторила неизвестная, ничуть не смущаясь. — Это вопрос философский, кто старше. Говоришь, тебе седьмой десяток? Верно. А мне восемьдесят девять стукнуло. Так что я имею право «тыкать». А ты, обращаясь ко мне «выкать». — «Ах ты, точно шизофреничка, — мелькнуло в голове Гуты Иосифовны. — Точно! Но как она проникла ко мне, если входная дверь заперта?» Мысль эта мелькнула и пропала. Гуту Иосифовну больше интересовали годы незнакомки.

— Восемьдесят девять, говоришь? — с вполне понятной иронией спросила она. — Хочу поздравить, ты неплохо сохранилась. Так что тебе нужно от меня, старушка?

— Чтоб ты переписала рассказ. Я же его персонаж. Вампирша... Не желаю быть кровопийцей. Вообще-то я хочу, чтоб ты оживила меня. Надоело в земле лежать. Так что исправь ошибку. Не то худо будет.

Гута Иосифовна почувствовала, что у ней холодеют щеки: «Какой персонаж, какая ошибка? Дурдом какой-то!»

А неизвестная продолжала:

— Лежала себе, никого не трогала, истлела уже вся, один скелет остался, и вдруг — на тебе! Обрела снова плоть, и какая-то сила начала меня выталкивать на поверхность. Как из могилы освободилась, не скажу. Не поверишь. Дальше больше. Кровь начала пить у несчастных. Нормально, да? А мне не нравится быть вампиром. Потому и пришла к тебе. Избавь меня от этой напасти. Чтоб я живой сделалась. А то кол в тело, понимаешь. Бр-р-р! И последняя загадка. Каким образом прознала, что я нахожусь под землей у «Пушкина»?

Гута Иосифовна только губами двигала, но исторгнуть из себя звук не смогла. Язык не слушался ее. Она бы сказала, что просто угадала, что рассказ ей подсказал роман «Мастер и Маргарита» и журнал «Загадки истории», в котором говорилось о нетленных мертвецах, но ничего не получалось. Наконец ей удалось справиться с немотой.

— «Переписала», «оживила»... Каким образом? Ты знаешь, что я сейчас сделаю с тобой? Смотри сюда! Произведение треснуло и распалось на две части. Гута Иосифовна разорвала его и принялась топтать ногами. И в эту секунду Носовец исчезла, словно ее никогда не было. А самой Гуте Иосифовне стало понятно, что там, на двухметровой глубине, тело несчастной девушки обратилось в прах. И вновь грянул гром. «Не к добру, — вздохнул народ православный. — Стоит ожидать больших потрясений».

г. Челябинск

Виктор Селванов

Такие, друг мой, пироги

Юбилейное

Творите шедевры,
Живите до ста.

А. Г. Кухтурскому

Да. Семьдесят —
Не пыльные семнадцать.
Повытряслась
Лихая суета.
Как в юности,
«Цыганочку» не сбавать,
Хотелось бы,
Да прыть уже не та.
Уж в суете сует
Сгорело лето.
Принарядилась
В иней голова.
Но всё ещё
Свежа душа Поэта,
Плодятся в ней
Прекрасные слова.
На дно её
Осадком выпал
Пустырь
Несбывшейся мечты,
Душа сподобила безликий,
Весь в запоздалые цветы.
Они тобою не воспеты.
Имея звание Поэт,
Сбирай их
В чудные букеты
И выноси на белый свет.

Пожелание

А. Г. Кухтурскому

Жизнь — лестница в небо.
Ступени — года.
Коль истинно — в небыль.
Так было всегда.
На Бога надеясь,
Верь больше в себя.
С одной из ступеней
Он сбросит тебя.
С которой? Природой
Нам знать не дано.
У Бога нас много,
Ему всё равно.
В суровые дни
У бездушных обочин,
Веруй в себя.
Не мозоль ему очи.
Пока он отыщет
Тебя в тесном мире,
Ступени считай,
В пояс кланяйся Лире.
Страстью пылая,
Целуясь в уста.

*

Такие, друг мой, пироги
Пекутся в нашем захолустье.
Хоть ешь, хоть впрок побереги,
Вставай себе с любой ноги,
Престольных трогать не моги.
Не беспокой «козлов» в капусте.

* * *

На закате цветущего мая
Соловей в дебрях сада поёт.
Молодую жену развлекая,
Теремок чудодейственный вьёт.
Легендарный Сизиф луну катит,
На высокую гору — Зенит.
За какие грехи силы тратит?
Даже лапоть о том не звенит.
А луна — грёз любовных царица,
Округлила совиный свой глаз.
Ловит юных, которым не спится,
Тащит в школу любви.
В первый класс.
Кто уже у Христа на заметке,
Дух мятежный по темечку бьёт.
Сердце бьётся дроздом
В тесной клетке,
Арестантские песни поёт.
Говорят: в тесноте — не в обиде.
Не дай бог им в полоне побыть.
Коль судьба уподобится гниде,
Очень хочется волком завывать.
На исходе цветущего мая
Соловей залихватски поёт.
На святую судьбу упоая,
Колыбельку детёнышам вьёт.

* * *

Унылый дождь стучал в окно
Всю ночь напролёт.
Летать без крыльев не дано,
А мысль зовёт в полёт.
И вот я мысленно лечу,
Над суетой страны.
Во всеуслышание кричу:
«Не допусти войны».
Сколько ей выпито кровей,
Попробуй подытожь.
Один намёк только о ней —
Бросает душу в дрожь.

Не всё ль равно

В моей душе ни радости, ни злобы.
Лежу себе, на скошенной траве.
А облака, как снежные сугробы,
Тихонько тают в чистой синеве.
Мне б, как они, немножечко растаять,
Или уплыть туда, где не был сам.
Чтобы никто не смог меня охаять.
Не ревновал к чужим бы небесам.
А по весне трава ещё не сено.
А я уж был и сеном, и травой.
Уж облака, как чёрная измена,
Висят над поседевшей головой.
Но хочется ещё и петь, и плакать.
Окрест во всеуслышанье орать.
Чтоб никогда и никакая «слякоть»
Не смела нас из жизни убирать.
Афган ли там, Чечня или другое,
Не всё ль равно, где наши судьбы рвут.
Я кланяюсь пришедшим с поля боя,
Скорблю по тем, упавшим ниц в траву.
Где русский дух бросал ребят в атаки
В той чуждой нам далёкой стороне,
На склонах гор цветут кроваво маки,
Как роковая память о войне.

* * *

Божок расхристаной страны
Заерепенился не в меру.
Щекотит нервы у войны,
Взбесить пытается холеру.
Питают жадность с ложью дух.
О золотой короне брёдя,
С тупой рогатиной, был слух,
Пойдёт на русского медведя.
Как пьяный заяц на пеньке,
Дурачит граждан, ложью греясь.
Малюет карту в дневнике,
На подстрекателя надеясь.
А подстрекатель, сатана,
Натуру адскую имеет.
Натравит Моську на слона,
Та злом горит, он руки греет.
Самоуверен, деловой,
Не дружит с личной головой.
Божок, безумством заражён,
(Сказився. Лизе на рожон.)
И истерически орёт:
«Тай помоги ж ты, бисов род».

д. Журавлиное

77

Графоман № 2(38)-2019

Александр Горелов

Кокандцы

Деду Дмитрию Осиповичу Толмачёву посвящается

В сооружённом вокруг Туркестана форпосте — движенье:
В городе этом проходит обоза в Чимкент снаряженье.
Кроме отряда из русских здесь много киргизского люда.
Крики гортанные. Ржанье коней. Рёв двугорбых верблюдов.
— Для истребления шайки кокандцев, защиты обоза
(Эти кокандцы — бандиты, для нас словно в ж*пе — заноза), —
Так комендант обратился с приказом своим к есаулу. —
Ты свою сотню, Серов, подними и дойди до аула.

*

Вот показался Икан, и созвездье костров на пригорке,
Быстро смеркалось, а дым от костров подозрительно горький.
Снег припоробшил ковыль, словно ёлочки праздничной ватой.
Вон уж заметна вдали узкоглазая мазанка-хата.
— Ну ка, Ахмет, проскочи до костров, обстановку разведай:
Сколько числом неприятель, грозят ли нам крупные беды?
Быстро вернулся Ахмет, доложил, задыхаясь, спеша:
— Там неприятеля, словно в заросшем пруду камыша!
— Надо... быстрее, есаул, уходить, в Туркестан, восвояси,
Нашего боя исход даже Богу с Аллахом неясен!
Выпукла степь, словно плешь аксакала в ближайшем ауле,
Птице не спрятаться в жаждой изломанном вдрызг саксауле.
Вмиг казаки окружили поклажей засохший родник,
Спешившись, каждый щекою к родному оружию приник.
Наперевес держа пику иль саблей кривою махая,
В дедовских латах и на невысоких конях, в малахаях.
«Тихим молчаньем» кокандцы вблизи с ярим рёвом: «Алла!» —
Кинулись как воробы на пшено, из пищалей паля.

К счастью, что плохо стреляли фитильные ружья — пищали,
Лишь комариною песней над ухом бойцов пропищали.
Рявкнула пушка по взмаху стоящего в центре Серова,
Фронт нападавших кокандцев сломался, как будто подкова.
Ствол — винтовая нарезка, оружие казачье убойно:
Каждая пуля кокандца аль двух уносила спокойно.
Ветер свинцовый из ружей, зарядов картечи из пушки
Встречных кокандцев валил в штабеля, словно дерева чушки.
После четвёртой бесплодной атаки кокандцы отстали,
Вкруг костерков, точно ангелы в нимбах, фантомами встали.
Можно стрелять. Есаул же велел экономить патроны —
Мирным, гражданским умом не понять боевые законы.
Но фальконеты — «аглицкие» малые пушки кокандцев, —
Многих коней увлекли на тот свет в полыхающем танце.
Ядра врага, как слепые котятa, людей не задели,
Перечеркнув Млечный Путь, колыбельную звёздам пропели.
Чтобы враги не сгубили расчёт у единственной пушки,
После стрельбы относили её за колёсные дужки,
Так как у пушки (у русской) сломались в колёсах ступицы:
Надо таскать на руках: перестали колёса крутиться!
«Единорог» называлась та пушка большая Серова,
Изобретение русских Левшей, тяжела, как корова.

*

Сторожевая команда со стен крепостных Туркестана,
Слыша грозу, до утра наблюдала польмия Икана:
— Наши товарищи бьются! Нужна ведь от нас им подмога!
Что ж, комендант Жемчугов, ты всё медлишь? — И в душу, и в Бога!

*

— Выйди с двухсотней, но сразу назад поспеши ты, Сукорко,
Если «бек-коп» (очень много) кокандцев увидишь с пригорка.
Так наставлял комендант, посылая Сукорко на помощь,
Был Жемчугов сверху крепок, внутри с «червячком», словно овощ,
Ну а Сукорко династией ткач и совсем не вояка,
Каждый приказ понимал он (умом, но не сердцем) двояко.
«Нитки обвой вокруг нити другой» — тут он был знатоком бы,
Тактике боя с кокандцем на практике был не знаком...
И без потерь, с лёгкой раной коня в стан вернулся Сукорко —
Сердце драгунов от взглядов встречающих жгло аж до корки!

*

Мчится джигит с белой тканью в руке прямо в лагерь Серова,
Шустрый кокандец доставил послание с текстом суровым:
«Помощь к “тйбе” не дошла — все погибли в неравном бою,
Я никого не обижу, коль примете веру мою!»
— Эх! Зададим карачун Алимкулу! — вскричал есаул,
Слыша в ответ на призыв казаков одобрительный гул.
Сам Алимкул на коне подскакал на далёкий пригорок,
Ну а ответ казаков, словно залп из винтовок, был горек:
Конь Алимкула упал, придавив ему тушею ногу.
В бешенстве хан. И отставшей он свите орал: «На подмогу!».
«Чёрный Ахмет» по приказу Серова прикинулся вороном
И проскользнул меж искрящих костров в Туркестан в пику ворогам.
С маху влетел он в окно, напугав в темноте коменданта:
— Если сейчас же не вышлешь подмогу — ищи секунданта!

*

Утром узрели казакi телеги с вязанками хвороста,
Как за щитами, скрывались за ними теперь злые вороги.
Переговоры решил предложить есаул тут кокандцам,
Беглый урядник сибирского войска к ним вышел посланцем.

Имя Онисим, пройдя обрезанье, сменил на Османа,
 Жадный мужик оказался в тенётах неверных обманом.
 — Праздник сегодня у нас, — есаул разговор начинает,
 Видя, что сбоку кокандец картечью пищаль начиняет.
 — Знаю, я русский, — Осман без стыда казаку отвечает. —
 Нынче в степи пропадешь, есаул, сахаринкою в чае!
 Лучше вам сдаться. Ты будешь начальником, хан обещает.
 Даст аргамака с серебряной сбруей и всё вам прощает!
 Около часа прошло или два «говорильни» без выстрелов,
 Но, как всегда, задержалась подмога, по-русски небыстрая.
 Три чалмоносца меж тем подползли есаула схватить,
 Пулями срочно пришлось их нечестный запал укротить.
 А мантилеты из хвороста в лоне степей, словно грыжи,
 Злющий кокандец толкал их к Серову всё ближе и ближе,
 Так что пришлось оборвать разговор есаулу с Османом —
 Коли нечестный вояка пошёл в наступленье обманом...
 Метко и часто стреляли теперь в казаков басурманы:
 С юга к ним помощь пришла (так к отраве ползут тараканы).
 «Единорога» весь выбит расчёт, а без пушки-то горько,
 Но Толкачёв, помогавший прислуге, был разумом зоркий.
 Сам зарядил и навёл, и разбил мантилет инородцев,
 И разметал невеликих кокандцев, как кукол-уродцев.
 Только лишь в полдень подмога Серову из стен выступала,
 И на Сукорко пехота ругательно, матом роптала.
 Зимний Никола-Спаситель — в тот день на Руси отмечали,
 Он избавитель от смерти неожиданной и скорбной печали.
 Пушки «аглицкие» пыл свой усилили в лагере тварей —
 Кровь всех убитых коней пламенела в снегу киноварью.
 Ранен был в грудь есаул и контужен кокандской гранатой,
 Видимо, натиск врага не сдержать в ТРЕТИЙ день до заката.
 И помолясь гулким басом, и скинув на землю шинели,
 С криком «Ура!» казаки роем пчёл на врага налетели.
 Здесь ни к чему, так как стих никогда не бывает подробен,
 Вам пояснять: до чего же инстинкт азиата утробен.
 Слыша «Ура!», пехотинцы рванули на звук без приказа —
 Вдруг отойти их принудит поручик Сукорко-зараза!
 «Смыло» кокандцев — как гнуса кусачего ветром удуло.
 Счастью не веря, искало врага раскалённое дуло.
 А Алимкул штурмовать Туркестан и Ташкент не решился:
 Так как в бою он двух тысяч наглейших кокандцев лишился!

г. Миасс

Тулеген Наурзбаев

Прислушайтесь вы к сердцу века

* * *

Какое прекрасное облако лета!
 Такое увидишь — поверишь едва ль.
 Тропа, озарённая солнечным светом,
 Меня приглашает в знакомую даль,
 Где радость и смех выливаются в песню,
 В душе благородство, надежды не счесть,
 Дела пробуждаются в мыслях чудесных,
 И ветер не гасит свой норов и спесь.
 Здесь каждому дышится вольно и легче,
 Роднятся народы для мирных идей,
 И солнце гнездится меж двух светлых речек,
 Откуда нисходят плеяды лучей
 На город мой Троицк, дома и балконы,
 На парк городской, на мосты и дворы,

Пока ещё день просветлённый наполнен
 Энергией жизни, огнём изнутри.

Из воспоминаний

Из прошлой жизни мне, из памяти всечасно
 Являйся ты послушницей из церковных лон
 С глазами тёмной ночи, праздничной и ясной,
 С лучами, что летят поверх земных времён.

Как свежий ветер с моря, как горечь
 расставанья,
 Волнуй меня всегда улыбкою живой

И каждый день встречай, буди на зорьке
ранней,
У сердца будь на страже, словно часовой.

И чтоб к тебе его не исказились свойства,
На искупление вины не весь потрачен пыл,
И чтоб любовь колючей розой беспокойства
Не распускалась там, где я с тобою был.

Пусть из воспоминаний, долгих ожиданий
Воспрянут духом вновь заветы давних вех,
Чтоб обрести покой и смысл существования
На жизненном пути, отпущенном вовек.

* * *

В светлую минуту воскресенья,
В день, когда не грустно и ежу,
Мне открылось страшное значенье
Тягостного слова — «ухожу».
В сердце радость замерла от боли
И ушла, поди её найди.
Может, обернулась той любовью,
До которой больше не дойти.
Но всегда, шагая по планете,
Говорить я буду без конца:
— Никогда уже на этом свете

Не увидеть твоего лица,
Ни в улыбке доброй и ни злого.
Без тебя, поверишь ли, дышу!..
Нет тебя. Осталось только слово
Горьким откровеньем — «ухожу!»

* * *

Жестокосердна Смерть, как стерва,
И бесконечно холодна.
Вмиг поглощает пастью жертвы,
Тела зубами рвёт она.

Но Жизнь у Смерти не во власти.
Неистребима! В свой черёд
Бесстрашно из клыкастой пасти
Любовью новой восстаёт.

Вот так все дни и ночи тоже
Идёт борьба меж двух миров.
Смерть жертвами свой день итожит,
А жизнь делами и добром.

Прислушайтесь вы к сердцу века,
Оно вам скажет, что средь звёзд
Путь Жизни, только к человеку,
Путь Смерти, к чёрту на погост.

г. Троицк

Марина Шалыгина

Предполагаем жить, но вдруг...

* * *

Вооруженьем парусным на корабле
Надулись и опали облака, и льдинки
прозвенели.

Мир заново родился в феврале,
Пробился свет сквозь вьюги и метели.
Картин морозных половина
Растаяла в преддверии тепла.
И неба синяя лавина
С высот по-мартовски сошла.
Противоречия и планы всех путей
Глазам открылись, пропасти и горы.
И в ожидании вестей
В подозрную трубу смотрю я на просторы.

* * *

Льётся дождь, льётся вновь, окаянный,
Словно школьный этюд фортепьянный.

Погружаешься волей-неволей
В непрерывный шёпот триолей.

Ми-миракулум, до-доминус,
Вот и солнца соль проявилась —

Это вольность мелодии, шалость:
Свет, вода — всё внезапно смешалось.

Оглушён тишиной мокрый ирис.
Взгляды капель наверх устремились.

Но не надолго чудо молчания.
Ритм пунктирный — продлилось звучание.

Разбилось зеркало

Что было целым — то теперь обломки.
Разбилось вдребезги! Вот ужас экономки:
В обход фрагментов колющих скользить,
Перчатки надевать, и щётку приносить,
И с неохотой собирать осколки.
А глаз пугливо смотрит из-под чёлки.
На ум приходят древние приметы,
И вещими становятся предметы:
Камина памятник, крестами ручки кресел.
А час ухода, как и прежде — неизвестен.
Предполагаем жить, но вдруг... И всё же
Ты цельными неохранишь нас, Боже.
Наверное, душа, что отлетит от тела,
Навеки отделяться б не хотела.
И хоть осколки уловляют свет,

Расшумелось вороньё,
Раскричалось!
Может, тёплое жильё
Защищалось,
Может, лакомый кусок
Так делили...
Им бы чёрный воронок
Прикатили.
Дебоширу-крикуну
Передайте:
— Не пугайте тишину,
Не пугайте!

Февральские сюрпризы

Нехорошие прогнозы
Нам синоптики дают:
Аномальные морозы
К нам в Россию попадут.
Минус пять в столице нашей,
На Урале — тридцать пять!
А в Сибири ещё краше:
В Красноярске — сорок пять!
А на Севере на крайнем
(Как якуты ночью спят?),
Там сегодня утром ранним,
Боже, минус шестьдесят!!!
Лютый холод над погодой
Потерял совсем контроль,
Запад угодил природе:
В Петербурге — чистый ноль.
Юг не хочет поддаваться,
У него другой маршрут,
На курортах — плюс пятнадцать,
И везде цветы цветут.
Аномальные капризы
Нам Природа принесёт,
И февральские сюрпризы
Наш народ переживёт.

Атака

По искристому снегу
Пробирается кот,
Как по вражьему следу
Осторожно идёт.
Вдруг на голову сверху
Снежный рухнулся ком,
Ветер, всем на потеху,
Подшутил над котом.
И под тяжестью снега
Кот от страха присел,
Ветер дунул для смеха —
Новый ком прилетел.
От атак и насилий
Ничего не поймёт,
Но, собрав свои силы,
Кот рванулся вперёд!

Вещанию

О! Сколько же ещё придурков
Родит нам матушка-земля?!
Один в семье живёт окурком,
Другой нарцисс, влюблён в себя.
Зачем морального урода
На показуху выставлять?
Чтоб в душах русского народа
Лишь омерзенье вызывать?
Когда вещание решится
Героев жизни показать,
Тогда Россия возродится
И будет снова процветать.

Рубиновые гроздья

— Где же твои кудри?
Стояла, как картинка.
Как ты стала мудрой,
Милая рябинка?
Дули злые ветры
(Поделись-ка с нами),
Как же в твоём сердце
Разгорелось пламя?
— Ветер строит козни,
Толкает меня в спину...
Рубиновые гроздья
Как искры у камина.
Чем удар больнее,
Я-то это знаю,
Тем душа сильнее,
Ярче расцветаю.
— Нам бы у природы
Мудрости набраться,
Вопреки погоде
Жизнью наслаждаться.
Не искать причины
И не верить слухам,
Что бы ни случилось,
Не надо падать духом.

Осенние витражи

Вопреки любым прогнозам
Осень встретилась с морозом,
Попросила:
— Удружи,
Разрисуй мне витражи.
Утром солнышко проснулось,
Всем шедеврам улыбнулось,
Заискрились вдруг они,
Как бенгальские огни.
Но от нежности красивой
Стали витражи плаксивы
И от солнечной любви
Растопились и сползли.

с. Миасское

Странная рыба

С другом моим Василием всегда какие-то истории происходят. Не может мой друг, чтобы во что-то, так сказать, не «вляпаться». Натура у него просто такая.

Ну, посудите сами! Вот нынче звонит мой друг мне как-то после обеда, когда я уже на дневной сон настраивался, и спрашивает:

— Ты сегодня на вашем рынке Лыковском был?

— Был, — говорю, — а что?

— И ничего там странного не увидел?

— Да нет, — опять же говорю, — ничего не заметил. Мне бумага нужна была туалетная, так что по всему-то рынку я и не ходил, лишь сразу в ларёк, где этой бумагой торгуют. А что там что-то странное было?

— Да в том-то всё и дело, — ответил Василий. — Были мы с женой на вашем рынке и в частности в рыбный отдел заходили. Ты туда не заглядывал?

— А что мне туда заглядывать, если у сына аллергия на рыбу, и мы эту самую рыбу дома не едим. Ты ведь это знаешь.

— Да знать-то я знаю, но вдруг...

— Нет, в рыбный отдел я не заглядывал. А что там, поди, кита продавали?

— Ну, кита не кита, а рыбу новую мы там увидели!

Тут мне, естественно, сразу стало интересно, что это за новая рыба, а поэтому моя дневная дрёма слегка меня покинула, так что можно было вести разговор и дальше.

— И что же это за рыба? — поинтересовался я.

— Да рыба как рыба, слегка на чебака смахивает, — отвечает Василий, — только вот название у неё какие-то странное, мной ещё неведомое.

— И какое же?

— На ценнике крупными буквами было написано: «**Рыба кошкám**» и ударение в ценнике было на последний слог и буква «А» заглавной написано. Ты про такую рыбу **кошкám** не слыхивал случаем?

— Нет, — ответил я, — про такую рыбу **кошкám** я слышу впервые. Может это какая новая рыба, скажем, глубоководная, доселе невиданная, а может и нет.

— Вот и я не знаю, — заметил Василий.

— Ну, если ты не знаешь, так уж я и подавно. Кто из нас рыбак: ты или я?

— Вообще-то, конечно, я из нас двоих рыбак, но я подумал, что ты там книжки любишь всякие научные читать, может, и встречалась тебе такая рыба **кошкám**, — ответил Василий.

— Нет, — говорю, — в книжках научных, что я так люблю читать, такая рыба мне не попадалась. Вот поэтому я и говорю: может, эта какая-то глубоководная рыба. Сейчас ведь невода такие, что и с пятикилометровой глубины рыбу выловить могут. А, собственно говоря, почему ты у продавца не спросил?

— Да продавец куда-то смылся, может, товар принимать, может, в туалет по крупному, но мы его с женой минут пятнадцать ждали, так и не дождались. Вот поэтому я тебе и звоню.

— Ну а народ, который что вокруг, — спрашиваю, — что говорит?

— Да ничего он не говорит. Все на ценник смотрят и диву даются, потому что рыбу **кошкám** все видят впервые.

— А рыба-то дорогая? — продолжал я расспрашивать своего друга.

— Да в том-то и дело, что недорогая, даже дешёвая. Всего-то двадцать рублей килограмм.

— Нет, Вась, — тут говорю я, — что это за рыба такая невиданная — **кошкám**, я не знаю и ничем тебе помочь не могу. Так что извини, но у меня тут дневной сон.

— А, — сказал Василий, — ну, извини, что от подушки тебя оторвал!

На этом наш разговор окончился, и я повесил телефонную трубку. После этого я попробовал уснуть, да ничего у меня не вышло. В голове засело это **кошкám** и не давало мне расслабиться. В конце концов, я плюнул на сон и ради любопытства решил сходит на рынок наш Лыковский и посмотреть на эту диковинную рыбу.

А в рыбном отделе на рынке действительно красовался ценник со странным названием «**Рыба кошкám**» по цене за двадцать рублей килограмм. Продавец, пухленькая тётка, была на месте. Видимо она уже приняла товар или сходила в туалет по крупному и поэтому бодро меня спросил:

— Что будем брать?

На вопрос я ответил вопросом:

— А что это у вас за странная рыба — кошкám?

— О господи! — воскликнула продавец. — Как мне сегодня с этой рыбой надоели! Подождите минутку, вам всё сейчас будет ясно.

После этих слов она на весь Лыковский рынок закричала:

— Петька, мать твою за ногу, ну сколько тебя можно просить переписать ценник? И вообще, где ты шляешься?

На этот зов минуты через две явился здоровенный рыжий детина, видимо, это и был Петька, который без слов взял ценник и поменял на нём бумажку. Я прочитал, и всё мне тало ясно. На ценнике корявыми буквами от руки было написано: «Рыба кошкám», цена двадцать рублей кило.

И тут, надо сказать, меня разобрал смех. Я стоял и смеялся, и продавец со мной тоже стоял и смеялся, причём до коликов в животе.

— М-да, — сказал я, — полгорода вы своим «кошкám» голову взбаламутили. Велик всё-таки русский язык. Казалось бы, всего-то ударение, а смысл полностью изменился.

— Да это всё Петька, грамотей, хоть и десять классов окончил, — сказала продавец.

— Да ладно, — ответил я, — всякое бывает.

С этим я и пошёл домой, чтобы позвонить Василию и сказать, что ларчик-то просто открывался.

А Василий хохотал долго, да так, что трубка телефонная дрожала у меня в руках.

— Всё мне теперь ясно, — так сказал он, — что это за рыба такая. Завтра ещё раз сходим с женой на рынок и купим коту эту рыбу. Пусть он ест эту неизвестную науке рыбу под ещё более неизвестным названием, которая явилась на свет, как ты говоришь, стараниями какого-то грамотея Петьки с вашего Лыковского рынка!

г. Снежинск

Наталья Сумина

Девушка собирается на свидание

(зарисовка)

Свидание! Ах! Волнение. Мысли кружатся в голове и кружат голову. Ах! Что надеть? Платье? Брючки? Босоножки? Туфельки? Может, это? Нет, слишком коротко. А это? Нет, слишком длинно. Что тогда? Ох уж этот шкаф! Столько вещей, а надеть нечего! А что нас тут затаилось-запраталось? А, это шарфик. Шарфик! Мой любимый! Так, отложим. Ну что, что ещё? А что это тут розовенькое? Вот! Вот это я и надену сегодня. Так, что дальше? Теперь обувь. Что подойдёт к розовому? Розовые босоножки? Белые туфельки? Где же они? Ну вот, только вчера тут были! Ай! Куда же они запрытались? Так я точно опоздаю! Ну где же, где? Вот они. Кто же вас туда задвинул? Нет, не надену их. Слишком серьёзные. Это свидание, а не собеседование. Остаются босоножки. Не совсем то, но уже что-то есть. Как же мало у меня обуви! Надо будет ещё купить.

Так, что теперь? Шарфик! Если его так надеть? Нет, некрасиво. А так? Тоже что-то не очень. А может быть, сюда? Да ну его вообще!

А сейчас причёска! Распустить волосы. Это красиво и мужчинам нравится. А если ветер? Буду как растрёпа какая-то. Тогда в хвост? Нет, слишком банально. Косичка? Ещё хуже. Никогда не думала, что с причёской столько мороки. Ура! Придумала. Заколка! Здесь заколю, а там пусть распушено. Какая я умница! Как устали руки!

Чуть-чуть блеска на губки, и вперёд! Красотка! Ну всё, пошла! Ах, свидание...

Чёрный кот

(шутка)

«Жил да был чёрный кот за углом, и кота ненавидел весь дом...» Эту в своё время популярную песенку слышал, наверно, каждый. И о злоключениях несчастного кота известно всем. Но почему к нему такое отношение? Так ли всё страшно? Давайте разберёмся.

Чёрный цвет — символ загадочности и неизвестности. Символ тайны.

С самого детства нам прививали поверие, что у Бабы Яги в избушке на курьих ножках жил именно чёрный кот. Наша главная сказочная колдунья пережила многих своих конкурентов, а значит, была не самой глупой. И то, что она приручила именно чёрного кота,

было не случайным. А что, если кот с таким окрасом не предвестник несчастий, а наоборот, счастливого случая, который мы проклинаяем и тем самым отталкиваем от себя везение.

Вы только посмотрите на это тёмное облачко с большими яркими жёлто-зелёными глазами! В них столько чистоты и обожания!

Чёрная спинка только и ждёт, когда её погладит хозяйская рука. И тогда из глубины этого загадочного существа раздастся нежнейшее мурлыканье. Мягкие лапочки начнут грациозно перетаптываться на месте, иногда выпуская острые коготки.

Кот всем своим видом покажет, как он любит вас, как ему нравятся ваши ласки.

В доме, где живёт такое чудо, всегда ощущается уют и тепло. Кот, который сидит у печки и тихонько поёт свою песенку, может успокоить любые нервы, растопить даже самое замёрзшее сердце. Разве может сотворить такое кто-то коварный и жестокий? Разве ж это зло?

Поэтому, когда завтра чёрный кот перебежит вам дорогу, посмотрите ему вслед с добром и благодарностью. И тогда любые неудачи обойдут вас стороной.

г. Нязепетровск

Наталья Паршукова

Уголовное дело¹

Реальные события двухтысячных годов

(повесть)

Коррупция

Изучая и прочитывая документы, все чаще и чаще и точнее приоткрывается смысл этого слова — «коррупция». Точнее, действие — не дача денег и перевод в офшоры, это понятно. Ты человек или коррупция? Вся глобальность объема и смысла, тонкость действия. Коррупция для многих, это сама жизнь и смысл её. С самим действием отнятия и передачи нелегально денежных средств кому-либо связано все больше и больше людей. Это действие, «коррупция», как воронка, у которой есть только края — начало, а дна нет. Даже деньги уже теряют свой вес в этом смысле. Начинает происходить негативное стечение обстоятельств. Отнятие близких людей, друзей, родственников. Отнятие имущества, доведение до неизлечимых болезней, до самоубийства и других трагедий. Ценности потеряны все. Скоро такое, как душевность, сердечность, понимание, умение жить так, что твоя личная жизнь не причиняет неприятностей другим, будет антиквариатом или исчезнет совсем. Нравственный институт развития личности отсутствует на сегодняшний день.

Судейским властям безразлично, кто перед ними — виновные или невиновные. И им также безразлично правы они или не правы, ссылаясь на статьи в Конституции и в законе. Судопроизводство превратилось в коррупционную машину. Точнее, коррупция как театр теней. Вот и получается, коррупция — суд, политика, правительство — эквивалент взаимодействия. Это одно и то же неделимое целое и в глобальном понимании, как действие, как слово «коррупция». Торжество беспредела. Торжество безвластия. Точнее, власть себя исчерпала. «Правопорядок» — совершенно забытое слово и его смысл. Соответственно и действие в смысловом порядке применения забыто. Чем скандальнее, чем извращённое, чем порочнее, чем низменнее, тем это все считается приличным и принято судебной властью. Так начинается процветание коррупции.

Конституция уже теряет свой смысл как закон. Судьи все равно пойдут на поводу у желания отнять, показать свою власть. «Правопорядок» — это для судей химера эфемерная, как и Конституция. Главный закон — «Коррупция»!

И как не ругать власть? Как можно уважать такую власть, в особенности, судебскую? Все ссылаются на Федеральный закон. Обратились в Законодательное Собрание с просьбой ознакомить с интересующим законом. Удивленно посмотрели, не поняв вопроса. Вы Законодательное Собрание или что? Весь свод законов в печатном виде должен быть у вас! Так вот нет. Послали в Публичную библиотеку. За что платят деньги этим людям в этом собрании? «Коррупция». Получается, послали! Ну и «никудакто», в «раскудыкт-дыкт-дыкт», но «кудыкто???!» И что, и как?

Перечислим фамилии коррупционной схемы:

Ковч, автокомиссар, составляющий схемы ДТП от 1 июня;

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2018.

Выдовы, братья, один из них отбывал срок по аналогичному преступлению в ДТП с нанесением тяжких телесных повреждений, судимость не погашена;

Вулда, участковый уполномоченный полицейский, при нём пишутся расписки или передается автомобиль в пользу бандитов;

Никова Т. К., следователь, которая расследует якобы дела по ДТП, но чаще всего когда в них возникают вышеизложенные участники;

Судья Гуменова Е. А. в хороших отношениях с Никовой Т. К., старается сотрудничать как можно теснее, покрывая друг друга;

И еще один участник этой схемы — пристав-исполнитель, Бай В. Н., которая старается побыстрее исполнить решения судьи Гуменовой о наложении арестов и конфискации имущества.

И что делать? Пашины в опасности, и никому нет дела. В этой схеме судья Гуменова, а судьям по Конституции все дозволено!

г. Челябинск

Тамара Барейшина

В нашей памяти остались

Деревья как люди

Мы едем по трассе,
Сижу я в машине
И вижу деревьев
Крутые вершины.
И вижу их корни,
Увиты травой,
Другие же корни
С сухою листвою.
И мысль промелькнула:
Деревья как люди.
Кому-то удача
Приходит на блюде.
Кому-то придётся
За камни цепляться,
Чтоб в жизни суровой
На миг удержаться.
Вот кто-то был сломлен,
Но корни остались
И порослью свежей
На свет показались.
Другие же жили
Бесцельно и бледно.
Их корни на свете
Зачахли бесследно.
Остались коряги,
В пути всем мешая.
Надеюсь, судьба
У меня не такая.

Любовь реально

У тебя в стихах любовь воспета,
Не любовь, а лишь мечты о ней.
Может, он один страдает где-то —
Ты возьми его и обогрей.

И скажи ему слова приятные,
Помоги поверить в чудеса.
Вместе вы пойдёте за опятами,
Обойдёте местные леса.

Не бери ты ноши непосильной,
А люби себя и уважай.
В доме пусть борщом запахнет сильно,
В огороде спеет урожай.

В разговоре он тебе поведает,
Как он был несчастен без тебя.
Это будет главной победой —
Жизнь начать реальную, любя.

Сосед

Здравствуй, маленький сосед!
Как дела? А сколько лет?
Все соседи пристают:
«Тёма, как тебя зовут?»

И сказал он нам в ответ:
«Всё нормально, всем привет.
Я не Тёма, я Артём,
А вопросы все потом».

Шахте «Куллярская»

Помню, шёл двадцатый век,
Шахта, уголь, сандружина...
Нашей шахты уже нет,
Но для встречи есть причина.

Лиц прекрасных полотно,
Кадры многие менялись.
Эти лица, как в кино,
В нашей памяти остались.

А шахтёров больше там...
А ведь это наши корни.
И сегодня вместе нам
Как директора не вспомнить.

Как пробил прощальный час,
Пролетело лет немало,
Но я помнила о вас,
Я всегда вас вспоминала.

г. Пласт

Анатолий Омельчук

87

Графоман № 2(38)-2019

Кого же мне благодарить

Совет матери

Сидишь словно старая квочка,
А ну-ка, быстрее улыбнись!
Не ставь на себе сразу точку
И искоркой жизни зажгись.

Послушай меня, дочка Шура,
Что скажет тебе твоя мать:
«С твоею да статной фигурой
Ты можешь ещё щеголять.

И случай тебе улыбнётся
Увидеть вдруг принца живым.
Сердечко твоё встрепет
Пред взглядом его озорным.

Господь творил не просто так,
И он с небес взирает.

В закат багряный я нырнул,
В его лучах купаюсь.
Мне лунный серп рукой махнул
И крикнул: «Не прощаюсь!»

Мы встретимся с тобой, мой друг,
В огромном светлом мире.
Увидим рай земной вокруг
Под звуки чудной лиры.

Ты посмотри по сторонам,
Ведь жизнь кипит повсюду.
Она целительный бальзам,
Земное наше чудо.

Прошу прощенья

Я извиняюсь за молчанье,
Так получилось, милый друг.
Болезнь мне принесла страданье,
Замкнув меня в железный круг.

Соседка, славненькая Мила,
Проведать вдруг меня зашла.
Мне принесла аж два зубила
И молоток большой дала.

Я разрубил кольцо болезни
И полной грудью жизнь вдохнул.
Господь вдруг мне весьма любезно
На рай небесный намекнул...

И хворь мгновенно отступила,
Благодарю свою судьбу,
Но если б не соседка Мила,
То я б покоился в гробу.

Целительный бальзам

Я вспомнил с грустью вдруг о том,
Что ты мне говорила:
«Что без семьи пустынный дом,
Жизнь без любви — могила».

Любовь — божественный очаг —
Нас нежно согревает.

Снег в октябре

Снег выпал утром в октябре,
Такой пушистый, чистый.
Всё засверкало во дворе
Под солнцем золотистым.

Покрыты сосны серебром,
Стоят как на витрине.
И всё белым-бело кругом,
Прекрасная картина!

Кого же мне благодарить
За чудное творенье?
Господь! Позволь тебе излить
Земное восхищенье.

Надейся

Еще надеешься на принца,
Который за морем живет.
С богатым свадебным гостинцем,
К тебе на яхте приплывет.

Надейся, милая! Покуда
На трон мечтаешь гордо сесть.
Не жди от жизни только чуда,
Она способна и на месть.

Тебя природа одарила,
Бесспорно, чудной красотой.
Но деньги — высшее мерило —
Затмили разум пылкий твой.

Жизнь для тебя игра на сцене,
На главную стремишься роль.
Скажу я, пташка, откровенно:
«Что ты пока обычный ноль».

Цветок

Цветок ты мой живой благоуханный,
Тебе в саду моём произрастать.
И в нём найдёшь покой, всегда желанный,
Как в сказке детской будешь расцветать.

Пусть каждый день наполнен будет новью,
И обойдёт нас всякая беда.
Я одарю тебя своей любовью,
И мы с тобой на долгие года.

Проигранный бой

Мальчишка плачет от досады,
Проигран первый в жизни бой.
Подходит тренер: «Вась, не надо,
Всё впереди, всё за тобой...»

Запомни, даже поражение
Имеет внутренний запал.
И вдохновит тебя стремленьем,
Чтоб ты потом сильнейшим стал».

Малец поднял головку смело,
Глаза сверкают словно сталь.
Но в них мгновенно заблестела
На ленте первая медаль.

Серафима Москвина

Вспоминаю особенно ясно

Прощание с мамой

«Давай обнимемся, родная,
В последний раз на этой земле.
Ты прости мне всё, дорогая,
И вспоминай иногда обо мне.

Прости... у вас не было детства,
Потому что была война.
И какие же были средства,
Если я вас растила одна?

Вспоминаю особенно ясно,
Как я стремилась жить.

Костёр

Признаюсь с грустью, что люблю.
Слова слетают с уст так скупю.
Тебя ни с кем я не делю,
Делить любовь — поверь, так глупо.

Не может черная зола
Воспламенить в костре горенье.
Он запылает лишь тогда,
Когда есть свежие поленья.

8 Марта!

Восьмое марта! Что мне пожелать
Тебе, мой друг любимый, долгожданный?
Ты птичкой будешь трепетно порхать
В душе моей — родною и желанной.

Построил я уютный скромный дом,
Хоть не велик, но с черепичной крышей.
Согреет нас живительным теплом
И стук сердец влюбленных он услышит.

Пограничник

Смело лезу сам на вышку
И до верха доберусь.
Знайте, храбрый я мальчишка,
В пограничники гоюсь.

Когда вырасту — границу
Буду зорко охранять.
Враг не дремлет, он стремится
Нас врасплох всегда застать.

Детям

г. Плат

Детям

Между нами лежать будет вечность,
Неземная стоять тишина,
Твоя светлая, теплая нежность
Обогреет, как прежде, меня.

Ну, не плачь, не тоскуй, родная,
Ничто не вечно лишь на земле.
И, пространство душой освещая,
Ты когда-то придешь ко мне».

Всё чаще я вспоминаю
Минуты прощанья с тобой
И в тишине повторяю:
«Спасибо за подвиг твой...»

Тропинка

Вьется тропинка, тропиночка в лесу,
Ягоды с грибами в лукошке я несу.
Поет, свистит, щебечет веселый птичий хор,
А мне с пригорка машет платочком мухомор.

Смотрю, а на тропинке колючий серый еж
В клубок скорей свернулся, пыхтит:
«Ты не пройдешь».
«Колючий серый ежик, тебя я рассмотрю
И рыжик из лукошка на память подарю».

А рядом колокольчик тихонечко звенит:
«В лесу я всех красивей, ты на меня взгляни!
Мой синий сарафанчик от ветерка звенит
И яркими цветами на солнышке горит!»

«Ты дивный колокольчик! В лесу я всех люблю!
В веселом шуме леса твой нежный звон ловлю.
С лесной волшебной сказкой душою
я сольюсь.
Я б с вами жить осталась, да к деткам
тороплюсь».

Вьется тропинка, тропиночка в лесу,
Полное лукошко я радости несу!
г. Снежинск

Людия Осмичина

Связь между нами незрима

На встречу

Я иду на встречу в школу
В этот праздничный денёк,
Где звенит звонок весёлый.
С лёгкой грустью на порог
Я вхожу в знакомый терем,
Где ребячий звонкий смех,
Где с добром открыты двери,
Ждёт надежда и успех.
Вижу радостные лица,
Сколько света и тепла!
В чувствах можно раствориться...
Мне бы надо помолиться,
Низко храму поклониться.
Храм науки — храм добра!

На родине

Милая добрая родина
Встречает уже, не грусти.
Родня моя похоронена,
Тропа заросла уж, прости!

Напрасно смотрю я жилище,
Пойду поищу по местам:
На горке заметно кладбище
По старым убогим крестам.

Что это? Мне с детства знакомо.
Присяду на камень-гранит:

Отметина милого дома.
Я слышу, как сердце стучит.

На солнце смотрело крылечко,
Семьёй отдыхали на нём,
Так радостно билось сердечко,
Так нежно грущу я о том.

И плещется речка невинно,
Я сяду на берег крутой.
Фигурки лепили из глины,
А их отмывало волной.

И вас не забыла я, рядом
Погост дорогих мне людей!
Прощаюсь со всеми уж разом,
И с родиной милой моей.

Родина добрая, милая!
Черёмуха, речка, кресты.
Связь между нами незримая
До самой последней черты.

Случай

У каждого отмечен случай,
Который помнится всю жизнь.
Есть худший — будет долго мучить,
А лучшим будем дорожить.

С годами вспоминаю чаще
Старинный маленький вокзал.
Людей в дремоте, крепко спящих
И в дыме сигаретном зал.

Повсюду чемоданы, сумки...
Разноголосый храп и свист.
Осенний дождь вторые сутки,
С берёз слетел последний лист.

На сердце грустно и тревожно:
То стонет дед, то чья-то дочь.
Как наказание — бездорожье!
Не ходит транспорт. Чем помочь?

И клонит в сон, и невозможно
Ни встать, ни сесть и не прилечь...

Я слышу: кто-то осторожно
Коснулся нежно моих плеч.

Она, как многие из зала,
Автобус утренний ждала,
Платком тихонько укрывала:
Скамья на улице была.

Я с нежной грустью вспоминаю
Ту бабу в юности моей.
Грущу, что имени не знаю —
Души нет чище и добрей!

У каждого отмечен случай,
Который помнится всю жизнь.
И пусть он будет только лучшим.
Всем сердцем будем дорожить!

г. Пласт

Зоя Романова

Дуэт

Василий Курочкин жил в деревне Берёзовке со дня своего рождения и слыл добродушным человеком. Он мог поделиться последним куском хлеба, любил природу и трепетно относился ко всему живому, что его окружало. Василию нравилось в своей деревне, здесь он себя чувствовал вольным человеком. Здесь жили в достатке почти все, кто не ленился. Но вдруг неожиданно нежданно наступили тяжёлые времена, как снег на голову свалилась горбачёвская перестройка. Многие люди оказались не у дел и стали покидать насиженные места. Молодёжь устремилась в город и, как будто птица, вылетала из родного гнезда. Покинули родной дом и дети Курочкиных, уехали в город дочь Галина и сын Николай. В Берёзовке в основном остались пожилые и большие люди. Да ещё те, кто, как Курочкин, которые будто вросли корнями в землю-матушку.

«Куда нам ехать, нас никто нигде не ждёт. Пока руки и ноги двигаются, будем трудиться, здесь наш дом родной, — рассуждал Курочкин. — Мы здесь стали как родные и на помощь друг другу придём в тяжёлом случае, одного человека в беде не оставим». Часто бывало, нарабатывается Курочкин чуть ли не до упаду и торопится скорее помыться да поужинать, и на лавочку возле дома присесть, и всегда берёт с собой гармошку. Жена его — Лида — тоже старается побыстрее управиться по дому и рядышком присесть с мужем. С ними же, ни на шаг не отставая, бежит преданная собака Динка. Она весело повизгивает от радости, что вместе все собрались на отдых. Зазвенит гармонь, и польются по деревне весёлые, задорные песни и частушки в исполнении супругов Курочкиных, а к ним присоединяется и Динка, подражая хозяевам. Она прыгает и визжит от радости. Услышав «выступление» Курочкиных, на помощь появляются соседи и, как бы ни устали, все равно спляшут и споют да новостями поделятся. И так становится сразу легко на душе, и жить хочется, радуясь добрым делам и чистосердечным отношениям. А жизнь сразу наполняется смыслом. Деревня породнила и сблизила многих людей. Но перестройка разрушила все планы и надежды деревенской жизни. Шло время, ветшала деревня, старились люди. Некому стало обихаживать дворы — то забор упадёт, то ворота покосились и не закрываются, то печь дымит — беда для стариков. И тогда со слезами на глазах просят помочь они Василия: «Помоги, милый, заплачу, сколько скажешь!» — еле выговаривая слова, просит старушка.

«Ну, как тут не пойдёшь!» — рассуждает Курочкин и идёт вместе с Динкой. Работу выполняет, а деньги брать неудобно, не привык. Как дорогого человека приглашают Василия за стол и угощают, чем могут, и без спиртного не получается. Так и пристрастился Курочкин к этой проклятой выпивке, а затем шутки ради возьмёт да Динку угостит. И загудели они оба с преданной своей подружкой. А тут жена Лида уехала в город к дочери надолго, чтобы помочь: маленькая внучка тяжело заболела.

Курочкин домой не торопился. «Там все равно никто не ждёт», — рассуждал он. Но однажды присели они с Динкой на крыльцо. Василий бутылку с водкой поставил возле себя,

чтобы без отрыва от «производства» себя снабжать и Динку. Он ловко выводил на гармошке разные мелодии и пел вместе с Динкой: «На крылечке моём каждый вечер вдвоём мы подолгу сидим и расстаться не можем никак», — пел Курочкин.

Динка была так довольна и завывала до визга, а Курочкин даже прослезился на радостях от таких душевных слов в песне. Как вдруг во двор стремительной походкой забежала жена его — Лида — и, заливаясь горькими слезами, громко закричала: «Дуэт организовал, значит, бессовестный! У меня горе, а у тебя радость! Сколько ты будешь меня мучить этой пьянкой? И за что меня только Бог наказал? Лучше бы ты на печке лежал, как Емеля-дурачок, ничего не делая, бесстыжий!»

«Не ругайся, Лида, мне стариков жалко. Ну, угостят они меня, что в этом плохого?»

«Уеду, завтра же уеду! Живи тут один как хочешь, сил моих больше нет терпеть эту пьянь, до чего ты докатился!»

Василий тяжело поднялся и, уткнувшись лицом в плечо жены, вдруг заплакал.

«Прости меня, Лида, но как смотреть трезвыми глазами на всё, что творится вокруг! Не выдержал я тут один-одинёшенек, вот вино да Динка вырчали меня. Этим я успокаивал только свою душу».

Лида тихо произнесла: «Мы с тобой, Вася, прожили большую жизнь в согласии и любви и должны быть примером для своих детей до конца своей жизни! Пойми меня, я хочу тебя видеть настоящим мужчиной. Мы должны с тобой выстоять ради своих детей» И они, обнявшись, пошли в свой дом.

г. Конейск

Неонил Осмачко

Студенческие байки

Кто испытал счастье быть студентом, знает великое множество студенческих баек. Сейчас их называют «приколами». Вот некоторые из них.

* * *

Лекция по неорганической химии. Пишем формулы, уравнения, тема «Йод».

— Скорей бы конец, — шепчет моя подруга.

Сочувственно вздыхаю. И, словно услышав наши мысли, преподаватель положил мел и обращаясь к аудитории, начал:

— Йод — нестойкое соединение и при попадании влаги вспыхивает. И вот один пятнадцатилетний лоботряс насыпал его в ночной горшок своей бабушки.

Под звон звонка и хохот студентов уходит.

* * *

Тот же преподаватель. Лекция, тема «Кислород». Обстановка та же. И за минуту до звонка опять байка: «В Бельгии очень медлительный, обстоятельный народ: прежде чем жениться, ухаживают три года; оперный спектакль играют восемь часов, и так все. Группа ученых решила как-то расшевелить народ и изобрела установку для обогащения воздуха кислородом и еще кое-чем. В результате девушки стали пачками выходить замуж; оперу сыграли за один час, на инструментах порвали струны. Все ускорилося. Хаос. Ученые схватились за голову и прервали эксперимент. И все вернулось на круги своя».

* * *

Перерыв между парами двадцать минут. С шумом и смехом студенты несутся к буфету. Время непростое — тысяча девятьсот пятьдесят второй год. Частоколом выстраивается очередь. В витрине красуются бутерброды с разными наполнителями: начиная с повидла и кончая конской колбасой. Буфетчица, стоя на своем возвышении, просит:

— Пожалуйста, деньги готовьте заранее.

Подходит высокий, плотный доцент Балувев. Очередь раздвигается, как автоматические двери магазина, освобождая ему место. Буфетчица вся внимание. Доцент указывает перстом на бутерброд с колбасой и вопрошает

— Это колбаса конская?

— Конская, конская, — с готовностью отвечает продавщица.

Балуев многозначительно молчит, а потом выдает:

— Вот почему я вчера, съев бутерброд с колбасой, шел посреди дороги, ржал и высоко поднимал ноги.

И чувством исполненного долга удалился под хохот студентов.

* * *

Мы не только учились, но и посещали коллективно театр, оперу, оперетту. В один из таких дней сразу после лекций в театр. Соответственно выглядели. Завершающая лекция «Органическая химия». Преподаватель внешне похож на В. И. Ленина, смотрит на меня и, указывая указкой произносит:

— Ванька-ключник — злой разлучник.

До сих пор не могу понять, что сподвигло его сказать это.

* * *

Лекция по животноводству идет в здании ветеринарного факультета. Читает профессор мединститута Полтырев. Места слушателей амфитеатром поднимаются кверху. Кафедра профессора внизу. Рассказывая о животных, проводил параллель с человеком. Материал забивался, как гвозди, и усваивался мгновенно. Я сижу рядом с подругой и вижу: внизу у профессора под ногами бегают белые мыши. И вдруг чувствую, как что-то теплое, мягкое царапает мои ноги. С перепугу я вскочила и заорала. Профессор прервал лекцию:

— Что с вами?

И я промычала:

— Там мы-ы-ыши...

Он огляделся вокруг себя, увидел убегающую мышь и сказал, обращаясь к аудитории:

— Существует поговорка: «Моча стукнула в голову». Запомните, проводящих путей между этими органами не существует». — Я сгорела от стыда. А моя соседка подняла смеющееся лицо от стола и сказала, вытирая слезы от смеха:

— Это я уронила ручку и искала её внизу.

У меня не было слов. Просто треснула её тетрадкой по голове. А толку?

* * *

Лекция по общей химии. Лектор объясняет понятие «энтропия».

— Запомните, студенты. Энтропия — это количество энергии в системе, и она должна быть всегда больше нуля. То есть если она больше нуля, то вы веселы, игривы и прыгучи.

Если она равна нулю, то вы находитесь где-то на хирургическом столе. А если она меньше нуля — то над вами памятник и оградка.

Лекция окончена. Студенты посмеиваются: «Мы перед каждым экзаменом стараемся сохранять энтропию, а то как проворонишь, то все, на институте можно поставить крест, даже можно без оградки».

г. Миасс

Галина Савельева

А время мчит неумолимо

* * *

Под зов весны, теплом манящий,
Вошёл ты в мир, как лучик счастья.
Истоков крепкое начало
Ещё ни в чём не подкачало.

«Звезда пленительного счастья»
Спасает от невзгод, ненастья.
И жизнь в стремительном круженье
Приносит радости мгновенья.

* * *

Ни детства робкие полёты,
Ни звонкой юности высоты,
Ни дерзкий путь к мечте крылатой
Не преградят грозы раскаты.

В уменьше времени порхать
Нам невозможно всё понять.
Но каждый год мечты полёт
Крупницу истины несёт.

А время мчит неумолимо.
Всё прошлое — неповторимо.
Как трепетны родных заботы!
Берёшь крутые повороты.

Лета тёплое дыханье
И твоё очарованье
Силой волшебства богато —
Исчезает мрак куда-то.

Спешишь наперекор ветрам.
Дом — одухотворённый храм.
Цепочка дружественных душ:
Орлёнок — сын и витязь — муж.

Если жерло огневое
Встанет гневно над землёю,
То духовное сплоченье —
Фактор жизни сохранения.

г. Снежинск

Наталья Ушкова

Сказочные истории*

Часть третья. Ирония судьбы

Пятнадцать лет
С тех пор прошло.
Снова солнышко взошло,
Утро пышет красотой,
Разогнав ночной покой,
Апанас опять в заботе:
Снова думал о болоте.
Есть подмога у него —
Всё завидует село.
Сын красавец и умён —
Ну ничем не обделён.
Папу с мамой почитает,
Да на «Вы» их величает.
Всё горит в его руках,
И душа его в размах!
Он и спляшет, и споёт —
Ну нигде не отстаёт!
Вот пришли с сынком к болоту
Устранять зимы заботу.
Приступили враз к косьбе.
Ветерок уснул в траве.
В ритм идут, траву кладут,
Комары в траве снуют.
Но за сыном не угнаться —
Можно с душенькой расстаться.
Враз управились с травой.
И батяня на покой:
Лёг немного отдохнуть
Да в теньке на час соснуть.
А сынок промежду дела
Знал: брусничка уж поспела.
Взял плетёнку да к болоту:
Хлопцу ягонок охота.
Наполняет он корзину,
Взгляд заметил — точит спину —
Оглянулся. Обомлел!
Леший на него смотрел.
Парень жутко испугался,
В сторону чуток подался.
Леший взгляд не отводил,
Разговор не заводил.
Сердце что-то защемило,
Под лопатками заныло.
Пролетела стрекоза,
Выпучив свои глаза.

Парень взгляд не отводил,
Глазами Лешего сверлил.
Лешему глаза знакомы.
Пот прошибло до истомы,
Только, как он ни старался,
Мучил память, напрягался,
Вспомнить всё-таки не смог.
Потому был с парнем строг.
Исподлобья посмотрел,
Убираться вон велел.
Три дня покой не знал:
Где ж те глазонки видал?
Не терзать же память вечно —
Да забыл об этой встрече.
Ещё годик пролетел,
Батяка снова на задел:
Дров на зиму заготовить,
В стужу хату успокоить.
Вместе с Лёшенькой на пару,
Радуясь лесному дару,
Всю площадку загрузили
Да до дому покатали.
Старший правил лошадьми,
А Алёшенька в тени
Ягод захотел набрать
Да себя побаловать.
Горстки две уже собрал...
Вдруг девицу увидал.
Дева по лесу гуляла,
Тихо песню напевала.
Косы чёрные, густые,
Глазки кари — не пустые!
А фигурка ладненька,
Смугла кожа — гладенька!
Как в глаза ей заглянул —
Понял: он в них утонул!
Дева в лес быстрее бежать,
Ну а Лёша догонять.
Просит деву не бояться,
На минутку задержаться.
Парень силушку имел —
Девушку догнать успел.
«Ты откуда появилась?
Где так бегать научилась?
Как зовут тебя, краса,
Заплетённая коса?
«Моё имя — Настенька.
Волк со мной зубастенький».

Волк в стороночке стоял,
Страшен был его оскал.
«Эй, оставь меня в покое!
Я боюсь его — не скрою».
«Фу! Ко мне, — сказала Настя, —
Чтоб подальше от несчастья».
Завязалась их беседа.
Молодые непоседы
Долго по лесу гуляли,
Обо всём позабывали.
Леший дочь по лесу ищет,
С вороном повсюду рыщет.
Только к вечеру нашли:
Ох, далече же ушли...
Страшно Леший разозлился —
Парню в горло он вцепился.
Апанас сыночка ищет,
По лесу он волком рыщет.
Ладно вовремя успел:
Лёха чуть не околел
Под руками Лешего,
В ярости пришедшего.
И опять папаши драться —
Кулачищами махаться!
Тут Кикимора примчалась
И Одарка оказалась:
Мужа еле догнала,
Почернела, будто мгла.
В это время Ангел в небе
Плыл на тучке, таял в неге
И смотрел с небес на землю.
Видит драку: «Не приемлю
Беспорядок на земле!
Не живётся в тишине!
Что вы здесь не поделили?
Бой кулачный учинили!
Семьями войной пошли!
До чего же вы дошли?!»
Сеть на драчунов накинул,
В кучу плотненько их сдвинул,
Приказал стоять столбом,
Обливая всех дождём.
Воротился к Богу в Рай
И рассказывать давай:
«Плыл на тучке я лениво,
Облака кидал игриво,
За порядком наблюдал,
О любви в пути мечтал.
Был нарушен мой покой
Криком, дракой и хулой.
Семьями друг друга били —
Беспорядок учинили.

Для смиренья сеть накинул,
Чтобы пыл с души их сгинул».
Господь Ангелу ответил:
«Молодец, что зло приметил,
Сеть смиренья применил,
В дружбе жить их убедил».
Ангел с неба опустился,
Долго с ними не возился:
Сети буйство усмирили,
Чудо с ними сотворили!
Ангел совести прибавил,
В душу каждому добавил.
Ангел в небо улетел —
В мире жить он им велел!
Разошлись по сторонам,
Стыдно стало драчунам —
Ночью совесть мучила...
Утром весть озвучили?!
И призналась тут Одарка,
Что от Лешего подарки
Да что Лёшенькин отец —
Леший, хоть он и подлец.
Да Кикимора в ответ
Лешему дала совет.
Совесть Ангел ей вложил —
Дочку ей хохол прижил.
Так что вместе поутру
Да к болоту... по добру.
Встретились опять враги,
На том закончились торги!
Вечером все за столом.
Но ни слова о былом,
Леший на сынка глядел:
Вылитый в него пострел!
Вот где глазоньки я зрел:
Он их от мамы поимел.
Хохол доченькой гордился.
Да... курьёз тут получился...
Говорю, как на духу,
У всех у них лицо в пуху!
То судьбы ирония
Да любви гармония!
Свадебку зимой сыграли.
Подрались? Ну нет, едва ли!
Ангел с неба проследил,
В мире жить их убедил!
К осени крестины,
Внука именины!
Закончилась история
«Болота территория».
Записана на внука
С печатью! Вот так штука...

Агаповский район

Светунец

Венок сонетов по В. Богданову

1.

Ходят ветры вечерние кротко,
Юный месяц, ну ловок каков,
Величавой небесной походкой
Занял место среди облаков.

Эх! Вот так же светиться и мне бы,
Чтоб доверие сохранить,
Серебристой улыбкою в небе
Успокаивать мир и манить!

Чтоб уйти в неизвестные дали,
Где рассудок и разум молчит,
Где с тобой мы друг друга не знали,
Где чуть слышно в волшебной ночи,

Заглушая биенье сердец,
Гнутся травы от росных колец.

2.

Гнутся травы от росных колец...
Где-то песня в ночи прозвучала.
Но ведь это еще не конец!
Это, знаете, только начало.

Будет утро, и месяц уйдет,
Солнце радугу выгнет тугую.
И уже кто-то громко поет
Незнакомую песню, другую.

Так и день незаметно пройдет
По законам природы, не споря,
И над нами опять разольет
Голубое небесное море,

Чтоб на нем одинокою лодкой
Новый месяц обрамился четко.

3.

Новый месяц обрамился четко,
Светлый князь в окружении звездном.
Только не подвела бы погода,
Вечер будто для таинства создан.

Камышинки притихли у речки,
Тополь возле крыльца задремал.
Только где-то стрекочет кузнечик,
Словно песенку недоиграл.

Народившись для светлых событий,
Свежий месяц сверкал с высоты
Иллюстрацией сказок забытых,
Эталон неземной красоты!

Не беда, что пока ты юнец,
Наполняйся огнем, Светунец!

4.

Наполняйся огнем, Светунец!
На просторах разгуливай млечных!
Не укрыть и не спрятать в ларец
Эту щедрость — она бесконечна.

Всем светло от такого огня,
Он и светит нам, и согревает,
Одаряя не только меня,
И другим этой сказки хватает.

В ней и я стал богат, как купец,
Обращайтесь! Не буду таиться.
Я не жадина и не скупец —
Так и хочется поделиться,

Засветиться в порыве едином,
Восходя из росистой низины.

5.

Восходя из росистой низины,
Заклубился туман по овражкам,
По зеленым просторам озимых,
Лопухам, василькам и ромашкам,

Завораживая и пугая,
То маня неземною прохладой,
Словно в кущах библейского рая,
А другого мне рая не надо.

Месяц светит среди звезд хоровода —
Завтра будет тепло по приметам.
Ведь не зря это чудо природы
Посылает нам лучики света,

Выплывая из крон тополей,
Из простора лугов и полей.

6.

Из простора лугов и полей
Потянуло вечерней прохладой.
Над колодцами — тень журавлей,
В тень укрылись кусты и ограды.

Ночь-волшебница чудо вершит,
Непонятное и долгожданное,
Добросовестно и от души
Под небесным зонтом мироздания.

Только, знаешь, ты не торопись,
Чтобы миг торжества не ушел.
Все ли сделано? Оглянись
И сверкающим в небе ковшом

Из небесной бездонной святыни
Зачерпни свет серебряно-синий.

7.

Зачерпни свет серебряно-синий,
Необычный, ласкающий глаз.
Дай нам смелость, уверенность, силы
И большого терпенья запас.

В этом светлом волшебном потоке
Каждый сможет найти приключение,
Позабыв обещастья и сроки,
И в мечту унесет нас течение.

Там, забыв про заслуги и званья,
Сразу станем другими людьми.
Капли нашей любви и желанья
В свой поток без упрека прими.

Забери! Подержи! Полелей
И обратно на землю пролей.

8.

И обратно на землю пролей
Все, что ей лишь и предназначалось.
Нету ближе ее и родней,
Поделись с ней, хоть самую малость.

Ведь на этой земле мы с тобой
От заутрени и до вечерни
То встречаем рассвет голубой,
То любимся небом вечерним.

Хоть, конечно, признаться пора,
И она тоже разной бывает:
То спокойна, грустна и добра,
То раскатами грома пугает,

Словно рык из медвежьей берлоги...
И замечутся тени в тревоге.

9.

И замечутся тени в тревоге,
Закружась в фантастической пляске.
Овны, Девы, Весы, Козероги
Подчинятся космической сказке.

Может, влиться и нам в этот круг?
Мы друг друга пойдем с полувзгляда
По движению сцепленных рук —
Даже хлопать в ладоши не надо!

И забудем мирские заботы,
Был бы свет, указующий путь.
Мы — к нему! С уваженьем, с охотой,
И желания нет, чтоб свернуть...

Если так, мы и дальше пойдем,
Ослепленные острым огнем.

10.

Ослепленные острым огнем,
Прикрываясь от света руками,
Может быть, лишь тогда мы пойдем,
Что во всем виноваты мы сами.

Что мы просто слегка увлеклись,
А поэтому и не боимся.
Жизнь одна! За нее и держись!
Мы в конце концов договоримся.

Добиваясь согласия во всем,
Мы отправимся в новый поход.
Все равно мы куда-то придем,
Луч спасительный не подведет,

И согреет надеждою многих,
И никто не собьется с дороги.

11.

И никто не собьется с дороги,
Мы пройдем по светящимся вехам.
Покидая родные пороги,
Быть уверенным надо в успехе.

Все получится, коль захотеть:
В ожидании добрых вестей
Засмеяться иль песню запеть,
Пригласить долгожданных гостей.

Мы, развесив повсюду огни,
Так раскрасим унылые будни,
Чтобы праздником стали они,
Я и Ты, мой светящийся спутник.

Как мы счастливы будем вдвоем
В неподкупном свеченье твоём!

12.

В неподкупном свеченье твоём
Мы фантазий картины развесим:
Было старое? — Стало новым!
Было грустно? — А стало всем весело!

Вмиг исчезла унынья печать.
Кто-то скажет, что так не бывает,
Чтоб пропала бесследно печаль
Та, что сочные травы сгибает.

Но! Прислушайся! Где голоса?
Тишина... Светит месяц лукаво,
И стекает беззвучно роса
На зеленые сочные травы.

Почему, понял я наконец,
Гнутся травы от росных колец...

13.

Гнутся травы от росных колец,
Легким бисером капли стекают...
Что же я так волнуюсь, глупец?
Видно, нынче судьба их такая.

Завтра в солнечных теплых лучах
Станут капли прозрачным туманом,
Затеряются в мелочах
И с ума сведут пьяным дурманом.

А пока на просторах ночных,
Загрустив над притихшей водой,
Заблудившись среди звезд озорных,
Только месяца серп молодой,

Справедливости, правды истец.
Наполняйся огнем, Светунец!

14.

Наполняйся огнем, Светунец,
Прогоняя причины для грусти.
Нынче в помощь тебе сам Творец!
А уж он-то беды не допустит.

Всем известна его доброта,
Без которой ни шагу шагнуть.

Знает он, где проходит черта,
За которой скрывается суть.

И тогда наконец я пойму
Где находятся счастья ключи.
Он укажет! Я верю Ему!
Потому-то в волшебной ночи

Слышу я, как неслышной походкой
Ходят ветры вечерние кротко.

15. (В. Богданов)

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец...
Новый месяц обрамился четко —
Наполняйся огнем, Светунец!

Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!

И замечутся тени в тревоге,
Ослепленные острым огнем,
И никто не собьется с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

Гнутся травы от росных колец.
Наполняйся огнем, Светунец!

г. Челябинск

Павел Хрцко

Капитанский сын¹

повесть
(в сокращении)

Часть вторая. Опасное задание

4. Такыры

Когда из-за чёткой линии небостыка показалась малиновая краюха солнца, сводный отряд достиг уже первого приметного рубежа. Ровная цепочка небольших, крепко солёных озёр тянулась с севера на юг, уходя за горизонт.

Внимательно присмотревшись к местности Андрей решил, что это бывшее русло древней огромной реки, и высказал предположение поручику Юматову, своему заместителю, который увлекался историей, тот неопределённо пожал плечами и удовлетворённо хмыкнул:

— Глазастый же ты, Прохорыч. Здесь действительно когда-то могла течь река, а ещё раньше, как предполагают, было огромное море, от них только озерца и остались.

А впереди до самого окоёма бурела глинистая солончаковая пустыня без кустика, без травинки, разбитая на аккуратные квадратики потрескавшейся земли. Ни птиц, ни букашек, ни даже надоедливых слепней, доселе мучивших коней, здесь не было.

— Омертвелая земля, — думал Крылов. — Неужели здесь могут расти тюльпаны? — поинтересовался он у Юматова во время краткой передышки.

— Растут, Прохорыч, да ещё какие красивые — взгляд не оторвёшь: и красные, как закат, и синие, как небо, и жёлтые, как песок, но самые красивые, пожалуй, пурпурные.

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 4-2016.

Тут же весной бывает и влага, но недолго, до первого суховея, — разошёлся начитанный поручик. — У этих азиатов каждому цвету своя легенда. Красный тюльпан будто от крови юноши, разбившегося о скалы при известии о смерти возлюбленной, а оказалось, что весть была ложной, и девушка хранила верность до конца жизни. Жёлтый тюльпан вроде как приносит счастье, но только чистым душам, особенно детям. Персы уверяют, что с непорочной прелестью тюльпана не может сравниться даже роза.

— Удивляюсь я твоим знаниям, Алексей, а отчего эти солончаки образуются, знаешь? — поинтересовался Крылов.

— Да, будто от сильной жары вода поднимается и уходит в испарение, а соль в земле остаётся.

Подскакавший от арьергарда вахмистр прервал рассуждения Юматова:

— По моим расчётам, Андрей Прохорыч, мы прошли половину пути, ещё столько же, и будем пить водичку из Тобола. Но впереди, пожалуй, самое трудное: такие вот такыры, мёртвые озера, жара, и не дай бог подует горячий южак, кони его не переносят, а вот верблюду хоть бы хны, чудно.

* * *

После краткой передышки отряд снова двинулся в путь. Кони, будто понимая, сами стремились поскорее уйти из этой неживой земли, сами переходили в галоп, снова рысь и опять в галоп. Командир не сдерживал коней и, пока солнце не достигло зенита, старался пройти как можно больше. Но безжизненное однообразие угнетало, лишь изредка попадались жалкие метёлки седой полыни, жёсткие, как проволока, кустики тамариска, верблюжьей колючки, и до самого горизонта тянулась потрескавшаяся от жары коричневая чешуйчатая твердь.

К полудню светило разъярилось окончательно, кони стали чаще переходить на шаг, крупы их покрылись ошмётками пота, ножны, оружие, стремена, пряжки ремней накалились так, что к ним было опасно прикасаться. Бездонный зев неба удручал полинявшим ситцем, приводил в уныние, казалось, этому безрадостному пути не будет конца.

Но вот вдали, у самого небосклона, Андрей заметил узкую белёсую полосу, то ли мираж, то ли спасительные тучи. Размышления Андрея развеял подъехавший вездесущий вахмистр:

— Господин поручик, докладую, тыловые дозорные углядели трёх конных, за нами тянутся, не отстают. Но нас они обойти пока не могут, их коняки притомились поболее наших. Их бы перехватить, да время потеряем.

— И что ты, Иван Ипатыч, предлагаешь? Ловушку им сделать?

— Нет, Андрей Прохорыч, останавливаться нам ни в коем разе нельзя. Видите, вдали белёсая полоска? Это гряда, за нею вторая цепочка озёр. Там бы сделать привал, а заодно и хвост отрубить.

— Ну-ну, — с сомнением протянул поручик и добавил потише: — Колоти, бейся, а на фарт надейся.

— Не расслышал, что вы сказали, Андрей Прохорыч.

— Да, это я про себя, не тревожься, Ипатыч.

Крылов после сообщения о преследующих соглядатаях чётко представил себе всю картину. Идущий в клубе пыли его конный отряд, все охранения, направление движения — местность открытая, всё как на ладони. Их давно уже пересчитали, и коней, и служивых, дело за малым — предупредить шайку разбойников.

Когда до гряды оставалось не более двух вёрст, пахнуло встречным ветерком и долина пошла под уклон. Кони, почуяв благодатную влагу, заторопились, перешли на рысь и вскоре отряд уже огибал вытянутую в форме сапога песчаную косу, белёсую от солончаковой полыни. Если бы не каменистое основание преграды, можно было подумать, что её правильную форму сотворили разумные существа.

— Удобное место для обороны, — подумал Крылов, спешившись, бросил поводья ординарцу и по осыпающемуся склону взобрался на вершинку гряды. В подзорную трубу, насколько хватал глаз, была видна ровная, как стрела, взрыхлённая копытами коней полоса, а почти у самого горизонта по этой же меже двигалось несколько тёмных точек. Приглядевшись, поручик рассмотрел трёх всадников. Они ехали шагом, не спеша, и как будто лошадки их не выглядели заморёнными.

Подозвав Юматова и вахмистра, Андрей сообщил им об увиденном и спросил:

— Какие действия теперь предпримет противник?

— Да что тут гадать, — с трудом ворочая от жары языком, промычал Алексей, — останавливаться, выждут, пока мы тронемся, и следом за нами.

— Не-не, господин поручик, — завозражал вахмистр, — у них теперь другая задача: как нас незаметно обойти и оторваться, нюхать наши хвосты им теперь ни к чему.

— Да, если это не простые попутчики, то им теперь всё о нас известно, — задумчиво произнёс Крылов и построжавшим голосом добавил: — Пока все отдыхают, распорядись, Алексей Михалыч, наладить усиленный дозор к северной оконечности озера. Вряд ли они попытаются обойти нас с юга, по солончаковой пустыне. Их кони притомились не меньше наших.

Вода в этой довольно большой, вытянутой с севера на юг котловине тоже оказалась лишь слегка солоноватой, её с удовольствием пили и кони, и люди.

— Тут, поди, и карасишки водятся! — кричал возбуждённый купанием казак Пичкиряев. — Эх, жаль, бредешка с собой не прихватили, а то, гляди, и жарёху бы изладили.

— Да, ты, Пичкиряй, и сам-то ожарел, как печёный окорок, хоть коли да ешь, — кричали ему с берега.

— Не, я невкусный, во мне дерьма много, ить одну джурму едим. Джурма в завтрак и обед, воды много — мяса нет.

Пока поручик Юматов, оглядывая драгун, думал, кого бы назначить в дозор к северной оконечности озера, к нему обратился капрал Понятовский и сам напросился на этот дальний пост. Поручику, доброму по натуре, жалко было отрывать истомившихся солдат от купания, и он, облегчённо вздохнув, приказал капралу взять с собой пару добровольцев, а сам, снимая на ходу рубаху, побежал к озеру.

Там уже кипела вода от растелешённых служивых. Брызги, смех, гогот, крики эхом отдавались от косы и таяли в безмолвной степи. Подалее, на мелком месте, отмывая щётками ошмётки пота, купали коней. Те неистово выражая свою радость, бешено били копытами по воде, забрызгивая и себя и коневодов.

На самом высоком месте гряды, растирая прохладные свои телеса после купания, стоял прапорщик Александр Игуменьшев, пристально рассматривая в подзорную трубу дальние точки на горизонте.

Дюжий драгун, недавно прибывший в Троицкую крепость на службу, он удивлял Крылова своей любознательностью и расторопностью.

Сын состоятельного отставного полковника, он не кичился своим положением и почтительно, как и подобает по субординации, относился к своему командиру Крылову, и тот доверял ему самые ответственные задания. Вот и теперь, когда все служивые отдыхали, наслаждаясь краткой передышкой, прапорщик исполнял службу старшего дозорного. У него и конь был особенный, отборный жеребец, выторгованный им на Троицкой ярмарке за собственные деньги. Своенравный и гордый, чета хозяину, он в любой скачке норовил идти первым. Теперь он стоял у подошвы косы, хрумкал овёс и косил глазом на хозяина.

Прапорщик вдруг заметил, что далёкие, еле заметные три точки, за которыми он следил, вдруг покатались вправо и скрылись из виду. Прапорщик тщетно шарил по всему горизонту, но так их и не обнаружил. Не желая пока беспокоить командира, он сам пытался понять дальнейшие действия соглядатаев. По всей вероятности, они поняли, что отряд стал на отдых и, заметив, что за ними наблюдают, решили утянуться в сторону. «Но вряд ли они будут ждать, — думал прапорщик, — теперь у них самый удачный момент, чтобы выйти к соседнему озеру и обойти нас севернее, как говорил командир, хотя без отдыха они вряд ли далеко ускачут».

Игуменьшев стал осматривать северную оконечность озера. Через увеличительные стёкла хорошо была видна тройка осёдланных коней, стоявших кружком, голова к голове. Они, помахивая хвостами, будто о чём-то шептались. На берегу белела одежда, сброшенная в кучу оружие, три человека с чёрными, как головёшки, загорелыми лицами, блестя телесами, плескались в воде.

«Хороши дозорнички, плещутся как утки, даже охранение не выставили, подумал прапорщик, — бери их голыми руками. Интересно, кто у них там за старшего?»

* * *

Понятовский всё время похода чувствовал свою неприкаянность. Отряд был сформирован помимо него. Во всех пяти отделениях драгун были свои десятники, и не мог же он, капрал, хоть и бывший обер-офицер, дворянин, шляхтич подчиняться младшему по званию, да ещё холопу. Отношения с офицерами тоже были неопределёнными. Поручик Юматов, тихоня, лишь сочувственно на него поглядывал, но от общения уклонялся; громила-прапорщик старался его не замечать, чурался, видимо, зная о разжаловании. Крылову же капрал старался на глаза не попадаться, но поляк знал, что его приписал к отряду сам бригадир, знал свою задачу: быть ушами тайного сыска, и вёл себя довольно раскованно.

Взяв двух драгун, Понятовский отправился к дальнему концу озера. Солончаки здесь, видимо, отступали, берег кое-где был затянут мелкой травичкой, вытеснившей седые

проплешины задубелой солёной корки. В полуверсте открывалось зеркало ещё одного, неширокого, но весьма длинного озера с кустарником по берегу и густыми камышовыми зарослями. Придонные родники здесь хорошо опресняли воду, давая волю растительности.

Ни слова не говоря подчинённым, капрал разделся донага, осторожно вошёл по пояс в воду и, смешно приседая, стал окунаться. Плавать он, видимо, не умел или боялся неизвестного места, стоял на месте и в глубину не шёл. Драгуны, не получив никаких указаний от старшего и видя его боязливость, мигом поснимали свою пропылённую амуницию и с весёлым гоготом попрыгали в воду, поднимая тучи брызг, затеяли шумную возню, а затем наперегонки поплыли к другому берегу.

Понятовскому наскучило кинуть в воде и он, выходя на сушу, невольно кинул взгляд на соседнее озерцо, и то, что он увидел, повергло его в ужас. Там, за кустами, пригибаясь, ведя коней в поводу, осторожно продвигались три кочевника в малахаях. Выйдя на открытое место, они мигом вскочили в сёдла и ускакали вперёд, оставив за собой только лёгкое облачко пыли. Два других драгуна по очереди подныривали друг под друга и ничего не заметили.

Капрал, судорожно натягивая одежду и глядя вслед удаляющимся всадникам, сосредоточенно искал выхода из создавшегося положения. «Если доложить о случившемся, — думал он, — то возникнет много нежелательных вопросов: почему не доглядели, почему не подняли тревогу, почему не выставили охранение?» Ответ был только один и не в пользу него, капрала, недооценённого человека со «знатной фамилией». Понятовский решил промолчать, как будто ничего не видел, тем паче что свидетелей, как ему казалось, не было.

5. Погоня

Игуменьшев, глянув ещё раз в сторону заката, перевёл взгляд к северу. Там по-прежнему два служивых беспечно плескались в озере, а третий, натягивая исподнее, стоял к нему спиной. Восточнее озерца, в колеблющемся мареве, он вдруг заметил облачко пыли и, всмотревшись, разглядел силуэты трёх быстро удаляющихся всадников. Сомнений у прапорщика не было. То были преследовавшие их степняки. Выхватив свои кобурные пистолеты, Игуменьшев раз за разом разрядил их в воздух.

Весь лагерь вмиг всполошился. Все повскакивали, расхватили оружие и усталились на вершину гряды, откуда раздались выстрелы. Прапорщик стремительно, едва не падая, скакал с холма и, подбежав к Крылову, доложил, что тройка кочевников обошла охранение и продвигается в восточном направлении.

У поручика сразу же возник вопрос, требующий немедленного объяснения, почему его не заметил боковой дозор. Во время спохватившись, что теперь не это главное, Крылов приказал бросить в немедленную погоню пятёрку самых быстрых коней — всем остальным двигаться в том же направлении.

— Господин поручик, — обратился прапорщик к Андрею, — дозволейте в погоню. С моим жеребцом вряд ли кто может потягаться.

Подошёл ещё один драгун, сержант Алексей Бордовский, и вахмистр отрядил свою тройку отборных казаков: Никишина, Мишарина да вездесущего Пичкиряева. Старшим Крылов назначил Игуменьшева, строго-настрога наказав: «Если хоть одного упустите, быть беде».

Препоручив запасных коней своим отделенным, пятёрка служивых кинулась в погоню. Жеребец прапорщика сразу же вырвался вперёд, пошёл карьером, врасстяжку, за ним цепочкой вытянулись и остальные конники.

Пригнув голову к самой гриве коня, как на скачках, Александр обдумывал на ходу сложившуюся ситуацию. С момента тревоги прошло чуть более получаса, и беглецы не могли уйти далеко, к тому же и кони их, не получив хорошей передышки, вряд ли способны быстро двигаться. Места были открытые, безлесные, порой лишь жиденькие кусты тамариска, солodкого корня да полыни сиротливо выбивались из коричневой чешуйчатой тверди.

Рассыпавшись веером и придерживав коней, служивые стали приглядываться к земле, искать следы, и вскоре казак Мишарин, самый остроглазый, заметил повторяющиеся выбоины, оставленные подковами. След был ровный, неширокий, но чёткий. Они шли один за одним, это их и выдало. Если бы они двигались россыпью, заметить следы было бы труднее. Погоня продолжилась. Жеребец прапорщика опять вырвался вперёд, увлекая остальных.

— Вон они, — крикнул Мишарин, — верстах в двух, лошадки-то у них заморились, еле телепают, стяс мы их нагоним.

Кони пошли в галоп, и расстояние стало быстро сокращаться. Заметив погоню, кочевник, скачущий последним, стал приотставать, а потом вдруг резко взмахнул рукой, как будто что-то выбросил. В это же время прапорщик резко свернул влево, стремясь выйти наперерез. И тут случилось что-то непонятное. Конь сержанта Бардовского, идущего след в след за крайним кочевником, вдруг неистово заржал, взвился на дыбы и рухнул на колени. Сержант

перелетел через голову своего скакуна и глухо ударился о землю. Скачущие следом казаки мигом спешили. Двое подбежали к сержанту, а третий, Мишарин, бросился к упавшему коню, и то, что он увидел, привело его в дикое негодование:

— Вот же, нехристи поганые, — запричитал по-бабьи Мишарин, — убивай ты меня калёным железом, но зачем же коня калечить! Они ж, гады, «чеснок» разбросали.

Подскочившие казаки увидели торчащие острые иглы из-под копыта передней правой ноги. Оглушённый падением, поднялся и сержант, отряхивая пыль с мундира, подошёл к лежащему коню и нежно погладил его влажную морду:

— Ах ты, горе-то какое! Что делать теперь, пропал мой Кашеюшка.

Видя, что остался один против трёх сабарманов, прапорщик развернул своего Казбека и подскочил к казакам, сгрудившимся у лежащего коня.

— Вы что, братцы, остановились! Они ж уйдут от нас!

— Никуда они от нас не денутся, господин прапорщик, — забасил Никишин, — доставая из перемётной сумы какую-то склянку, — чичас-от маштачку ногу подлечим и далее поскачем.

Разгорячённый погоней Игуменьшев хотел резко оборвать урядника, но, видя сосредоточенные лица казаков, решил не перечить человеку, годящемуся ему в отцы.

— А ну-ка, прижмите его голову к земле да ноги покрепче держите, навалитесь, — командовал Никишин и, перекрестившись, осторожным движением вырвал окровавленный шип из ноги бедного коня. Дав стечь крови, промыл водкой рану, смазал её каким-то коричневым снадобьем, достал кожаный раструб, надел на больную ногу и примотал ремнём. — Ничего, рана неглубокая, кости целы, а мясо нарастёт.

Прапорщик, еле дождавшись окончания процедуры, с тревогой поглядывая на удаляющихся беглецов, отрезал:

— Вы, господин урядник, оставайтесь здесь с сержантом, на всякий случай, ему я вижу, тоже неможется. Ждите отряд, а мы в погоню, их нельзя упускать.

— Вы уж там поосторожнее, господин прапорщик, — обеспокоился казак, — вслед им не идите. То не простые лиходеи, то нелюди. Ни один кайсак такого зла коню не причинит. Такие мерзавцы живьём не сдаются, а вы один на один.

— Не переживай, Фролыч, управимся, ты уж тут лечи как следует, раз дохтуром заделался, — ответил за всех словоохотливый Пичкиряев.

И снова началась бешеная погоня. Тройка преследователей теперь шла подальше от следа и вскоре стала настигать беглецов, и, когда расстояние сократилось примерно до трёхсот саженей, сабарманы вдруг словно по команде рассыпались в разные стороны, но один упорно двигался вперёд. За ним и погнался прапорщик, неотрывно следя за движением его рук, остерегаясь страшного «чеснока».

Пичкиряев погнался за степняком, свернувшем влево. Видя, что казак его догоняет, он вдруг резко остановил коня и развернул его на месте. Мордвин успел ещё подумать: «Наши кони на такое не способны». Мигом выхватив лук, кочевник, почти не целясь, спустил тетиву. Пичкиряев, ошеломлённый дерзким поведением противника, инстинктивно, как во сне, дёрнулся вправо и почувствовал резкий удар. Стрела, оцарапав шею до крови, застряла в воротнике куртки. Почувствовав острую боль и не дожидаясь второй стрелы в свою голову, казак выхватил пистолет и разрядил его в сабармана и сразу же услышал выстрел с другой стороны. Мишарин, справившись со своим противником, махнул рукой Пичкиряеву: мол, следуй за прапорщиком.

Поравнявшись с другом, Мишарин, возбуждённый смертельной схваткой, кричал на скаку:

— Вот же прохвост, так ловко аркан кинул, точно в голову целил, даже картуз сбил, поучиться бы у него, да теперь не придётся, пришлось его наказать. Всё ж добрые демидовские пистолы, если бы осечка, он бы из меня удавленника с одного маху сделал.

Прапорщик не сдерживал своего Казбека, и тот, видя перед собой соперника, которого, по привычке надо обогнать, мчался, вытянув голову, едва касаясь земли, и быстро сокращал расстояние. Александр догадывался, что ему достался самый матёрый из трёх бандитов, вероятно, он-то и являлся главарём шайки, даже и конь его был выносливее и резвее других. Наверняка он был и умелый вояка, хитрый и коварный.

Заметив, что его настигают, степняк стал часто оглядываться и, видимо, что-то замышлял. Опасаясь шипов, драгун направлял своего жеребца параллельным курсом, приближаясь с правой, неудобной для лучника стороны. Но, когда Казбек приблизился к киргизу на сотню саженей, тот и из неудобного положения стал обстреливать прапорщика, не давая ему вырваться вперёд. Фомичёв еле сдерживал жеребца, рвущегося на обгон, стараясь быть вне досягаемости стрел.

Преследуя врага, прапорщик мучительно обдумывал способы нападения. Его кобурные пистолеты были разряжены тревожными выстрелами, винтовка хоть и болталась за плечами, но подсумки с патронами были увязаны в тороках, и на скаку достать их было непросто, надежда была только на обоюдоострый палаш. Между тем конь, беспрерывно понукаемый степняком, выдыхался, да и стрелы, посылаемые раз за разом, должны были скоро кончиться.

Молодому офицеру ещё не приходилось участвовать в боевых действиях, на его счету ещё не было ни одного убитого врага, и он не решался это сделать теперь. И не потому что робел, а просто не испытывал ненависти к этому человеку, который во что бы то ни стало пытался его убить.

— Буду брать его живым, — решил Игуменьшев, — силы у меня хватит.

Видя, что сабарман пустил в него последнюю стрелу, чиркнувшую по левому боку, прапорщик дал волю своему жеребцу, в несколько махов достиг противника и, схватив его за плечи, выдернул из седла. Кочевник успел выхватить из-за голенища кривой нож, попытался полоснуть драгуна по горлу, но, стеснённый мощным давлением могучих рук, ткнул клинок в правое плечо офицера. Почувяв острую боль, прапорщик так сжал шею врага, что та хрустнула. Запаленный конь степняка, закачавшись, рухнул под ноги Казбека, который встал как вкопанный.

Подскочившие казаки, шедшие следом, вмиг спешили, высвободили сабармана из-под упавшего коня, положили его рядом. Ран на теле не было, но он был мёртв, левая рука с ножом, испачканным кровью, ещё подрагивала.

— Э, господин прапорщик, так он успел тебя полоснуть, — вскрикнул Мишарин.

— В шею метил, — морщась от боли, проронил раненый, — да я его маленько придавил.

— Да уж, так маленько, — мурчал казак, обрабатывая рану офицера, — что бедный сабарман враз скопытился.

Вскоре подошёл и отряд, драгуны окружили преследователей, расспрашивая, что да как. Подошедшему Крылову прапорщик бодрым голосом доложил, что все лазутчики уничтожены, языка, к сожалению, взять не удалось.

— Рана-то глубокая? — спросил поручик.

— Вершка два, ваше благородие, ничего, до свадьбы заживёт.

«Ещё и до места не добежали, а уже двое раненых, — думал Крылов, — а что будет там, у Кушмуруна, противник, видать, серьёзный, не какая-нибудь шушваль».

Прихватив двух трофейных коней, сводный отряд продолжил путь.

6. Тобол

Вскоре, ещё до захода солнца, показались синеватые издали леса, дохнуло прохладой, промеж кустарников забрезжила свинцовая полоса воды, впереди открылся Тобол. Выбрав затенённое место в прогале меж двух берёзовых колков, отряд спешил. Крылов собрал офицеров и казаков, которым приходилось бывать в этих местах, держали совет.

— Переходить на тот бок нам теперь негоже, — заговорил первым вахмистр Иван Ипатыч, — поперва надо пустить глубокую разведку подальше от стана, прикинуть, что да как. Можя, у них тут дозоры околачиваются, тады опять придётся погоню налаживать.

Успевший к совету командир передового пикета доложил, что рядом широкий брод, коню по брюхо и берег окатистый, а место открытое, севернее густолесье приступает, там легко укрыться, если кто за нами наблюдает, но ничего подозрительного в округе не обнаружено.

Порешили заночевать у реки, выставить усиленные посты, шума не поднимать, а на рассвете переправиться на ту сторону. До озера Кушмурун осталось не более двух переходов, но двигаться здесь надо было с большой осторожностью, особенно вторую половину пути.

Очумевшие от дикой жары служивые, ополоснувшись тепловатой тобольской водичкой, раскинули попоны, наломали сушняка, развели костерки, и вскоре запахло горьковатым дымком и разваренным сушёным мясом. По всему биваку пробежался поручик Юматов со строгим предупреждением: сырую траву не жечь, чтоб дыма не было. Кони впервые за долгие часы переходов лакомились свежим луговым зеленчаком, освобождённые от седел, катались по траве, чесали свои онемевшие от седел хребтины.

Любопытная разведчица-сорока, прилетевшая из леса, перепархивая с куста на куст, неумолчно стрекотала, облетая казаков, умостившихся у самого плёса.

Пичкиряев с перемотанной раненой шеей колдовал над варевом. Помешивая струганной палкой в котле, растягивая слова, судачил:

— Сорока сокочет, гостей нам пророчит. Пошли нам, Бог, гостей, глядишь, и хозяин будет сытей.

— Подь ты к бесу, — возразил Мишарин, — краюха и так невелика, а чёрт гостя принесёт, он и последнее унесёт.

— Когда мы хучь раз по-человечески поедим, до чего ж эта постная джурма осточертела, у меня заранее от неё в животе гуркотит.

— А ты кинь в похлёбку пару лягушек, оно скоромнее будет, вон их сколько по берегу скачет, — засмеялся Мишарин.

— А чё, я кину, — вскочил Пичкиряев и сделал шаг к воде, — исть будешь?

— Что ты, что ты, — замахал руками Мишарин, — я не хранцуз какой-нибудь — и глядеть-то на них брезгую.

— А конинки не хочешь? — подзадоривал мордвин.

— Не, станичник, конину ни за что. Верный конь, он и друга надёжнее. Мне б говядинки кус да пожирнее.

— Ну, погоду, вот купчишек заморских встренем, они нас по-царски угостят. Кишмиш, урюк, араки нальют.

— Дождёшься, они ж скряжливые все.

— А я знавал и тороватых.

— Хватит вам белендрясы точить, — перебил Пичкиряева Фролыч, — накаркали, балабоны, вон к нам гостенёк жалуует.

Не спеша, изредка потягивая жидкость из манерки, брякая саблей, плёлся Понятовский по-над урезом воды, оставляя вмятины сапог на мокром песке. После того как под его командой дозор проворонил сабарманов, отношение к нему драгун резко изменилось. Если раньше нижние чины не обращали на него особого внимания, так как он был из другого взвода, то теперь он замечал в их глазах откровенное презрение. Ему, человеку редкого тщеславия и кичливости, постоянно требовалось внимание со стороны, чей-либо восхищённый интерес, а теперь его не было, и он в этом остро нуждался.

Заметив кружок бывалых казаков, он внимательно оглядел их издали и, показав жёлтые прокуренные зубы, небрежно бросил:

— Добрый вечер, панове.

Казаки, не зная, как ответить на такое приветствие, буркнули что-то невразумительное, а Пичкиряев не преминул ответить с издёвочкой:

— Добрый вечер, но кормить нечем, была вишня, да вся вышла.

Капрал, ничуть не смутившись, передвинул на живот вместительную офицерскую манерку из белой жести и как ни в чём не бывало продолжил:

— По запаху чую, у вас тут добрая закуска, а у меня добрая горилка.

Не дожидаясь приглашения, присел на край попоны, выдернул пробку из своей блестящей манерки и поднял её над головой.

Казаки враз умолкли и устались на урядника, тот в отсутствии вахмистра считался старшим. Вытянув гузкой губы, Фролыч кинул быстрый взгляд по сторонам, зачем-то почесал скулу и, махнув рукой, кинул:

— Хай ему грэць, как хохлы говорят. Мы народ не чепурной, наливай!

Казачки засуетились, у них мигом нашлись кружки, чапашки и лишний котелок для гостя. Урядник нюхнул спиртного, заулыбался так, что морщины пошли по всему лицу, хитро мигнув капралу:

— Здоровья вам ,пан! Жить, богатеть да спереди горбатеть. — И, опрокинув жидкость в усатый рот, крикнул: — З-з-забориста, чёртова лихоманка, не чета нашей кизлярке.

Понятовский, встряхнув манерку, плеснул всем по второй, остатки вылил себе.

Довольные казачки, дружно стуча ложками, доедали хлёбово, а капрала уже развезло. Важно развалясь на попоне и чувствуя себя хозяином положения, охмелевший шляхтич вдруг заявил:

— А знаете ли вы, панове, с кем вы здесь сидите?

Казаки, удивлённо переглянувшись, устались на случайного гостя.

— Я из знатного рода графов Понятовских. Мой двоюродный брат, Станислав Второй Август — король Речи Посполитой.

Оторопевшие казаки, сами ярые насмешники и зубоскалы, вытянув по-гусиному шеи, раскрыв от удивления рты, застыли на месте.

— Дак это как же так? — насмешливо прижмурился Пичкиряев.

— Да так, что мой отец, Збигнев, и его, Станислав, — родные братья. Дядько мой Станислав генералом был у шведского короля Карла Двенадцатого. Знаменитый был генерал, после Полтавы к туркам ушёл.

— Ушёл, а может, сбежал, — съязвил дотошный Мишарин.

— Ты на что намекаешь, казак! — распалился шляхтич, покрываясь красными пятнами.

— Да побил наш царь Пётр и Карлу, и Мазепу, и дядьке вашему хвоста накрутил, до самого Крыма без портков чесали, — не унимался Мишарин.

— Да, ты казак, пся крев, холоп, забыл с кем разговариваешь, — уже кричал шляхтич, вскакивая и хватаясь за саблю.

— Пужать меня не надо, пан капрал, я пуганый.

— Да ты знаешь, курва-мать, — опять взвился поляк, — я знал шестерых сыновей дядьки Станислава, и они меня знали, все в дело пошли. — И, загибая пальцы, продолжил: — Казимеж стал генералом, Франтишек — канцлером, Александр — адъютантом у принца Карла Лотарингского, Анджей — фельдмаршалом, Михаил — архиепископом, а Станислав, младший брат мой, когда ещё посланником был, с вашей кралеёй Екатериной амуры крутил.

— Но-но, господин капрал, — угрожающе забасил урядник, — вы уж матушку нашу Екатерину Алексевну не замайте. Расскажите-ка лучше, почему ж это родственнички-то про вас позабыли. Во тьму тараканскую загнали и не вызволяют. И братец ваш, король польский, почему-то не печётся о вас, совсем из головы выкинул. Вы уж не гневайтесь на нас, сирых, пан капрал, но сумлеваются казаки, что в ваших жилах графская кровь течёт. Враньё что драньё, гляди руку занозишь.

Понятовский опять было схватился за рукоять сабли, но его тесно обступили казаки, схватили за руки и приподняли, смертельно обиженный капрал только глухо прорычал:

— Не был бы ты холопом, я б тебе показал, пся крев.

Резко развернувшись, хрипя ругательства, опозоренный шляхтич уплёлся к драгунам. Вскоре пришёл вахмистр:

— Что тут у вас за крик был, ведь сказано было не шуметь!

— Да это капрал Понятовский в гости захаживал, — доложил урядник, усмехаясь в усы, — брехал, будто польскому королю сродным братом доводится.

— Кобель бешеный ему брат, у них что ни поляк, то и пан, а самозванство ноне и у нас в большой моде. Вы с этим полячком не якшайтесь и лишнего при нём не болтайте. Он для догляда приставлен, вынюхивает, высматривает, а потом донос состряпает. Он и к вам недаром заявлялся, небось, угощал?

— Ну так, на один зуб, больше для запаха.

— То-то и чую от вас запахок, взбулгатились инды. Смотрите у меня, давно горячих не пробовали!

г. Троицк

4 мая 2019 г. исполнилось 70 лет
Любови Алексеевне Маркеловой из Чебаркуля.
Желаем юбиляру здоровья, семейного благополучия
и творческих успехов.

Нина Калева-Прохоренко

Рассказы моей мамы

Детям Великой Отечественной войны посвящается

Мама — дитя войны

Моя мама родилась 4 августа 1932 года. Зовут её Анна Андреевна Прохоренко. Это фамилия моего папы, Георгия Федоровича Прохоренко. Встретились они молодыми людьми в посёлке Белая Берёзка Брянской области. Полюбили друг друга, создали семью.

Девичья фамилия мамы — Горелова. Среди родных и близких маму всегда называют Галиной, Галей, Галочкой. Мама — это живой архив истории моего Отечества, яркая и непростая история жизни Человека, имя которому — моя **мама — дитя войны**. Просматриваю документы моей мамы... Ветеран Труда; Ветеран Великой Отечественной Войны; награждена медалью «Ветеран Войны»; отмечена знаком «Ударник 11-й пятилетки»; отмечена многими грамотами и благодарностями за доблестный и добросовестный труд на Селецком деревообрабатывающем комбинате.

Сегодня маме 86 лет. На нее любо-дорого смотреть! Она как магнит притягивает к себе всех добрых и справедливых людей. Мама открыта для общения. Имеет надежных друзей. У нее добрый нрав и хорошая память. Выростила двух дочерей, Нину и Елену. Она отдавала им всю свою жизнь, учила, оберегала. Как говорит мама, «дала путевку в жизнь». Обе дочери имеют высшее образование, профессионалы своего дела.

У мамы четверо внуков: Оксана, Варвара, Артем, Влад. Мама помогала вырастить внуков достойными людьми. С раннего детства они отдыхали у нее летом, набирались сил и ума. Ходили вместе с мамой в лес за грибами, ягодами. Это были продолжительные, многочасовые походы в лес, где наши дети формировали выдержку, работоспособность, любовь и преданность к малой родине. «Лес, — учит нас мамочка, — это наш кормилец. Он всегда помогал нам выжить, даже в самое тяжелое время».

«Не налюбуюсь я своими правнуками», — с любовью говорит мама. У нее сегодня их уже двое: Даниил, ему 13 лет, и Евочка, 6 лет. Сердце мамы вмещает всю полноту любви к детям, внукам и правнукам! Каждый из них остро чувствует это и спешит к ней навстречу.

Мама живет далеко от нас. Поселок Белая Берёзка — дорогое и любимое её сердцу место жительства, которое для всей нашей большой семьи давно стало родовым гнездом. Не успеют одни гости к маме заехать, как уже потянулись другие. И так вереницей всю жизнь! Как птицы перелетные тянутся в теплые и дорогие сердцу места, так и мы спешим к маме, чтобы посидеть с ней рядышком, послушать ее советы, подлечить житейские раны. Мама умеет всех красиво встретить и вкусно накормить! Готовится к приему гостей заблаговременно. Несмотря на свой преклонный возраст, более организованного человека в своей жизни я не встречала! Утром она просыпается рано, когда все её гости еще спят, и успевает приготовить не только завтрак, но и свой фирменный борщ!!! Вот пишу... и чувствую запах материнского борщика! Как славно проснуться утром, услышать на кухне обычную работу мамы и почувствовать, что ты еще ребенок! И удивиться, и осчастливиться этим чудом, и уронить скупую слезу радости и Божьей благодати!

Во время Великой Отечественной войны мама была подростком и проживала в деревне Алешенка Трубчевского района Брянской области, которая находилась под оккупацией фашистской Германии. Ей ещё не исполнилось одиннадцати лет, когда началась Великая Отечественная война.

Мама много претерпела в своей жизни. Крепкая и рослая девочка, она всегда выглядела на несколько лет старше. Мама рассказывала, как ещё во время войны, сразу после освобождения Брянщины от немецко-фашистской оккупации в 1943 году, она завербовалась на работу в поселок Белая Берёзка. На освобожденной от фашистов территории вместе с пленными немцами она поднимала вместе со всеми из руин свой дорогой поселок Белая Берёзка, восстанавливала и созидала лучшую жизнь на своей малой родине.

С 1951 по 1993 г. мама работала разнорабочей, затем сборщиком изделий на Селецком деревообрабатывающем комбинате (ДОК). Работа была очень тяжелой. Мужчины, которые подменяли её на период отпуска, не могли дождаться, когда она вернется, и удивлялись, как это женщина может выдерживать такую тяжелую физическую работу! Некоторые из мужчин

просто отказывались от такой работы, указывая на её особую тяжесть и отсутствие специальной сноровки.

Часто после школы мы с сестрой приходили посмотреть, как ловко, легко, красиво и с улыбкой работала наша мама. Своей мамой мы гордились. Слова «сколотка», «дрель», «на вайме», «сборка дверей» были для нас чем-то волшебным и недосягаемым. Маму часто и торжественно награждали за ударный труд в заводском клубе. На улице, при подходе к заводу висели больших размеров портреты отличников труда Селецкого ДОК, среди которых была и моя мама.

Мы всматривались в дорогие черты лица мамы и благоговели перед её красотой и силой! А красивой она была всегда. Отдыхала она или работала — мы ею любовались. У нее не просто глаза, у нее всегда — очи! Карие и пронизательные глаза, выражающие всё состояние души. И еще какая-то особенная поволока при взгляде, уверенность и особая стать. Брови темные, тонкие, изогнутые в особую линию, подчеркивающую красоту её всегда сияющих глаз. Ямочки на щёчках даже при малейшей улыбке, красивые и ровные белые зубы. Полное отсутствие суетливости. Господь наградил ее статью русской женщины и художественным вкусом.

Дома у нее всегда порядок. За что бы она ни бралась — в ее руках всё превращается в элемент искусства. Рассматриваем результат прикосновения ее рук к вещам и диву даёмся! Любой сувенир или незатейливая вещица знают свое предназначение и самым волшебным образом отправляются в нужное место.

Откуда у нее эти способности, такое чутье, знание культуры и искусств? Мы спрашиваем об этом маму. Прильнули к ней всей душой! Глаза ее вдруг загораются удивительным светом бесконечной доброты и появляется лёгкая улыбка на лице... И вдруг мама начинает рассказывать историю своей жизни до войны.

Жизнь мамы до войны

Моя мама великая рассказчица! Мама не говорит. Она живописует! И ты всё начинаешь видеть, слышать... Ты начинаешь понимать жизнь изнутри, чувствуешь ее наполненность и страдание. Удивляешься, почему раньше ты этого не знал, не понимал. Это как откровение! И вспомнится святое, «придет прозрение вдалеке».

Помнит она чудный сад, а в нем необыкновенно сладкие, сочные и крупные сорта яблок с золотисто-розовой кожицей. Мама убедительно рассказывает, что во всей деревне не было таких яблок. Яблоньки привезли родителям из каких-то заповедных мест добрые люди.

Отец мамы, Андрей Никонорович Горелов, до войны был краснодеревщиком, умельцем, который сам делал для дома разнообразную и самую причудливую мебель. Мама помнит красивый сундук, большой стол и стулья, вырезанные им из хороших сортов дерева. У детей Андрея Никоноровича были первые в деревне санки из дерева, коньки, деревянные коляски с настоящими кругленькими колёсиками для тряпичных куколок. Всё было сделано его руками и художественным талантом русского самородка!

Мама моей матери, Гарпина Стефановна, моя бабушка, была небольшого роста и отличалась точеной фигурой и редкой красотой. Андрей Никонорович был старше бабушки на 7 лет, полюбил её еще девочкой и ждал, когда она подрастёт, чтобы можно было «сватать красавицу». Это были высокие отношения, в которых, как в сказке, царил «совет да любовь». За всю свою долгую жизнь их дети не слышали от своих родителей ни одного грубого слова.

В семье было шестеро детей: Иван, Алексей, Григорий, Анатолий, Мария и моя мама, Галина. Родители очень любили своих детей. Шестого ребенка, Анатолия, они потеряли. В семилетнем возрасте он тяжело заболел пневмонией. В довоенное время этот диагноз был приговором, лекарств от пневмонии не было, и ребенка спасти не удалось.

Алешенский дом родителей моей мамы был самый зажиточный и чистый. Позже, когда деревню захватили фашисты, то они щепетильно выбирали лучшее для своего проживания жильё. Им понравился дом родителей моей мамы. Немцы заняли наш дом. Позже они организовали в нём свой штаб. Семье было разрешено жить в подсобных помещениях, заниматься уборкой дома, поддерживать в доме чистоту и порядок.

Яблочко войны

Был конец лета 1941 года. По моей родине уже третий месяц шагала Великая Отечественная война... Наши отступали.

Село Алешенка Трубчевского района... Опаленная войной Брянщина. Мы были тогда детьми. Позже нас назовут детьми войны. Как и все дети, мы любили играть даже в самые тяжелые времена. Только игры наши диктовала сама война.

Из каждой семьи уже кто-нибудь был призван в армию и воевал. В нашем большом семействе ушли на фронт и воевали мои три старших брата: Иван, Алексей и Григорий. Первый из них был рядовым, второй — капитаном, а третий — шофёром. Святое чувство радости переполняло меня за их мужество и доблесть. Это были три красавца, былинные богатыри земли русской. Я гордилась ими и всегда мечтала сделать в своей жизни такое, что могло бы соответствовать их статусу и достоинству!

Дни протекали напряженные... Каким-то чудом я узнала от взрослого односельчанина, что на левом берегу реки Десны прячутся наши солдаты. Они были отрезаны немцами от своих и умирали с голоду. Я, одиннадцатилетняя девочка, понимала, что нужно действовать быстро. Собрала своих самых смелых друзей-сверстников. Их было человек десять мальчиков и девочек. Мы решили, что нужно отнести голодным солдатам покусать немедленно! В моих мыслях была надежда: а вдруг среди них будут и мои три брата.

Нагруженные яблоками, которых в этот год было большое изобилие, тайно от родителей, прихватив из дома скудную еду, состоящую из варёного картофеля, остатков щей и кусочков хлеба, дети осторожно пробирались лугом к правому берегу Десны. Путь был неблизкий. От нашей деревни лугом нужно было пройти километров семь. Летний день длинный, и мы, обсуждая предстоящую встречу с солдатами, без труда и незаметно для себя быстро добежали до желанной цели.

Напряжённо всматриваясь у самого берега вдаль, мы надеялись увидеть на другом берегу реки Десны русских солдат. Их не было видно. Мы уже начали думать, что пришли не в то место, о котором случайно услышали. Нужно было возвращаться обратно.

Вдруг кусты на противоположном берегу реки зашевелились как муравьи, и показались люди в касках. Один из них надувал резиновую лодку. Скоро он уже плыл навстречу к нам. Это был молодой, русский, красивый парень. Первое, что он спросил: «Кто вас послал сюда, дети? Как вы узнали место, где мы находимся?» Мы ликовали, что нашли наших воинов. Перебивая друг друга, мы поведали ему историю о солдатах, умирающих с голода за рекой Десной в окружении немцев, которую услышали в деревне от надежного человека.

Очень скоро яблоки, остатки варёных щей и картофеля, крошки и кусочки сухого хлеба, а также то небольшое, что во время войны коротко называли «съестным» были погружены в лодку. Военный, находящийся в лодке, обратился к нам с просьбой: «Дети, — сказал он, — спасибо вам! Видите это яблочко? Когда на другом берегу реки мы разрежем яблоко на четыре части, то не каждому солдату достанется эта частица! Если вам удастся, дети, то принесите ещё...» Тут же он подал нам большую упаковку денег. «Возьмите, — сказал он, — они могут вам пригодиться». Деньги мы не взяли. Сказали, что в нашей деревне всё разбито, и деньги нам не понадобятся. Он тут же выбросил их в реку Десну.

Радостные и окрыленные содеянным, мы мчались на всех детских парусах домой. Нужно было успеть еще раз принести то, что так необходимо усталым, голодным и измученным солдатам.

Внезапно мы услышали гул трех самолетов. Мы уже имели опыт, как и куда следует прятаться в таких случаях. С нашей стороны река Десна имела крутой обрыв, куда мы мгновенно, как стая ласточек, бросились и прижались к песчаной стене обрыва. Немецкие самолеты на бреющем полете низко опускались к земле и стреляли из пулеметов. Пули врезались в землю и взрывали ее. Гул самолетов оглушал. Они сделали полетов пять в поисках мишеней, которыми были дети. До позднего вечера мы сидели в песчаной стене берега реки Десны, прижавшись друг к другу, боясь выйти из-под своей защиты.

Так во второй раз нам не удалось принести солдатам покусать. Остались ли они живыми тогда или нет, — мы не знаем. А солдаты, по нашему детскому мнению, подумали, что мы погибли...

Родителям своим мы ничего тогда не рассказали. Только после войны делали признания о своих подвигах.

Девочки-мадамочки

Копаем мы окопы противотанковые и пехотные. Три года идет Великая Отечественная война. Все население Брянщины под оккупацией фашистской Германии. Мне уже тринадцать лет. Собрали нас немцы со всей деревни, старого да малого, детей, женщин, стариков. Каждому следует вырыть окоп: два метра глубиной и два шириной. Расположились мы друг за другом. Копаем окопы.

Вдруг летит над нами самолет и начинает кружиться. Становится жутковато. Среди нас возникает паника. Неожиданно различаем на борту самолета красную звезду. Понимаем,

что это наш самолет. Самолет зависает над нами. Немцы разбегаются в разные стороны. С самолета что-то падает и разлетается у самой земли.

Вначале мы не поняли, что произошло. Испугались. Вдруг видим, что летят с неба листы бумаги. Много их, листочков! Как дождь бумажный. Я ловлю одну из них. Читаю:

ДЕВОЧКИ-МАДАМОЧКИ,
НЕ РОЙТЕ СЕБЕ ЯМОЧКИ!
ПРИЕДУТ НАШИ ТАНОЧКИ,
ЗАРОЮТ ВАШИ ЯМОЧКИ!

Немец заметил, как я прятала листовку. Отнял её у меня. Больно ударил шомполом по плечам. Потом заставил нас всех собрать листовки и тут же их сжечь.

Прошло 73 года! До сих пор, во всех деталях, помню этот момент своей жизни. Внутренним зрением вижу эту листовку и ее текст. Часто рассказываю ее содержание детям, внукам и двум своим правнукам. У них хорошая историческая память и врожденное чувство патриотизма. Они гордятся смелостью и силой духа наших освободителей, а текст листовки знают наизусть.

Соль земли

По заброшенным снегом шпалам железнодорожного полотна быстрым и размашистым шагом спешила девочка. Шагала она уверенно, целеустремленно. В некоторых местах бесконечной вереницы шпал девочка стремительно их перешагивала, в других — ловко перепрыгивала. Во всей ее фигуре было что-то сильное и мужественное. В руках девочки были пустые санки, которые следовали каждому ее движению. Санки то подпрыгивали, то шли неровно, то скатывались с небольших сугробов, пытаясь занять место впереди ребенка.

В своем постоянном движении девочка проделала уже километров двадцать пять. Было видно, что идти ей еще долго. Она знала, что сумерки в лесу ранние, а сознание, что скоро придет темнота, ускоряло ее шаг. Сильный голод не останавливал ребёнка. За время Великой Отечественной войны никто из детей войны не знал, что значит быть сытым. На вид это была высокая, худая, крепкого телосложения девочка неопределенного возраста. Выглядела она года на два старше своих лет. На самом деле ей было всего тринадцать лет. Из них три года она жила вместе с родителями под немецко-фашистской оккупацией.

Девочка вышла из деревни Алешенка Трубчевского района рано утром. Долго шла по заснеженному лугу. Искала поселок Белая Берёзка и железнодорожные пути, о которых ей рассказывала мама.

Поселок был разрушен почти полностью, но она догадалась, что это и есть Белая Берёзка. Впереди себя она увидела ветку железнодорожных путей, спрятавшуюся в глухих Брянских лесах. Она спешила. Теперь главное успеть, чтобы до темноты прийти на станцию Новенькое.

Уже смеркалось. Сопровождавший её с двух сторон лес темнел, и казалось, что с каждой минутой он приближается к рельсам. Снегу было много, и порой она глубоко проваливалась в сугробы и ямки. Но останавливаться было нельзя. С утра она ничего не ела. Мучил голод, но силы ее не покидали, и она сгоряча бежала вперед. Ноги истерлись, болели. При каждом порыве ветра под куцый старый полушубок задувало. Было холодно.

Девочка бежала и думала о своих трех братьях, которые еще воевали на полях Великой Отечественной войны, гнали фашистскую нечисть с благословенной Богом земли русской! Это давало ей силы, двигало и вдохновляло ее. В Брянском лесу больше нет фашистов. Наши их выгнали. И теперь ничего не страшно. А так как брянских жителей в шутку всегда звали «брянскими волками», то никаких зверей она не боялась. Родители учили своих детей: в глухих брянских лесах не бойся зверя, а человека остерегайся.

Она думала о деревенской печке. Как хорошо было бы прижаться к её теплой стене и посидеть так немного, согреться! В Алешенке у нее остались мама, сестра Мария, которая была старше её на пять лет, а также крепкая невестка Марфа с двумя малолетними детьми. Но мама почему-то выбрала ее, сказала: «За солью пойдешь ты, Галя! Больше никому. Только иди от Белой Березки до станции Новенькое по шпалам. Другой дороги нет. На станцию Новенькое придет с фронта невестка Аня. Ты ее встретишь. Она везет нам соль. Встретишь ее и вместе с ней придете в Алешенку».

Соли у нас не было уже несколько лет. Без соли еда казалась противной и невкусной, поэтому я радовалась, что смогу ее добыть. Пробегала мимо станции Скрипкино. Видела слева пилораму, на которой несколько мужчин пилили лес. Освобожденные от фашистов в сентябре 1943 года населенные пункты начинали отстраиваться заново. Для строитель-

ства кровь из носа нужны были заготовки леса. Распил дерева здесь не прекращался ни на минуту! Один из сердобольных рабочих поинтересовался, куда я спешу. Когда узнал, что на Новенькое, то пытался убедить меня не идти туда. «Дочка, посмотри по сторонам. Уже ночь! На Новеньком все разбито, а идти тебе ещё километров двенадцать! Даже остановиться тебе будет негде. Замерзнешь! Пропадешь!» Подошли ещё люди. Убеждали дожидаться до утра. «Утро вечера хитрее. Отдохнешь. Сил наберешься. А утром с Белой Берёзки на Новенькое будет ехать паровоз с вагонами. Он здесь останавливается. Заберёт тебя, и ты как раз успеешь встретить свою родственницу», — убеждали они настойчиво, понимая, что ребенок в ночи рискует жизнью. Ночной лес принадлежит хищным животным, число которых за время войны значительно увеличилось. Но разве могла я нарушить обещание, данное матери?! Мама сказала: нужно идти на станцию Новенькое... и я пошла.

Густые сумерки окутали лес. Шпалы были едва различимы. Слева от железнодорожного пути я заметила несколько старых вагончиков. Ни в одном из них света не было. Ни одной живой души рядом. Спрашивать не у кого. Останавливаться нельзя. Нужно было бежать дальше.

Спустя несколько минут я увидела группу утомленных от тяжелой работы людей. Это были рабочие, которые восстанавливали железнодорожные пути. Они неторопливо шли мне навстречу и переговаривались друг с другом. Сердце моё дрогнуло! Я услышала голос своей деревенской родственницы Ольги, завербовавшей на работу в поселок: «Гляньте-ка, так это ж Галя Горелова, песья твоё мясо!» Моей радости не было конца!

Оказалось, что станция Новенькое — это те старые вагончики, которые я прошла мимо... Что было бы со мной, не повстречай я этих замечательных людей, великих и простых послевоенных тружеников, возвращающихся по шпалам на отдых в волшебные, как мне казалось, вагончики. А какой дорогой ценой нам досталась добыча соли, я понимаю только сейчас! Позже мои друзья мне скажут: «Наверное, мама тебя не жалела, коль отправила тебя, ребенка, одну в такую дорогу!» Эти слова ещё долго будут больно ранить меня.

На станцию Новенькое я возвращалась вместе с рабочими. Ольга зажгла засаленный фитиль лампадки, и вагончик озарился ярким светом. Дрова потрескивали в небольшой металлической печурке, а чайник с водой из разогретого снега пылал и пыхтел. Было жарко и весело.

Счастью не было конца! Ольга дала мне большую чашку жидких щей, оставшихся со вчерашнего дня, и кусок хлеба! Я согрелась, забралась на вторую полку вагончика и крепко уснула.

Утром рано приехала на перекладных невестка Аня. Мешок соли, который она привезла, мы погрузили на санки. Санки стали тяжелыми. К нам подошла попутчица Ани, которая добиралась без санок до деревни Сагутьево, что в пяти километрах от нас. Она просила взять её с собой. Мы не отказали. Место в санках нашли и для ее поклажи с солью.

Передвигаться стало сложнее. Санки, груженные двумя мешками соли, приходилось тащить уже не по шпалам. Проторенной дороги возле железнодорожного полотна не было. Все обозримое пространство было занесено снегом и сугробами. И нам приходилось прокладывать свой неизмеримо тяжёлый путь.

Две женщины и тринадцатилетняя девочка поочередно тянули тяжеленные санки с солью. Они часто сбивались с прямого маршрута в Алешенку. Порой им казалось, что они заблудились и снова возвращаются на прежние места.

Вечерело. Весь день шел снег, и это еще больше затрудняло передвижение. Голод начал давать о себе знать. У нас с Аней не было в запасе ни крошки еды! Силы покидали. Но Божий промысел воссиял!

Попутчица, соль которой мы тянули вместе со своей солью, остановилась. Она долго развязывала озябшими руками свою нехитрую котомку и достала из нее по одному сухарику хлеба каждому. Мы не ожидали такого подарка и благодарили ее! Никогда еще сухой кусочек хлеба не казался мне таким вкусным и сытным! Подкрепившись, мы уже веселее шли до своего конечного пункта.

Было уже темно. Мы подходили к Сагутьеву, когда наша попутчица вдруг жалобно сказала: «Может, и нет уже в живых моих родителей!?. Я ведь ничего о них не знаю. Прошло три года... Да и сохранился ли их дом?» — И глаза ее тревожно увлажнились. Волнение передалось и нам...

Но чудо случилось! Женщина издали увидела в окнах своего горячо любимого родительского дома дрожащий слабый свет от фитиля. «Живые, живые они!» — шептала она, обессиленная, и утирала свои глаза сбившимся краем головного платочка. Возбужденная и счастливая, она начала настойчиво приглашать нас переночевать, а утром продолжить наш путь. Рассказывала, как будут рады её родители принять нас всех на ночлег. Но, видя нашу настойчивость продолжать наш нелегкий путь, попутчица поклонилась нам в пояс.

Она благодарила нас за то, что мы не бросили её на станции Новенькое, а положили её соль в сани, которые стали теперь вдвойне тяжелее, и тащили их безропотно и мужественно. Она тихо шептала слова: «Я буду молиться за вас, и за весь ваш род всю свою жизнь! Дай бог всем вам здоровья». Она ушла домой, а сани стали намного легче. Теперь мы уже не шли, а летели.

Еще несколько километров, и наши санки въехали в деревню. Вот и родительский дом. Отворили тяжелую деревянную дверь. Вошли. Мама, Гарпина Стефановна, окаменевшая и молчаливая, сидевшая неподвижно без сна уже вторые сутки, вдруг протянула мне навстречу свои точеные, красивые руки, и из ее прекрасных глаз посыпались слезы. «Ты моя соль земли», — говорила тихо и с любовью мама, покрывая поцелуями мое лицо и голову.

Начальная школа моей мамы

Моя мама окончила четыре класса начальной школы в деревне Алешенка. Она была способной девочкой. Отличалась от других детей тем, что хорошо рисовала. Грамоте научилась быстро и писала красивым каллиграфическим подчерком. К учёбе у нее было особое прилежание и усидчивость. Она хорошо также пела. Среди детей была заводилой и организатором ярких и необычных историй и походов. Её смекалке и предприимчивости могли позавидовать даже взрослые. Во всем проявлялся талант, работоспособность, умение самостоятельно принимать решения. И родители радовались, что сумеют своей младшей дочери дать достойное образование.

Но Великая Отечественная война изменила планы не только взрослых, но и детей войны. На протяжении нескольких лет жизни наш многострадальный народ учился в основном только двум вещам: выживать и побеждать.

Мама вернулась в школу с большим желанием учиться. После большого перерыва длиною в пять лет она села за парту. Война закончилась, и в школе открылись классы. Мама мечтала ходить в школу и учиться новым знаниям. Ей исполнилось уже пятнадцать лет. Рядом с высокой девочкой-подростком сидели маленькие и худые от хронического недоедания, причиненного войной, первоклашки. Своими занятиями в школе все очень дорожили. Дети войны были дружны, помогали друг другу на уроках, имели большое желание учиться. Мама была самая старшая девочка в классе, но послевоенные дети были добры и относились к ней с любовью.

Однако недолго училась мама в школе! Причина была в том, что природа подарила Галине те качества, которые были так необходимы именно в послевоенное время: молодость, крепкое здоровье, силу, выносливость, трудолюбие, доброе сердце и заботу о ближних.

В ее семье в то время были все слабые, малые и больные. Мама Галины, Гарпина Стефановна, в то голодное время «пухла от голода». Она лежала в постели и от слабости не могла подняться. У неё были отеки всего тела от дефицита белка в организме. Белковое голодание привело к тяжелым обменным расстройствам. Но что могла знать об этом Галя? Она жалела маму и очень боялась ее потерять. Галине приходилось не только тяжело работать наравне со взрослыми, но и каждый день думать, как накормить семью. А семья была большая.

Однажды на одном из очередных уроков в школе мысли Гали упорно возвращались только к одной проблеме: где добыть гнилую или перемороженную картошку? Как накормить семью? Как помочь маме? Это погружение было настолько глубоким, что девочка не слышала учителя, который уже несколько раз задавал один и тот же вопрос по теме, которая обсуждалась всем классом. «Горелова Галя! В последний раз спрашиваю, о чём ты думаешь?» — услышала наконец измученная житейскими невзгодами девочка. Она встала. Дети с любопытством смотрели на нее. Она услышала вопрос, но ответить на него ей было сложно. Учитель настойчиво требовала ответа: «Галя! Ты будешь отвечать? О чем ты всё думаешь?». Тихо и медленно Галя отвечала: «Я думаю, где мне накопать гнилой картошки». Детям стало весело, и все засмеялись. Учитель все поняла и отпустила Галю с уроков.

Больше мама в школу не пошла. Семье нужно было выживать. Позже она завербовалась разнорабочей в поселок Белая Берёзка. Разбирала руины уничтоженных немцами зданий, убирала мусор и осколки войны, приняла участие в строительстве Селецкого деревообрабатывающего комбината.

Спасительная картошка

В сентябре 1943 года нашу деревню освободили от немецко-фашистской оккупации. Наконец мы дождались этого благословенного дня! Однако на всех фронтах ещё продолжались кровопролитные сражения нашей доблестной армии. Воевали и мои три старших брата. Продолжали гнать фашистов.

Жить было тяжело. Везде послевоенная разруха. Голод свирепствовал. Моя мать, Гарпина Стефановна, лежала на печи уже несколько дней с отеками всего тела. «Почему мама не встаёт? Все лежит и лежит, как булка, расплнела», — думала тринадцатилетняя девочка, глядя на маму и не понимая происходящего, немного сердилась. Отец мой, Андрей Никонорович, тяжело болел. Сказывались старые раны Первой мировой войны.

В нашей семье было семеро ртов, и всех нужно было накормить. Зимой я удачно сходила за солью на станцию Новенькое, и пища теперь могла быть вкуснее, но ее просто не было.

Отступая, немцы неожиданно погнали нас в Германию. Наши небольшие запасы съестного мы успели спрятать возле своего дома в четырёх ямках. Но уже спустя несколько дней ночью мы сбежали от немецко-фашистского конвоя. Вернувшись в деревню, мы обнаружили, что запасов уже нет. Односельчане, оставшиеся в деревне, успели разворошить и растащить их.

Спасением было, если в чужих заброшенных закромах мы находили перемороженный с тяжелым запахом гнили картофель. Так в один из теплых дней, когда на улице уже подтаивал снег, мы с подругой под деревней Витемля нашли несколько заброшенных буртов лежалого картофеля. Нашей радости не было конца!

Картофель пролежал два года и превратился в некое сырое и дурно пахнущее месиво. Здесь мы были не одни. За гнилой картошкой пришло много людей, которые уже стояли в очередь. Картофель прятали во всё, в чем можно было его нести: в карманы; за пазуху; в подол; в платки, из которых делали котомки; тащили на самодельных санях, сделанных из лозы. Мы с моей подругой Полиной пришли с мешками. Самый большой мешок был у меня. Мне хотелось унести спасительной картошки как можно больше. Набрав половину мешка, я с трудом его сдвинула. Тяжесть была несусветная! «Как мы тянули мешки, — рассказывала мама, — это не передать! Гнилой и перемороженный картофель быстро оттаивал, и ручьи грязной липкой воды текли по нашим телам. Подруга моя была намного слабее меня, часто падала со своей ношей, порой не могла подняться, но картофель не оставляла. Бог дал ей весёлый нрав. Она лежала рядом с неподъёмным мешком и смеялась над собой. Крепкая и сильная, я легко поднимала её, и мы, голодные и счастливые, тащили мешки с картофелем дальше».

Дети войны, рано ставшие ответственными и мужественными подростками, знали, что несут в свои семьи жизнь. Будет сегодня еда в семьях — значит, будет жизнь!

Пройдет еще немного лет, и эти девочки станут молодыми женщинами. На их плечи послевоенное Отечество возложит будущее России! И они справятся! Дети войны станут надежной опорой страны в борьбе с разрухой, в борьбе за её лучшую жизнь и развитие! И наша память никогда не предаст забвению их страдания и непоколебимую веру в то, что все вместе мы справимся с любой бедой и Родину нашу святую врагам не сдадим!

Щука

Гнилая картофель заканчивалась, и наступал еще один день голода. Снова день начинался с вопроса, где взять еду? Мама уже не вставала. Ее могла спасти только сытная и полезная для организма еда. Мужчин в семье не было. Папа, Андрей Никонорович, умер от старых ран в октябре 1943 года, вскоре после освобождения Брянщины от оккупации фашистов. Трое моих братьев всё еще воевали на разных фронтах, добывая нам свободную, сытую и достойную жизнь.

Набросив на себя старую, тесную и уже не по возрасту одежду, я выбежала из дома. Русская поговорка «волка ноги кормят» вела на берег реки Десны.

Весенний луг весело зеленел. Было еще прохладно, но солнце светило ярко и временами припекало. Этой весной как никогда выросло много щавеля и лугового чеснока! Люди на лугу собирали весенние дары природы. Движения их напоминали русские неторопливые хороводы. «Наверное, это оттого, что все они голодные, — думала я.

Полюбовавшись яркими красками хоровода на лугу, пришла на берег реки Десны. Мне было интересно наблюдать за тем, как мужики глушат рыбу в реке. Это новое занятие оставшегося мужского населения в деревне появилось совсем недавно. С тех пор, как Брянщина была освобождена от немецко-фашистской оккупации, взрослые и подростки начали собирать снаряды, тол, взрывчатые вещества и другие боеприпасы. Они пилили их на части, чтобы использовать в качестве взрывчатки для рыбного промысла. Это было небезопасно. Часто при распиле боеприпасов они взрывались в руках, унося жизни взрослых и детей. Таких случаев было много, но голод людей не останавливал. Напротив, это стало для них уже привычной работой. После того как взрывы прекращались, оглушенная рыба забиралась у берега, к которому ее прибывало быстрое течение Десны.

За три года оккупации наших территорий фашистами никому из нас и в голову не приходило рыбачить. И только после освобождения Брянщины оставшиеся в семьях мужчины

спасали своих домашних от голода таким варварским и незаконным способом добычи рыбы. А рыбы в реке Десне тогда было очень много!

«Как жаль, что в нашей семье этим промыслом никто заниматься не умеет», — думала Галя, с грустью вспоминая своего недавно ушедшего из жизни папу. Как ей его не хватает именно сейчас! Какой он был добрый! Может, и мама так тяжело хворает, что папы больше нет. С завистью смотрела она на рыбный промысел своих земляков и мечтала о рыбке! «Если бы рыбку поймать, сварить её да накормить маму, вот тогда она обязательно поднимется и снова станет здоровой!» — мечтала Галя.

Мечты сбываются! Это известно всем. И нет сомнений, что Бог услышал девочку! Проходя по берегу реки Десны и погруженная в мечты о ловле рыбки, она услышала сильный шум возле склоненной над поверхностью реки ивы. Дерево окунуло в воду свои густые зеленые ветви. В них билось что-то большое и сильное, пытаясь выбраться из западни. Что произошло дальше, расскажет моя мама...

Сердце мое сильно забилося! Догадаться было несложно! Это была оглушенная взрывчаткой рыба, обессиленная и запутавшаяся в ветвях дерева, сильно наклоненного к воде. По той силе, с которой она билась, пытаясь освободиться, можно было судить, что это была очень большая рыба. Недолго думая, я бросилась в воду. Возле берега было глубоко. Я вцепилась в ветви ивы. Едва нащупав дно реки, медленно переступала навстречу своей добыче. Наконец-то я её увидела! Передо мной, блестя на солнце крупной чешуёй, вращалась огромных размеров щука. Было страшно, но азарт охватил меня. Щука, почувствовав опасность, стала вести себя ещё более активно. Успокаивало только одно, что это была оглушенная и наглотававшаяся воздуха рыба, а это значило, что я должна с ней справиться! Никогда в жизни не видела я больше такую большую щуку. Она была с меня ростом! А когда открывала пасть, то на неё страшно было смотреть.

Я вспомнила, что рассказывал отец. Щука — страшный хищник. Она своими зубами может перекусить человеку руку. Поэтому в борьбе с нею нужно успеть схватить её за жабры, и так держать, пока не вытащишь её на берег.

Наша борьба со щукой началась! Щука не поддавалась. Несколько раз вырывалась. Моя кожа была сильно расцарапана. Текла кровь. Но я не замечала этого. Изловчившись, удачно схватила её за жабры и вытащила на берег. За происходящим наблюдала Алиса, наша соседка. «Ой, Галечка, давай пополам рыбу поделим! Зачем тебе такая большая рыба! — запричитала Алиса. «Не могу... Дома у меня тяжело больная мама. Ей нужна рыба!» — сказала я твёрдо.

Дома меня встречали как победителя! Рыбка эта спасла нам всем жизнь! Целую неделю мы ели досыта уху и мясо рыбы. Мама поднялась с постели, и у нее прошли голодные отёки. Все члены семьи поздоровели и благодарили меня и маму: «Вот тебе, Стефановна, и младшенькая твоя! Что бы мы без нее делали! Сам Бог нам послал такую девочку в семью! Спасительница она наша!»

БЫК РЫЖИК

Наступил первый год после окончания Великой Отечественной войны и освобождения Отечества от фашистских оккупантов.

Брянщина! Родина моя малая! Алешенка моя любимая! Сколько же ты выстрадала за эти пять страшных лет унижения и уничтожения наших людей! Голод. Разруха. Слезы наворачиваются, когда вспоминаешь, как мы жили.

...После войны по деревням лошадей не было. Пахали мы на людях. Выбирался ведущий, наиболее сильный и здоровый человек. Впереди ведущего становилось пять человек. Этим людям запрягали так, как положено запрягать лошадь. Привязывали к ним борону. Ведущий держал борону в руках. Нужно полагать, что не все дети знают, что такое борона. Это металлическая, широкая, очень тяжёлая балка с перпендикулярными к ней острыми шипами. При надавливании на этот тяжёлый металлический брус шипы с трудом уходят в землю. Ведущий направляет в нужном направлении «лошадок», и они изо всех сил тянут эту махину, пытаясь хоть ненамного продвинуть борону вперёд. Нужно было прикладывать большую физическую силу, чтобы запускать борону в землю как можно глубже. Земля не обрабатывалась пять лет и была очень тяжёлая. Когда подготовка заканчивалась, ведущий кричал: «Поехали!» — и «лошадки» трогались. Верхний слой земли немного приподнимался. Но каких трудов это стоило!

Всем тогда было тяжело. Но другого пути не было. Сама я часто пахала на людях. Они сами меня об этом просили. Бог дал мне большую физическую силу и выдержку. Была я худая и высокая. В свои четырнадцать лет выглядела года на два старше. Ловко управляла и «лошадками», и тяжелой бороней, которую сдвинуть-то не каждый мог! Люди благодарили меня за труды и хвалили за смекалку и силу.

Пришёл следующий год посевной. Лошадей в деревне всё так же не было, но появились бычки. Теперь мы запрягали их. И пахали мы на быках, и скородили на них, родимых.

В нашей деревне было организовано шесть рабочих бригад молодёжи. Работали много и тяжело, но было радостно и весело! Ощущение, что мы свободные люди, делало нас хозяевами жизни. Это был наш выбор! Знали мы, ради чего работали! Никто не ныл, не жаловался.

На заброшенной ранее конюшне появился первый послевоенный конюх. Лошадей в деревне ещё не было, но мы мечтали о них, верили, что скоро лошадки появятся в нашей конюшне, а пока берегли каждого новорожденного бычка! Все бригады выращивали бычков, заботились о них как могли. Они быстро вырастали и превращались в надёжных помощников. Это отличная рабочая сила! Скоро в наших шести бригадах было около десяти бычков. Все они имели разный характер, свой нрав и своё собственное имя.

Бык — животное сильное, выносливое. Но если он переутомился, упал, то не поднять бычка уже никакими силами. Запомнился мне бык Рыжик на всю жизнь!

Впереди скорая весна! Руководство совхоза обеспокоено, как провести посевную. Зерно, которое с прошлого, послевоенного года удалось вырастить, хранилось на складах под деревней Бородёнка, что в 30 километрах от нашей деревни. Драгоценное зерно со всей округи берегли как зеницу ока!

Впереди посевная. Пришло время забирать зерно со склада. Председатель нашего совхоза срочно собирает собрание и даёт рабочим бригадам задание: «Быть завтра на конюшне рано утром по одному человеку от каждой бригады! Нужно будет ехать на быках на Бородёнку за зерном. Получите зерно и привезёте в деревню. Быков беречь!»

От нашей бригады для этой работы определили меня. Да вот незадача — проспала! Подхватилась утром, смотрю, а уже светает. Покушать мне не удалось, не до этого было. Поняла, что быть мне последней при раздаче быков! Так оно и получилось.

Голодной и взволнованной прибежала я на конюшню, а конюх мне сочувствует: «Эх, Галя, что же ты наделала! Остался один лентяй Рыжик. Других быков нет. Всех хороших быков уже разобрали. Придётся тебе на нём телепаться 30 километров до Бородёнки и столько же обратно. Не знаю, доедешь ли ты на нём обратно?! Довезёшь ли на нём зерно?»

Получила я из рук конюха быка Рыжика. Запрягла его в телегу. Поехали. Едем потихоньку. Впереди слышу смех, гиканье, веселье! Это молодые парни и девушки хохочут! Едут они на своих резвых быках радостные. Стегают быков, чтобы те быстрее бежали. Быки мчатся как оглоушенные, тянут и телегу и молодёжь. А мой Рыжик еле ноги переставляет. И еду я самая последняя. Посмеиваются надо мной ребята да девчата. Спасибо, что не зло посмеиваются, а так, по глупости.

Как в сказке, долго ли, коротко ли ехали мы с Рыжиком, как вдруг увидели, что впереди нас идёт пожилая женщина и тащит за собой гружёные саночки. Видимо, издалека идёт, еле ноги переставляет. Поравнявшись со мной, она говорит: «Деточка, помоги мне, пожалуйста. Привяжи к своей телеге мои саночки! А я рядышком за телегой пойду. Отдохнуть мне немного надо, дочка. Не дойду я так до своей деревни». Остановились мы с Рыжиком. Спрыгнула я с телеги. Привязала её саночки к телеге. Едва уговорила женщину сесть на моё место в телегу. Идём с Рыжиком рядышком, слушаем рассказы чьей-то матушки. И такая благодать на душе, так радостно!

Вот уже и деревня нашей попутчицы. Помогла я ей сойти с телеги. Отцепила её саночки. Начали прощаться. Благодарит она меня со слезами на глазах. «Подожди, деточка, — говорит она мне и пытается развязать сильно затянутые на котомке узлы. — Хочу угостить тебя! Ведь никто из той молодёжи, что на быках, не помог мне. Просила я их. Отказали. А ты такая добрая! Дай бог тебе здоровья и всей твоей семье!». И она вытащила из своей сумки большой и толстый драник, а сверху на нём были крошечки настоящего свиного сала. «Возьми, дочка! Ехать тебе еще далеко. Вижу, что голодная ты! Бери и покушай прямо сейчас!» — сказала она и протянула мне в руки еду, о которой можно было только мечтать. Я отказывалась, не брала драник. Но женщина молча положила мне на сенце в телеге драгоценный для голодного подростка драник, поклонилась и ушла. Не успела она отойти несколько шагов, как я схватила эту спасительную еду в обе руки, поднесла её к своему лицу и буквально проглотила драник, ощутив аромат вкусной картошки на маслице и сладкие кусочки сала, вкрапленные внутри драника. Через несколько минут уже не было ни женщины, ни драника. Никогда в своей жизни я больше не ела такой вкусной еды!

Доехала я на своём Рыжике до Бородёнки. Вижу, мои напарники из других бригад, уже нагруженные мешками зерна, выезжают из склада. Смеются надо мной, подшучивают. Я тоже в обиду себя не даю, бойко им отвечаю.

Последней из нашего отряда загрузила я на телегу положенные мне три больших мешка зерна и отправилась в обратный путь. «Рыжик, — говорю я ему, — не останавливайся. Хочешь, я буду рядом с тобой идти? Тебе легче будет». Смешной и неуклюжий Рыжик

посмотрел мне прямо в глаза. «Всё понимает!» — подумалось мне. Тащим мы с ним поклажу медленно, не торопясь.

И вдруг видим такую картину! То налево, то направо лежат быки моих товарищей на земле. И что же? Мои товарищи уже не веселы. Бьют несчастных животных, толкают их, зверски кричат на них, а обессиленные быки лежат на земле и уже не могут подняться. Проезжая мимо них, вспомнился мне наказ моего папы: «Никогда не загоняй быка! Упадёт — не поднимешь!» Жалко мне стало и быков, и ребят наших, а помочь нечем. Уже темнело.

Ночью прибыли мы с Рыжиком в нашу деревенскую конюшню первыми. «Ну и Галя! Какая же ты, молодчина! — кричит конюх. — Я весь переволновался. День жду — никого нет! Ночь наступает — никого нет! Какая же ты надёжная! Вот и урок для всех бригад: бережёного Бог бережёт! И зерно привезла! И первая приехала! И быка-лентяя сохранила! Вот повезло же Стефановне, матушке твоей! Такую славную дочку вырастила!»

Как я радовалась, что получила высокую оценку за свою работу! Забыли мы за время войны, что такое похвала. Что я ответила нашему конюху? «Да это всё бык Рыжик! Он умный. Ехал и всё шептал мне на ушко: “Поторапливайся, Галя, не спеши!” Вот поэтому мы с ним и приехали первыми!» — И я потрепала Рыжика по рыжей шерсти. Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. Мне показалось, что он улыбнулся и даже смутился. Вдруг Рыжик неожиданно и доверчиво уткнулся своей весёлой мордой в рукав моей старой телогрейки и замер... Вот так мы с Рыжиком стали друзьями!

Раненая церковь

До настоящих дней в деревне Алешенка Брянской области Трубчевского района стоит живой памятник истории нашего народа — православный храм, раненный Великой Отечественной войной.

Деревенский храм стоит на самом высоком и красивейшем месте! Когда преодолешь крутой подъём, посмотришь вдаль, то начинаешь, словно птица, парить над многострадальной землёй Брянщины. Просторы завораживают! Мысли как жёстко натянутые струны. И не поймёшь, отчего так больно... Что происходит?

После Великой Отечественной войны рядом с храмом был установлен обелиск памяти в честь погибших в боях воинов, героически защищавших деревню Алешенка. Их прах покоится здесь, на Брянской земле, и напоминает всем живущим о том, как быстротечна жизнь, какой дорогой ценой даётся человеку свобода, призывает будущие поколения с Божьей помощью достойно распорядиться своей жизнью.

С этой высокой песчаной платформы видна вся деревня! Подъём в гору такой крутой и продолжительный, что требует сил и крепкого здоровья. Но тот, кто преодолел подъём, остановился перед храмом Спасителя и обелиском павших за свободу Отечества солдат — тот уже множество раз поклонился святыням!

Справа от храма находится деревенское кладбище, спрятавшееся в густой зелени зарослей так, что его не сразу найдёшь. Кладбище словно катится с горы, защищая и храм, и обелиск воинам Великой Отечественной войны, и ещё то, что можно рассмотреть, если всматриваться пристально...

Здесь покоится также прах родителей моей мамы: моего дедушки Андрея Никоноровича и бабушки Гарпины Стефановны. Мама с большим трепетом приезжает сюда каждый год. Кто-нибудь из нас всегда рядом с ней. Родительский день, Радоница — это святой день для моей мамы. Она находит могилы своих родителей, близких и дорогих ей людей, рассказывает нам о их тяжёлой жизни... Плачет мама редко. И это оттого, что они всегда с ней! Память у мамы живая! Только глаза порой увлажняются.

Смотрит моя мама на стены храма и говорит: «Церковь наша, дети, в ранах! Сначала она пострадала от коммунистов, а потом от фашистов! Расстреливали немцы православный храм так же легко, как стреляли в человека! Церковь защищалась сама как могла. Закрывала она своим телом русских солдат, обескровленных от ран и спрятавшихся в храме. Раненый храм, в котором нет живого места...»

До сих пор наша деревенская церковь хранит свою историю и ждёт то благословенное время, когда благодарное поколение залечит её раны.

Бом-бом

Никогда мы в деревне не делили людей по национальностям. Жили все мирно. Уважали друг друга. Помогали во всём.

Помню, как мои родители спасли семью евреев...

Лида с мужем приехали в Алешенку несколько лет назад из Новозыбкова. Семья её родителей была чисто еврейская и не смогла смириться с выбором Лиды. Все были против, когда она решила выйти замуж за русского военного. Молодые люди вынуждены были поменять место жительства. В Алешенке Лида приняла православную веру. Венчались они с мужем в Алешенской церкви. Бог послал им троих детей: девочку и двоих мальчиков-погодков. Женщиной она была доброй, грамотной и работящей. Работала продавцом в магазине. Перед войной муж её погиб, и Лиде пришлось поднимать своих детей одной.

И вот настало страшное время, когда на нашу землю пришли фашисты. Оккупировали и землю, и наш народ. Изменился уклад жизни. Изменилась сама жизнь.

Дом нашей семьи немцы заняли под свой штаб. В нём они собирались вместе и обсуждали свои чёрные дела. Все мы вынуждены были переселиться в подсобные помещения возле дома.

Немцы, которые пришли вероломно на нашу землю, для всех нас были захватчиками и фашистами. Но уже совсем скоро мы поняли, что среди них есть особые войска, которые народ называл карателями.

Те фашисты, которые пришли в наши дома первыми, не убивали мирных жителей. Подтверждением этого был у нас такой случай. Один из проживаемых в нашем доме немцев, увидев на стене фотографию трёх моих братьев в военной форме, спросил мою маму: «Кто это и где они?» Мама сказала: «Сыны это мои: Иван, Алексей и Гришка. В армию призвали, на фронте они». Немец долго и пристально рассматривал фотографию. Потом подошёл к маме и твёрдо сказал: «Сними, matka, фото и уничтожь её! За нами идут другие немцы, особые, даже мы их боимся, — сказал он. — Если немцы-каратели найдут фото сынов твоих — не пощадят! Для них вы все есть партизаны!!! Всех вас сразу... бом-бом!» Мама заплакала. Утирая слёзы концом старенького чистого платочка, она сняла фото со стены и... спрятала его в надёжное место.

Шло время... Каждый день жизни был для всех нас испытанием и приносил много горя. В один из таких дней к нам в дом вбежала соседка Лида, которая жила напротив нашего дома через дорогу. На ней не было лица. Бледная, с искажённым от страха лицом, она металась по нашему дому и обмирала. Ноги её подкашивались. Она падала на колени и шептала едва слышно: «Андрей Никонорович! Спасите! Христа ради! В деревню пришли отборные каратели. Они хватают евреев и тут же уничтожают... В руках у них списки... наш деревенский полицай с ними. Дети мои успели выскочить и разбежались в разные стороны».

Недолго думая, отец открыл крышку подпола, и она успела спуститься в подвал. Едва подпол закрыли крышкой, как в дом ворвались вооружённые немцы. Было видно, что они знают, кто им был нужен. Искали нашу несчастную соседку, уже немолодую женщину еврейского происхождения.

Нелюди искали её везде. Открывали шкафы, выбрасывали из них наши вещи, перебирали документы и швыряли их на пол. Проверили все подсобные помещения. Моя мама несколько раз обмирала и падала в обмороки...

Открыли и крышку подпола. Вниз была спущена широкая и добротная лестница, с любовью изготовленная самим хозяином дома. Все углы подпола немцы осветили фонариком, но, видимо, с Божьей помощью никого там не обнаружили. Грубо и напористо спросили они маму: «Есть кто там?» — и показали вглубь подпола. Как никогда спокойно и уважительно, Гарпина Стефановна ответила карателям: «Никого там нет, пан! У нас ведь здесь штаб немецкий стоит! А наша семья помогает немцам по хозяйству». Наверно, это и спасло всех нас! Не стали каратели спускаться ступенькой ниже. Не догадались! Всего одна ступенька — цена жизни всей нашей семьи, в том числе и моей тоже!

Позже мы узнали о том, что, кто прятал евреев у себя дома, тех расстреливали всей семьёй прямо на месте... Но это было позже! А в тот момент мы сидели тихо, тесно прижавшись друг к другу, оцепенев от ужаса, который постепенно начинал овладевать нами. Мы смотрели в проём открытого подпола и не верили своим глазам. Соседка Лида, еле живая от страха, медленно выползала из подвала. Всю свою жизнь она не забывала моих родителей, помнила, кто подарили ей вторую жизнь. Наша семья стала для неё родной. Спасённая нами Лида ходила к нам в гости, всегда старалась помочь и поддержать нас. Благодарила моих родителей! Говорила: «Если бы не вы, то нашли бы меня немцы и убили. Вы мне жизнь спасли! Рисковали ради меня всей своей семьёй! Бог нас всех спас!»

На протяжении всей своей жизни мама задаёт себе один и тот же вопрос: «Кто мы? Почему мы победили в такой кровавой и страшной Войне? Что в нас такое особенное, что определило Победу?» Заглядывая внутрь себя, с трогательной и радостной грустью она говорит: «Это всё потому, что мы православные люди! Вера у нас такая! Бог нам помогает!»

Сосновский район

Николай Банных

Вспоминая наставника

Прошло уже семьдесят четыре года с момента окончания Великой Отечественной войны. Всё меньше и меньше в живых остаётся фронтовиков. Мне хочется рассказать об участнике Великой Отечественной войны, моём наставнике Михаиле Георгиевиче Токареве.

Михаил Георгиевич Токарев родился 18 января 1924 года в селе Красносёлка Увельского района Челябинской области. С 8 лет остался сиротой.

В 1942 году был призван в Красную Армию. Награждён орденами и медалями.

Так, из приказа командира 1174-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии Долматова от 03 августа 1943 года следует: «От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю медалью “За отвагу” рядового роты автоматчиков полка красноармейца Токарева Михаила Георгиевича за то, что в боях за высоту 244,9 он, ворвавшись в траншею противника, уничтожил 5 немцев, захватил ручной пулемёт и секретные документы и доставил их в штаб».

В ноябре 1943 года М. Г. Токарев был демобилизован из армии. С марта 1944 года по март 1946 года Токарев — оперуполномоченный НКВД в г. Карталы.

С 25 марта 1946 года Михаил Георгиевич перевёлся в органы прокуратуры. Сначала работал следователем прокуратуры г. Коркино, а с 25 марта по 01 августа 1952 года, следователем прокуратуры г. Еманжелинска. С 01 августа 1952 года — следователь облпрокуратуры.

15 ноября 1952 года назначен на должность прокурора города Карабаша. С 8 октября 1955 года по 29 августа 1961 года — прокурор города Кыштыма. Затем работал Чебаркульским прокурором, а с 17 мая 1971 года назначен на должность начальника отдела Челябинской областной прокуратуры по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел.

Старший советник юстиции М. Г. Токарев неоднократно поощрялся приказами Генерального прокурора СССР, прокурора РСФСР и прокурора области.

Ему присвоены звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» и «Почётный работник прокуратуры». Умер Михаил Георгиевич 8 июня 1985 года от постинфарктного кардиосклероза. 10 июня 1985 года он был исключён из штата прокуратуры Челябинской области в связи со смертью.

Михаила Георгиевича Токарева я впервые увидел в 1977 году. Он тогда мне показался очень суровым и даже черствым человеком. И такой образ его во мне закрепился вплоть до той встречи, когда я познакомился с ним ближе. Это было в 1980 году. Я работал старшим помощником прокурора Сосновского района. Поддерживая обвинение по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР (причинение тяжкого вреда здоровью), я предложил суду применение к подсудимому условного лишения свободы. Мотивировал это тем, что преступление совершил муж в отношении жены и потерпевшая простила супруга. Подсудимый все время находился на подписке о невыезде и никаких правонарушений не допускал, а с момента совершения преступления до рассмотрения уголовного дела прошел год, так как дело по вине следователя пролежало в его сейфе. Однако суд со мной не согласился и определил наказание в виде реального лишения свободы. Осужденный, не согласившись с приговором, подал кассационную жалобу в областной суд. Вот тут я и был приглашен начальником отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Токаревым Михаилом Георгиевичем на беседу. Я, очень волнуясь, зашел к нему в кабинет и остановился около двери. Мне казалось, что этот сурового вида человек начнет «снимать с меня стружку». Токарев, заметив мою нерешительность, посмотрел на меня таким теплым взглядом, что вся моя робость сразу прошла. Михаил Георгиевич указал мне на стул и без всяких предисловий спросил: «Как ты дошел до такой жизни, что за причинение тяжкого вреда здоровью ориентировал суд на применение подсудимому условной меры наказания?» Я уже знал, зачем я был вызван к начальнику УСО, и изложил ему свою позицию.

— Ну а почему же ты в таком случае не принес протест на приговор суда?

— Да разве бы меня поддержали, — ответил я.

— Значит, ты был неправ?

Я замаялся, не зная, как ответить, ведь в душе я считал себя правым. Токарев продолжил: «А ты не подумал о том, что судья мог полагать, что ты взял взятку». Лицо мое побагровело от возмущения. Увидев мою реакцию, Михаил Георгиевич примирительным голосом сказал: «Ты пойми, что я так не думаю и вряд ли так посчитал судья, но ты сам должен просчитывать свои действия, чтобы никто не смог даже предположить чего-то подобного. Возникают у тебя какие сомнения, не стесняйся, обращай в наш отдел, а можешь и лично ко мне. Ну, все понял?» Я в ответ кивнул. «Тогда будь здоров, успехов тебе», — заключил Токарев, уже широко улыбаясь, пожал мне на прощание руку.

С тех пор отношение у меня к Михаилу Георгиевичу изменилось. Я понял, что это добрый и мягкий по характеру человек, несмотря на кажущуюся его суровость. Я уже не стеснялся иногда советоваться с ним по некоторым сложным вопросам в ходе рассмотрения уголовных дел в судах.

Особенно запомнился мне один случай, когда Михаил Георгиевич помог мне в моём конфликте с прокурором области М. Г. Киселёвым. Я тогда занимал должность заместителя прокурора Сосновского района. В ходе общенадзорной проверки, проведенной прокурором отдела общего надзора Яценко и мною, в одном из совхозов района был выявлен факт порчи нового урожая капусты в несколько десятков тонн. Было возбуждено уголовное дело, а расследование прокурор области поручил заместителю прокурора района, те есть мне. В это время прокурор района заболел, и мне в течение почти трёх месяцев пришлось исполнять его обязанности. По делу необходимо было провести несколько экспертиз. Директор хозяйства, по вине которого произошла порча, являлся народным депутатом местного Совета, а исполком в даче согласия на его привлечение к уголовной ответственности отказал. Расследование уголовного дела затягивалось, и прокурор области Михаил Георгиевич Киселёв вызвал меня для доклада по делу и объяснения причины задержки его окончания. Однако встреча началась не с доклада, а обвинений меня в волоките и неспособности донести до исполкома важность и необходимость решения вопроса о даче согласия на привлечение нерадивого директора к уголовной ответственности. Никаких объяснений прокурор области слушать не стал, а, разгорячившись, заявил, что в таких работниках он не нуждается. Я также вспылал и в ответ закричал, что я работаю не на Киселёва, а если я плохой сотрудник, то немедленно пишу заявление об увольнении. М. Г. Киселёв по внутренней связи вызвал М. Г. Токарева. Токарев почти вбежал в кабинет и вытолкал меня в коридор, а затем завел в свой кабинет и сказал: «Сиди, сейчас приду». Начальника УСО не было минут десять. Я за это время достал лист бумаги и, чуть успокоившись, хотел писать заявление об уходе. Токарев, вернувшись, сел на стул и громко засмеялся. Меня это обидело, и я сердито спросил: «Михаил Георгиевич, что тут смешного?» Он ответил вопросом на вопрос: «Ты который раз был в этом году у Киселёва?» «В первый раз», — ответил я. «А вот я, — продолжил Токарев, — по три-четыре раза на дню бываю и стою по струнке. Некоторый раз такого наслушаешься в свой адрес, но стоишь, молчишь и думаешь, как поправить дело. Но я-то кто, всего-навсего Токарев, так, небольшая сошка. А ты — другое дело. Величина. Ты же Банных, разве тебе может указывать какой-то прокурор области». Слова Михаила Георгиевича облегчили мне душу, и в конце речи я уже заулыбался. «Ну вот, Николай, — заключил свою речь Токарев, — отправляйся домой и работай, главное, не расстраивайся. А с Киселёвым я ещё поговорю». Попрощавшись, я поехал домой. Многие в прокуратуре знали, что два Михаила Георгиевича являются друзьями, но всё-таки в глубине души было неспокойно, как отразится на моём будущем мой разговор с прокурором области. Через несколько месяцев я вновь был вызван к М. Г. Киселёву, где он предложил должность прокурора Варненского района. Я дал согласие. Затем, естественно, зашёл к Токареву. Увидев моё мрачноватое лицо, он спросил: «Ты чем-то недоволен?» Я ответил, что мне предложили ехать в Варну. «Вот и прекрасно, тебе доверили самостоятельную работу». — «Это так, но от райцентра Сосновского района до черты Челябинска всего семь километров, а до Варны по шоссе около трехсот». — «Ты не понимаешь своей выгоды, — продолжал Михаил Георгиевич, — сейчас поработаешь подальше от областного центра, зато потом тебя переназначат ближе и ближе, может, и в Челябинск. Я вот начинал работать в Картахалах, ничего страшного, ещё дальше Варны. Когда поедешь к месту нового назначения, обязательно зайди».

Перед отъездом в Варненский район я вновь зашёл к Михаилу Георгиевичу. Токарев беседовал со мной минут двадцать. Точнее, говорил он, а я слушал. Много наставлений дал он мне, за что я ему был благодарен всю последующую прокурорскую жизнь, да и не только прокурорскую.

Работая в Варне, я по приезду в областную прокуратуру почти всегда заходил к Михаилу Георгиевичу. Мне эти встречи придавали внутренние силы от его теплых слов и также его веры в мои возможности.

Внезапная смерть Михаила Георгиевича 8 июня 1985 года от постинфарктного кардиосклероза лично меня потрясла. Я потерял старшего товарища, к которому я мог обратиться за советом в трудные моменты. М. Г. Токареву был 61 год. Военные годы, да и прокурорская деятельность, конечно, повлияли на его здоровье. В моей памяти и в моём сердце Михаил Георгиевич Токарев останется навсегда.

с. Еткуль

Вера Кузьмина

118

Граффити № 2(38) - 2019

* * *

Ну когда же косилки жалели траву?
Все не так, все не так, золотые ребята.
Что? Мечусь вроде белки — то минус, то плюс?
Мне хотелось бы верить, что будет как надо.
Обними. Я бабёнка, я просто боюсь —
хоть и легче, когда уже нет листопада.
Листопад? Это люди, и людям — лететь,
а во имя чего — в курсе царь-государик.
Посмотри: по краям застывает Исеть,
а над нею луна, как китайский фонарик.
Почему же вот так-то: с чего ни начни,
хоть с годов, хоть с родни, — перейдешь на большое?
В ткань родимой земли мы вплелись не почти —
нас не вырезать, только порезать лапшою.
Что же, многих порезали — дыры черны,
и насквозь — на морозце звенящее имя...
Время Брежнева было предзимьем страны,
время Путина — может, предзимье предзимья.
И не дай нам Господь горбачевской зимы,
ельциноидной осени с пьяным психозом:
нажрались — не хотим повторения мы...
...Посмотри: вся в снегу молодая береза!
Хорошо похрустеть под ногами ледком,
синевою прохвачены сосны и ели.
Ладно, сядем рядком, побазарим ладком:
и тебя ведь, Петрович, поди, не жалели.
В общем, хватит! Хоть сколько седи да скули,
что застыла река и березы поникли.
Те, кого не жалели, — опора Земли:
затвердели, к тому же пиццать не привыкли,
и, как в песне поется, не надо жалеть,
ведь и мы никого... вру, я бабку под старость...
холодает, Петрович, не греет жилет,
и на ветках кустов серебрится стеклярус,
и — Петрович, Петрович, еще поживем!
Надо жить и латать эти черные дыры.
Зря пищу: есть пальто, одеяло и дом,
на столе пирожки золотятся от жира.
Пусть пороша засыпала клевер и сныть
и назавтра прогноз обещает метели —
мой хороший, в предзимье так хочется жить,
что как будто бы взяли и вдруг пожалели.

г. Каменск-Уральский

Откуда приходит Новый год

сказка

В лесу, в большой и тёплой берлоге, никак не мог уснуть маленький медвежонок.

Он ворочался с боку на бок, вздыхал и ворчал:

— У-ух, хм-м, хы-ы-ы!

Его мама, большая медведица, лежала на боку и ровно дышала. Она спала, как и полагается всем бурым медведям зимой. Медвежонок ткнул носом в мамин живот, закрыл глаза, пытаясь уснуть. Нет, не спится!

Медвежонок перевернулся на спину. Темно, ничего не видно. И тут над его головой откуда-то сверху послышались странные звуки:

— Бу-ух-х, бу-у-ух! Хру-ум, хру-ум!

Медвежонок прислушался, приподняв голову. Он услышал над своей головой топанье, какую-то возню и совсем непонятный шум. Медвежонок присел, посмотрел на маму. Мама не издавала никаких звуков, она крепко спала.

«Что это там? — подумал медвежонок. — Там тоже кто-то не спит? А кто? Пойду посмотрю».

И любопытный медвежонок стал выкарабкиваться из берлоги. Высунув сначала мордочку, медвежонок от испуга зажмурил глаза и попятился обратно. Ему в нос ударил свежий морозный ветер, а в глаза блеснуло что-то невообразимо яркое. Но любопытство было сильнее страха.

Медвежонок, зажмурившись, всё-таки вылез из своего снежного дома. Втянул носом холодного, колючего воздуха. Морозец защекотал ему нос, и медвежонок чихнул:

— А-ап-пчи-хи! — И открыл глаза. — Ого! Как красиво, — выдохнул с удивлением медвежонок. Он разглядывал всё вокруг и вздыхал от удовольствия: — Х-хы-ы, хм-мы, хм.

Он увидел густой сосновый бор. Вокруг было белым-бело. Падали, сверкая на лету, снежинки, укладываясь на землю ровным пуховым одеялом. Огромные сосны держали на своих лапах большие сугробы снега. Снег от света луны и звёзд искрился и переливался. Мохнатая мордашка медвежонка расплылась в улыбке:

— Ух, ты! Красота какая! — умилялся медвежонок.

Вдруг он услышал какой-то шум совсем рядом. Медвежонок повернул голову и увидел, что неподалеку, прямо над его берлогой, прыгают, бегают какие-то зверьки. Медвежонок развернулся и подошёл к ним поближе.

— Быстрее, быстрее!

— Давай, давай!

— Не успеем! Не успеем!

Это были маленький бельчонок, длинноухий зайчонок и две пушистые лисички. Они все суетились, куда-то убежали, потом возвращались обратно и что-то складывали на огромный пенёк, стоявший возле большой заснеженной ёлки. Медвежонок сел на задние лапы и застыл в изумлении. Зверята бегали, прыгали туда-сюда и совсем не замечали медвежонка. Пока маленький бельчонок не ударился в него головой.

— Ой-ё-ёй! — вскрикнул бельчонок, потирая свой лоб.

— Ого! Смотрите, медвежонок проснулся! — закричал удивленно и в тоже время радостно бельчонок.

— Где? Где? Где? — друг за другом прокричали зверята.

— Да вот же он! — ткнув лапкой в медвежонка, сказал бельчонок.

Лисички и зайчонок подбежали и уставились на застывшего от удивления медвежонка.

— Что это он молчит? — спросили лисички. — Он замер или спит?

Зверята, подошли вплотную к медвежонку и стали его тормозить кто за лапу, кто по голове, а кто и в живот тихонько толкнул. Медвежонок встрепенулся и заговорил:

— Не, я не сплю! Я думаю...

— И о чём же это ты думаешь? — хихикнул зайчонок.

— А я думаю, что это вы тут делаете?

— Мы к празднику готовимся, — почти хором ответили зверята. — Скоро Новый год придёт, торопиться надо!

— Праздник? А что это за праздник? — удивлённо спросил медвежонок.

— Ой, ну что ты! Неужели не знаешь? Сегодня ночью наступает Новый Год, вот мы и готовимся его встречать. Праздник, это когда всем весело, когда дарят друг другу подарки, — объяснили они.

— А, понятно! — протянул задумчиво медвежонок. — Можно мне с вами встречать Новый год?

— Да, конечно, можно! — радостно отвечали ему. — Вот видишь наш большой пенёк? Сюда мы приносим свои запасы и дарим друг другу. Кто морковку, кто орешки, кто гриб сухой. А в праздник надо есть угощения и вокруг ёлки прыгать.

— Где же мне взять подарки? — смутился медвежонок. — Я не знаю!

— Иди под снегом подкопай, может, чего и найдешь! — посоветовали зверята.

— Это можно! — обрадовался медвежонок и побежал искать под снегом подарки. Вот сугроб. Снег сверху плотный, как бы застекленевший. Медвежонок ударил со всей силы лапой по этому снежному стеклу. Получилась небольшая ямка. А теперь можно рыть носом, снег внутри ямки мягкий, рыхлый. И опять лапой, и опять носом! Нет, ничего нет под снегом. Побежал медвежонок к другому сугробу. Опять лапой — бух! По застывшему снегу. И носом, носом. Вдруг нос втянул в себя сладкий и пряный запах. Это были замёрзшие ягоды на небольшом кусточке. Медвежонок облизнулся. Но тут же вспомнил про друзей и про подарки.

— Нет, не буду есть — проворчал медвежонок. Он вырыл кустик и радостно закосилапил к большому пеню.

— Вот, вот! Уфф, уфф! — сказал медвежонок, положив кустик на пенёк. — Вот подарок!

— Ура, ура! — закричали зверята. — Новый год пришёл! С Новым годом!

И все бросились друг друга поздравлять. Друзья прыгали и бегали вокруг ёлки, смеялись и веселились от души. Медвежонок тоже подпрыгивал, правда, это у него получалось неуклюже, и смеялись над ним, но он не обижался.

Напрыгавшись и насмеявшись, зверята стали угощать друг друга своими припасами. Стоят они вокруг пенёчка, жуют угощения и смотрят на небо.

— Небо сегодня звёздное! — сказали лисички.

Медвежонок поднял голову вверх и раскрыл рот от удивления.

— Ого! Как много звёзд! — проговорил он.

— И все такие яркие! — с восхищением добавил зайчонок.

— А ты знаешь, — хитро улыбнувшись, спросил бельчонок, — что на небе живут медведи?

— Как это? — недоверчиво спросил медвежонок.

— Вот, смотри, видишь, звёзды выстроились в ряд, и это строение очень похоже на ковш?

— Да, вижу, — задрал голову, ответил медвежонок.

— А вон там, чуть подалее, смотри, ковшик поменьше, — продолжал бельчонок.

— Ага! Вот он! — увидев, ответил медвежонок.

— Так вот это и есть Большая Медведица и Медвежонок! — со знанием дела сказал бельчонок.

Тут все замолчали и стали внимательно смотреть на небо. Каждый хотел увидеть свою звезду. Бельчонок был уверен, что вот эти три маленькие, но яркие звёздочки, конечно же, белка! Зайчонок смотрел, смотрел, но так и не нашёл свои звёзды. А лисички спорили:

— Вот, вот! Это наши звёзды, точно, точно, это они, смотри!

— Да нет же, ты не туда смотришь! Смотри левее, вон где они, видишь?

И только медвежонок смотрел на созвездие Большой Медведицы и улыбался, как будто он увидел там свою маму, ну или хотя бы бабушку.

Неожиданно с неба посыпался снег. Да такой крупный. Большими мягкими хлопьями.

Праздник закончился снегопадом. Друзья засмеялись и стали разбегаться по своим домам.

Медвежонок отыскал свою берлогу, залез в тёмное своё убежище и улёгся рядом с мамой медведицей. Полежал, немного поворочался с боку на бок, потом уткнулся носом в мамин живот, вздохнул и закрыл глаза. Спать. Как же хочется спать! Неожиданно медвежонок вздрогнул и открыл глаза. И спросил непонятно у кого, наверное, у себя:

— А откуда приходит Новый год? Я так и не понял.

Но уставшие, сонные глаза медвежонка опять закрылись. Спать. Спать.

Медвежонок спал и улыбался во сне. Может быть, он догадался, откуда приходит Новый год, а может, обо всём уже забыл, и ему просто было очень хорошо рядом с мамой. Спать, надо спать. До будущей весны.

Девочка-русалка

Жила-была девочка. Она очень не любила мыться. И вот однажды девочка увидела, что ее ноги склеились, на них выросла чешуя. Она не могла ни ходить, ни прыгать, ни танцевать. Когда родители увидели, что случилось с их дочерью, они долго плакали. Приглашали самых лучших докторов, чтобы те вылечили их любимую дочь, но все попытки были безуспешными. Тогда родителям ничего больше не осталось сделать, как отнести девочку к озеру и оставить ее там. Стала девочка жить на озере. И превратилась она в девочку-русалку.

Однажды теплым летним днем дети пошли купаться на то самое озеро, где жила девочка-русалка. Она увидела ребят и спряталась в камышах. Ее никто не заметил, лишь только одна девочка Лида, увидев в камышах что-то странное, поплыла туда.

— Ты кто? — спросила шепотом Лида, подплыв к камышам. — Как тебя зовут?

— Я девочка-русалка, а звали меня раньше Дашей.

— А что ты тут делаешь? — снова спросила Лида.

— Я здесь живу. — ответила русалка.

И девочка-русалка рассказала Лиде свою печальную историю.

— Не горюй! — сказала Лида. — Давай я каждый день буду приходить к тебе, принесу мочалку и мыло, мы будем вместе отмывать твою чешую. Может быть, что-нибудь и получится?..

— Хорошо, — ответила девочка-русалка.

Лида, как и обещала, принесла мочалку и мыло. Они каждый день мыли чешую девочки-русалки и вскоре заметили, что чешуи становится все меньше и меньше. И вот в один прекрасный день девочка-русалка стала снова обычной девочкой Дашей. Чешуя полностью исчезла, как будто ее и не было совсем!

Когда девочки пришли к Дашиным маме и папе домой, они очень удивили их. Все обнимались и радовались случившемуся чуду!

После этой истории Даша не ленилась мыться. И она была очень рада, что у нее появилась такая верная подруга, Лида!

г. Магнитогорск

Сергей Романцов

Воспоминание воздуха

122

Граффити № 2(38) - 2019

* * *

ангел взлетает с колонны
в дымы котельных
в смог выхлопные газы
голые ветви
запах сожжённых костей
сонмы чернеющих птиц
обмороженные ранетки
крыши пятиэтажек
рубиновое табло на школе
минуя время давление температуру
гравитацию прочие
физические величины
взлетает и не улетает
болото мёрзлое
чёрные лебеди в шахтах полуслепые
держат его за колонну яма
ангела еман
желинск

* * *

птица произрастает из леса из
горсти его где листва наиболее
перната и сквозняк сгущается
до консистенции
полёта

проявляется в штриховке ветвей невесомым
росчерком клокочущего звука дерева
отращивают слух исполнить эти
сонорные возгласы

волглые лапы обретают трепет
крылья изучают ветер им
неизвестно о плотности камня материи
застывшей в пространстве

закончив полёт птица распадается на
ветви и ожидание в темноте изымается
из времени оставляя лесу сомнамбулическое
воспоминание воздуха

* * *

одному старому мудрому китайцу
снилось что он ночная бабочка
в шанхайском порту
которой снится
что она старый мудрый китаец
так он и не мог понять кто он
на самом деле

он не знал
что портовые ночные бабочки спят
без снов
после тяжёлой рабочей ночи
а если что им и снится
то конечно не старые извращенцы
(этих и наяву хватает)

нет
им снится
что они бабочки перелетающие
солнечный летний луг

есть только лёгкость и свобода
и никакого намёка
на старых (или не очень)
китайцев

г. Еманжелинск

Атаманка

Атаманка — это дорога, проходившая по уйской надпойменной террасе. Она соединяла крепости и редуты Оренбургской линии. Станичные атаманы по требованию верховного начальства выезжали по ней в Троицк, Верхнеуральск и даже в Оренбург. Отсюда и пошло ее название.

Дорога появилась не на пустом месте. Вплоть до XV века по тропам вдоль реки Уй пробирались караваны из Средней Азии в далекий Булгар. В XVI—XVIII веках до прихода казаков по ним ходили охотники и звероловы сибирских татар. Позднее по тракту стали возить почту.

С появлением Новой линии в 1836 году Атаманская дорога хоть и не утратила своего значения, но значительно снизила свой пассажиропоток. В нашем районе Атаманка проходила через станицы Каракульская, Березовская и Крутоярская. Так как это был кратчайший путь в Сибирь, им воспользовались многие люди, в том числе и очень известные. Одним из первых проехал по дороге Иван Иванович Неплюев, начальник Оренбургской комиссии, а с созданием губернии — ее губернатор, один из «птенцов гнезда Петрова». Он осмотрел прилегающие к реке Уй земли и в удобных местах повелел заложить крепости. За время пребывания в должности губернатора им было построено 114 укреплений, возведено 30 заводов. Благодарные жители Южноуралья в наши дни воздвигли ему памятник, который установлен в городе Троицке.

Не единожды по Атаманской дороге проехал Петр Иванович Рычков — основоположник Оренбургской историографии, географ, член-корреспондент Российской Академии наук, исследователь Южного Урала. «Колумбом южноуральских степей» называли этого неутомимого ученого. В своей «Топографии Оренбургской» дает описание реки Уй: «Уй, хотя не из больших рек, но потому знатна, что на ней основана Уйская линия...» Далее среди других дает описание Каракульской и Крутоярской крепостей.

Летом 1829 года, возвращаясь с Алтая, наш район пересек знаменитый и признанный мировой исследователь Александр Гумбольдт. Его экипаж проследовал по Атаманке, приуйскому почтовому тракту, со стороны Омска и Петропавловска. Один из участников вспоминал: «Экипажи часто останавливались по самому ничемному поводу, коими были обнаженный берег реки, придорожный кустарник или невзрачные полевые цветы». Высокий подтянутый чужеземец, отметивший на Урале свое 60-летие, интересовался буквально каждой пядью земли: «Я не могу насмотреться на вашу страну... Никогда я не накапливал такого обилия наблюдений и мыслей». А ведь Гумбольдт объехал весь мир, имел знаменитые труды по геологии, географии, колоссальный пятитомный труд по Южной Америке.

Проехать этим же путем несколькими годами ранее пришлось Григорию Сильчу Карелину, нашему отечественному путешественнику, исследователю Каспийского моря. Карелин первым дал описание заливу Кара-Богаз-Гол. Его образ мастерски изображен в повести К. Паустовского «Кара-Бугаз». Надворный советник Григорий Карелин известен еще и тем, что приходится прадедом знаменитому русскому поэту А. Блоку. В 1822 году в начале своей карьеры прапорщик Г. Карелин был назначен руководителем конвойной команды для сопровождения археологической экспедиции по Оренбургской линии до сибирской границы. Второй раз по этой дороге Григорий Карелин проедет спустя два десятилетия. Увы, мало что изменилось на пограничном тракте.

В 1836 году в связи со строительством Новой линии с инспекторской проверкой по вновь строящимся станицам проехал военный губернатор В. А. Перовский. Он побывал во всех укреплениях, проехав и по Атаманке, посетив Березово и Крутоярку. Одним из сопровождавших был чиновник по особым поручениям Владимир Иванович Даль, более известный как автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». В самом расцвете сил 35-летний писатель, лексикограф, этнограф, в будущем член-корреспондент и почетный академик Петербургской Академии наук Владимир Иванович Даль имел честь посетить нашу землю. Удалось или нет в этой поездке записать ему новые слова, мы никогда не узнаем, но факт пребывания знаменитого человека в нашем крае заслуживает внимания.

В 1876 году Оренбург, центр громадного края, был соединен железной дорогой с Москвой и Петербургом, он стал прекрасной стартовой площадкой для многих экспедиций, отправлявшихся на восток. Одной из них была экспедиция Николая Михайловича Пржевальского. 31 января 1879 года в сильный мороз на двух троечных повозках Н. М. Пржевальский

выехал из Оренбурга и по Атаманской дороге через Орск, Верхнеуральск, Троицк отправился на Петропавловск, Омск и далее на Семипалатинск и Зайсан. Это означает, что он проехал по территории нашего района, хоть этот факт нигде не отмечен. С большой вероятностью можно сказать, что он еще дважды отправлялся из Оренбурга в свои походы, проезжая Атаманкой.

Состоявшимся фактом поездки по приурейскому тракту является и путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича в июле 1891 года. Двадцатитрехлетний будущий российский правитель совершал кругосветное путешествие. Он пересек Средиземное море, Суэцкий канал, посетил Египет, Индию, Китай и Японию. Обратный путь наследника лежал через Сибирь и Южный Урал, в том числе через Усть-Уйку, Крутоярку, Березово, Каракульское, Троицк.

Конечно же, прилинейная дорога не идет ни в какое сравнение со знаменитым Сибирским трактом: Пермь — Кунгур — Екатеринбург — Тобольск. По нему доставлялись грузы, осуществлялась перевозка людей через ямские станции, конвоировались ссыльные. Но тем не менее в XVII—XIX веках определенную известность имел тракт Оренбург — Троицк — Петропавловск — Омск. Часть этого тракта — Атаманская дорога, Атаманка. Ей пользовались жители Нижнего и Среднего Поволжья, Оренбуржья, Южной Сибири. Как уже было отмечено, это был кратчайший путь в Сибирь из этих регионов и, что не менее важно, безопасный. Он находился под охраной казаков. С открытием железнодорожного пути в Сибирь через Челябинск Атаманский тракт потерял свое значение. Постепенно смолкли ямщицкие песни и поддужные колокольчики.

с. Чудиново

24 июня 2019 г. исполнится 80 лет нашему многолетнему автору
Евгении Михайловне Врублевской из Трехгорного.
Желаем юбиляру долгих лет
и замечательных произведений.

Я куда-то спешила

Высоцкому посвящается...

Хрипело горло и краснело,
И жилы рвали полюса,
Когда звучали его песни,
То содрогались небеса.
А пареньком он был заметным:
Да, хулиган, актёр, поэт,
И жил в Москве, в Большом Каретном,
Душой широкой был воспет.
Неравнодушный, справедливый,
Но жизнь была... короткой, злой,
Любовь, стихи да песни с пылом —
Всё пролетело яркою стрелой.
И зазвучали с колокольни
Под звоном чьи-то голоса,
ПОЮЩИЙ НЕРВ, БОЛЬШОЙ ЭПОХИ!
О НЁМ... запели небеса!
Хрипело горло и краснело,
Но струны рвались...
...песнь летела!!!

Эти вёсны

За рекой село моё родное,
Защемило и в глазах слеза,
Захотелось хлебушка ржаного,
Бабушка на ПАСХУ нам пекла.

Говорила: «Сдобы наедитесь,
А вот этот самый вкусный хлеб,
С маком, тмином... ешьте, не спешите,
Мы уйдём, не вспомнить будет грех!»

И опять под ложечкой пробило,
Вот привиделась маманя мне,
За водой на ключ, видно, ходила,
Коромысло аж провисло на плече.

Постою, подумаю о прошлом,
У самой уж седина в висках,
Хорошо, что были эти вёсны,
Где родные в памяти у нас!

Глаза цвета лунного

Открываю глаза цвета лунного,
Аж мурашки по телу скользят,
Пожалей ты меня, будь разумнее,
Позови и верни всё назад.

Я хожу по углям, как по лезвию,
Даже слышно, что сердце стучит,

Небо шторами вмиг занавешаю,
Посмотри, ночь что с нами творит.

Улетевшие, нежные ангелы
На плечо моё снова легли,
Мой желанный, меня не обманывай,
От судьбы никуда не уйти.

Открываю глаза цвета лунного,
Эта ночь, этот сон, эти дни...
Вот теперь уже всё обоснованно:
Коль не сможешь любить... УХОДИ!

Катин блокадный паёк

Катины пальчики крепко держали
Чёрный кусочек мякины ржаной,
Но не ощущая, что замерзали
Ножки, и тело, и шар голубой.

Утром Катюша уже не дышала,
Сжав в кулачок пайку хлеба того,
Видно, ей сил съесть его не хватало,
Так и примёрз в кулачке у неё.

Катин паёк (сто двадцать пять) не отнять,
Как отдирали от мёрзлых рученок,
Мы там не прожили, и нам не понять
Двое мальцов и двое девчонок.

Так, без еды и воды, в Ленинграде
Люди смогли пережить геноцид
И под обстрелом в холодной блокаде
Ждали... когда БОГ в набат зазвонит!

И умирающий, замерзающий,
Но отстоявший тогда ЛЕНИНГРАД
В страшном аду от бомб не смолкающих
ВЫЖИЛ И ВНОВЬ ВОЗРОДИЛ СВОЙ НАРЯД!

Но... всё получилось

Я куда-то спешила,
С кем-то всё спорила,
А с кем-то дружила.

Но меня предавали,
Иногда по нервам
Мне больно стучали.

Я карабкалась в гору,
Вниз катилась потом,
Петь хотелось хором..

Да, но всё получилось
От души да навзрыд.
Грудь опять моя билась.

Встав на тот самый карниз,
Рядом кто-то кричит...
Браво, давай на бис!

г. Троицк

Маргарита Медведева

Я не была на той войне

Для...

*Нине Петровне Полетиной
в ее 70-й день рождения*

Она просто одуванчик божий,
Стремится всем вокруг себя помочь,
И все поступи на нее похожи,
Просты и бескорыстные точь-в-точь.

Кричать она не станет, если злая,
И голос не повысит — это факт,
Всегда душою молодая,
Мила, красива, с добротой в глазах.

Пусть годы пролетели незаметно,
Увы, мой друг, ты знаешь лучше нас,
Хоть пролетели не бесследно,
Зато ты можешь написать рассказ.

О том, что было, где была, что ела,
Какие детки выросли и внуки,
Какие песни ты поёшь и пела
И что от жизни ты взяла, чего хотела.

Сегодня день по-зимнему прекрасен,
Солнце светит и поет душа,
И мир со мною полностью согласен:
Ты словно роза, так же хороша.

Где-то там...

Где-то там, далеко в деревушке,
Есть тропинка, что сердцу родней,
Там на лавочке дряхлой старушки
Обсуждают, кто у власти наглей.

Где-то там, на задворках деревни,
Пастухи табун берегут,
А дома не дворцы и так древни,
Что покой сельчан стерегут.

Где-то там я гуляла девчонкой,
И бабуля была там живой,
За нее хваталась ручонкой,
Чтобы вместе вернуться домой.

Где-то там деревушка стоит,
И тропинка, что сердцу родней,

И окно до сих пор там горит,
По-другому, но все же теплей.

Я не была на той войне...

Я не была на той войне,
Где наши люди в бой бросались смело,
Об отдыхе не думали, о сне,
И год от года время все летело.

Я не была на той войне,
Где девушки на фронт ходили гордо,
У матушки в отправленном письме
Прощение просили, плавав горько.

Я не была на той войне,
Где взрывы эхом разносились,
Мужчинами мальчишки становились,
А матери детей своих лишились.

Я не была на той войне,
Но все же очень больно
Узнать, в какой была беде
Страна, что встала добровольно!
Я не была на той войне...

Осень-злодейка

Осень играючи листья кружила,
И краски пролила, раскрасила все,
А после и вовсе о них позабыла,
Краски померкли, словно во сне.

Голые ветки, пожухла трава,
Холодно стало и дождь без конца.
Осень по-своему где-то права,
Но ошиблась в одном: заморозив сердца.

Холодные руки, холодные губы,
В холодных глазах ледяные слова,
Сжимаются крепче белые зубы —
Об одиночестве ходит молва.

Осень людей проверяет на прочность,
Осенью люди сходят с ума,
Это лишь миг, а какая точность,
Знает, кого проверяет, она.

Вместе останутся, кто не поддался
Холодному ветру осенней поры,
И на защиту тем, кто не сдался,
Встанет любовь, разжигая костры.

Любим кушать

Любим мы покушать знатно,
Начинаем мы творить:
Жарить, парить, кошеварить
И, конечно, поперчить.

Все получится, как надо,
Лишь бы меру знать всему.
В миске делаем торнадо,
А попутно и самсу.

Не нужна нам ваша пицца
И хот-доги ни к чему,
У меня в духовке птица
В фаршированном соку.

В книжке я пишу невнятно
И готовлю, как вандал,
Но зато моим понятно:
Все для них и как на бал!

г. Челябинск

Маргарита Кононенко

Хомутинино мое

* * *

Тишка больше не придёт,
опустел теперь порог...
Кот не встретит у двери,
не укажет: «Проходи!»
Не попросит молока,
не потрёт о стул бока...
Он теперь не поиграет,
и шалить уже не станет,
и гулять не позовёт...
Бедный, ласковый мой кот.
Восемь лет всего ты жил,
от мышей всех сторожил.
Смелым, дерзким был котом,
не был бабником притом,
во дворе тебя все знали,
и коты все уважали.
Кто же смел тебя вот так
покалечить и сломать?
Участь скорбная твоя,
плачу тихо я, скорбя...

Спи, котейка, вечным сном,
был хорошим ты котом...

* * *

Мы между двух миров зависли.
Реальный с нами на земле,
а тот, которого боимся,
потусторонний, — в глубине...
Соседи все живут недружно,
готовы каждого распять,
а тем, кто там, уже не нужно
ошибок наших повторять...
И каждый день, все, просыпаясь,
решают: «Будем начеку!»
И вечер встретим улыбаясь,
и ночью не дадим пинку!»

Добры, милы все на словах,
на деле всё — увы и ах!
И лишь когда мы провожаем,
землёю мир тот посыпая,
твердим все каждый про себя,
что только рая ожидаем,
но не сейчас... и не меня...

* * *

И запюют капли по весне
и спящих ручейком разбудят,
в лесу, увы, не место тишине,
смотри, уже медведь выходит!
Проснутся мушки, вылезут жуки,
и солнцу все подставят свои брюшки.
Лишь снег сойдёт, и где-то у реки
услышишь первый крик кукушки...

* * *

Почти по Крылову

1

Однажды Бог послал вороне сыру...

Чернявка рада: «Вот так разжилась!»
На ель ближайшую всей тушкой
взгромоздясь,
она поторговать решилась:
— Кто хочет сыр-р-р?! А ну-ка, налетайте!

И тут же сразу рядом галки
да сорочьи стайки:
— О, сыр! Он нас пленил!
— О, объеденье!

Ворона:
— Кыш-кыш! Всем сыра я не дам,
его... не раздаю я... даром,
с трудом великим я его достала!

И сразу птицы стали предлагать:
— Назначим цену за него?
— Какую?!

Кукушка:
— Ворона, хочешь, тебе
счастье накукую?

Сорока:
— Могу трещать о сыре
без умолку!

Ворона:
— Ха-ха! И я умею так,
да нету толку!

И птицы сразу смолкли...

— Ах, ворона! Справедливая душа! —
Откуда ни возьмись, сказала вдруг Лиса:
— К тому же как ворона хороша!
Она находчива, проворна!
Зачем вороне сыр?! Вот... дать бы ей мандат!
С неё бы получился де-пу-тат!

Вороне аж дыханье спёрло:
— Вот-вот! Ах, как же ты права, лиса! —
и каркнула во всё воронье горло.

Сыр выпал, с ним плутовка в лес сбежала,
и птицы разлетелись, сыра нет...
И спорить, и просить им смысла нет.

«Уж сколько раз твердили миру,
что лещь гнусна, вредна,
но только всё не впрок,
и в сердце лещец
всегда отыщет уголок...»

2

*Однажды лебедь, рак да щука
везти с поклажей воз взялись...*

Да, только лебедь в небо рвётся,
с собой плакаты, транспаранты:
«Накормим всех! Живём богато!»
А рак, тот трус и пятится назад:
«Ах, как бы воз сбережь?!»
Богатству рад! Пристроил всю родню,
едят и пьют сто раз на дню,
а если что-то с воза вдруг упало,
там втихомолку щука подобрала...

А лебедь всё взмывал под облака:
«Всем с воза хватит, как и обещал!»
А рак, клешней ему грозя, пищал:
— Разгоготался, воз видал?!
Не хватит всем, тут только нам...

«Кто виноват из них
кто прав — судить не нам!
Да только воз и ныне там...»

Былина про Хомутино...

Широка земля та уральская! В ней
таёжных лесов-то множество!
Самоцветами, дичью славится,
неизведанной не останется,
А найдёшь райский край, прославишься!

Хомутиныны — братья крепкие и трудов
земных не чурались.
Снарядились они артелью
да в берёзовый край подались.
Много дней казаки скакали,
на исходе дня всё ж устали:
— Ай, гляди, Иван! Что за озеро?!
— Поспешай, братки! — Вскоре спешились...

— Ай да озеро! Диво дивное!
— Не испить воды... она горькая!
Жажда мучает казаков лихих:
— Ай, гляди! Родник недалече тут!
— Коль вода пресна, заночуем тут...

Манит озеро казаков лихих,
омывает их раны свежие.
Подстрелили дичь, развели костёр,
сытный ужин есть, да трава ковром.
Соловьи в ночи заливаются,
казаки с пути отсыплются...

А наутро чудеса!
Раны где у казака?!
Шрамы быстро затянулись,
словно сызнова родились!

И вскочили на коней,
проскакали пять морей:

— Люди бают, здесь давно,
было лишь морское дно!

— Да, вулкану-то свезло:
грозно фыркал и ворчал,
пять озёр наколдовал!

— В каждой — разная вода,
знать, целебная она?!.

Долго ль, коротко рядились,
да остаться здесь решились.

Избу Ване тут срубили,
крепость здесь соорудили,
от ворогов стерegli!
Дружно все артелью жили!
Девиц-молодух нашли,
вскоре деток завели...

Выйдут, так бывало, братья:
— Ай да край! Ты словно рай!
Ягодами да грибами,
дичью, рыбой, чудесами,
ты полон, мой край-кудесник!..

Так и началось село,
Хомутино моё!
Прирастает с каждым днём,
славится своей водой!
Лечит хвори и напасти,
всё в природной это власти!

Увельский район

129

Графман № 2(38)-2019

Ольга Кучерюк

Оголенные нервы, оголенные души

Как же всё несерьёзно

Душа тянется к звездам,
Сердце хочет любви.
Как же всё несерьёзно
В этой жизни, увы.

Несерьёзно мы любим,
Несерьёзно живём,
Несерьёзную дружбу
Друг с другом ведём.

Будто есть запасная
У нас с вами жизнь.
Ну а этой играем.
Игрой увлеклись...

Душа тянется к звездам,
Сердце хочет любви.
Не жалеть чтоб о прошлом —
Жить серьёзно начни!

Равнодушие

Оголенные нервы, оголенные души
Под расстрел попадают жестоких людей.
Беззащитны они, они безоружны,
Прожигает насквозь их жизни прицел.

Оголенные нервы, оголенные души —
Сколько ходит их по нашей земле!
Люди, будьте добрее.
Что ж вы так равнодушны!
«Оголенных» любите, любите сильнее.

Загляните в себя поглубже

Загляните в себя поглубже:
Что мешает счастливо жить?
Вытащите все вы наружу,
Оставьте способность любить!

Раскидайте по ветру обиды,
Потрясения и страх.
Избавляйтесь от всякого хлама
В своих душах и сердцах.

Обнулите себя по полной
И, как в чистый, прозрачный сосуд,
Положите человечность с любовью:
Самое место им тут....

Сколько стоит ваша доброта

Сколько стоит ваша доброта?
Дефицит она у вас большой.
Продаете за красивые глаза,
У кого нет денег за душой.

Ну а если толстый кошелек —
Возрастает сразу же цена.
А вам, конечно, невдомек,
Что продажная она уже не та.

Нет пользы людям от нее,
Не согреет душу она им.
Не ищите за деньги вы добро
И не продавайте его другим.

г. Челябинск

Валентина Машнина**Весна — такая молодая**

* * *

Зима непросто отступает,
Метели шлёт и холода.
И в бой с Весной она вступает,
Ей нипочём её года!

Весна — такая молодая,
Она красива и стройна.
Зима ещё порою злая.
К Весне она так холодна.

Не совладать с Зимой снежной
В суровый мартовский денёк.
Но солнышко улыбкой нежной
Снега растопит в ручеёк.

* * *

Идёт красавица-девица,
Походкой лёгкою она.
И даже Солнце удивится:
«Ведь это Ранняя Весна!»

Заплакала Зима: ей горько,
Не хочет, видно, уходить.
Обидно было ей настолько —
С крыш льётся ледяная нить.

* * *

Спокойная уверенность,
Достоинством дыша.
В глазах блестит восторженность.
Идёшь ты не спеша.

Привет от Солнца ясного
Нам всем ты принесла.
За ручку Лучик ласково
С собою привела.

Ступаешь нежной поступью,
Природа замерла.
На лужах яркой россыпью
Сверкают кружева.

* * *

Зима, зачем завьюжила,
Снежинки намела?
Они тебе послушные,
А к ним ты холодна.

Труды твои напрасные:
Растают все снега.
Ветра подсушат тёплые,
И зацветут луга.

г. Челябинск

7 мая 2019 г. исполнилось 50 лет талантливому автору из Миасса
Инне Леонидовне Карпюк.
Желаем юбиляру здоровья, семейного счастья
и творческих успехов.

Дела торговые...

Было двенадцать часов пополудни, когда пронзительный женский крик высокой нотой прорезал монотонный базарный гул. Наименее заинтересованные стали отодвигаться от прилавков, вертя головами. Довольно быстро у верхних ворот базара стала собираться небольшая, но весьма плотная людская толпа. В её центре, раскачиваясь над невысокой картонной коробкой и комкая в руках застиранный фартук, причитала тощая, как хлыст, торговка ягодного возраста.

— Зарезал, паразит рыжий! — то и дело вскрикивала она. — Без ножа зарезал! — И, размазывая по лицу черные от туши слезы, тыкала острым пальцем с облупившимся маникюром в «рыжего паразита» из породы боксеров. Собака деликатно нюхала палец, вывалив от усердия тряпочный язык.

— Лорд, Лорд! — представительный тугощекий мужчина, продавив людскую стенку, помахивая поводком, подошел к испуганно завилывшему копчиком псу. — Вот ты где! Пойдем, бродяга.

— Пойдём? — мгновенно прекратив стенать, торговка подскочила к щекастому и с решимостью идущего на abordаж пиратского фрегата ухватила за рукав фасонистой дубленки. — Куда это пойдём? — высоким срывающимся на визг голосом заорала она. — А кто за товар платить будет?

Ошалев от лихого наскока и начисто забыв про тщету погони за двумя зайцами, мужик попытался сделать две заведомо бесполезные вещи: отодрать цепкие костлявые пальцы и завязать светскую беседу:

— Какой такой товар? — давась от натуги, бормотал он. — О чем это ты, мать?

— Ма-ать? — Вспышка ярости подбросила сухое тело, и бритвенные ногти убийственно щелкнули у сдобного лица. Пес, дернувшись, припал к хозяйским ногам. Окрест послышались сдавленные смешки.

— Уймись, Татьяна! — невысокий, весь какой-то серенький тип оттер беснующуюся женщину и принялся устраивать у ног клетчатую сумку. Тара вежливо отозвалась звоном пустых бутылок.

— Слышь, мужик, — коротышка выпрямился, — ты на неё не сердись. — И, ткнув пальцем за спину, где, тяжело дыша, ссутулилась Татьяна, пояснил: — Она тем живет, что пирожками торгует. С чем пирожки-то? — поинтересовался он, обернувшись.

— С мясом по двадцать семь рублей, — зачастив, снова принялась всхлипывать женщина.

— А я-то здесь при чём? — жертва налета все еще ничего не понимала.

— Да ты-то, собственно, не при чем. Но вот собака твоя её коробку с пирожками со столбом перепутала и весь товар опаскудила.

Под свист и задорные подначки хозяин шkodливой псины заполошено уставился на коробку с предательски проступившем на картонном боку пятном и попытался хоть как-то оправдаться:

— Мой пес породистый, — поведя плечами и одергивая дубленку, заявил он. — Просто так гадить не будет. — Злополучное пятно навязчиво лезло в глаза. И, вспомнив, что лучшая защита — нападение, сузив глаза, мужик подался вперед. — А если Лорд это сделал, значит, пирожки дрянные. — И припечатал: — Уж не из собачатины ли?

Притихшая было Татьяна рванулась к обидчику, пылая праведным гневом. Коротышка успел-таки перехватить её за руки, но она вырывалась, одновременно оправдываясь и обвиняя:

— Добрые у меня пирожки, добрые. У кого хочешь спроси! — Голос срывался, пресекаясь рыданиями. Люди вокруг начали осуждающе роптать.

— Вот как бывает — все это только сон,
Вот как бывает — растаял он... —

неожиданно глумливо включилось базарное радио.

Нервы у собаки не выдержали: она взвыла, задергала шкурой на холке и, задрав заднюю лапу, принялась остервенело чесаться.

— Смотрите-ка, — выскочивший из под ног мальчишка засмеялся и тоном, каким некогда его собрат известил мир о голом короле, объявил: — Смотрите-ка, Лорд-то блохастый!

Щекастый побагровел, ломая молнию, выхватил портмоне и, сунув торговке пару синих купюр, под дружный хохот укрылся в базарном чреве вместе со своей скулящей собакой.

Через четверть часа на автомобильной стоянке, примыкающей к базару, худая крикливая торговка в застиранном фартуке продавала пирожки. Народ, огорошенный шумом, толкотней и морозом, вырвавшись на свободу, стряпню раскупал охотно, шмыгая простуженными носами.

г. Миасс

Людия Осминина

Нежданный гость

Ранним весенним утром, захватив с собой пару книг для чтения в дороге по возможности, дорога в деревню местами была ухабистой — и два воздушных саратовских калача в гостинец (родители и сёстры любили этот необыкновенно вкусный круглый хлеб, испечённый из муки высшего сорта, лучше всяких подарков), Нинка со своим новым другом, от которого была «без ума», отправилась к её родителям для знакомства. Молодые люди познакомились на танцевальном вечере в общегититии педагогического института, где прожигали: он учился на «фильфаке» — так представился в первый раз, она — на факультете естествознания. Какие же подарки он ей дарил! Серёжки, браслетки, цепочки, цветные ремешки — всё ослепительно блестело, отливало золотом. На самом же деле это была простая бижутерия, которую Мажид привозил для неё из Таджикистана. Нинка об этом знала, и все её подруги тоже, но завидовали очень.

Наконец из-за пригорка стали появляться дома родной деревни Берёзовка, название которой неизвестно как произошло: дело в том, что в деревне нет ни одной берёзки и, как утверждают старожилы, никогда и не было. Растут в основном ивы, клёны, тополя и множество кустарников. Вот и приехали, знакомое место: много раз отец провожал Нинку в Саратов и в дождь, и в холод, заботился о своей дочке... Нинка, стройная, худенькая, светловолосая с голубыми глазами, очень волновалась, так как не предупредила родителей о необычном знакомом, о том, что придет не одна. Отец был особенно строг, его в деревне все знали и уважали: передовой комбайнер, в прошлом году больше других намолотил зерна пшеницы и тем гордился очень.

Терентьич, так звали отца в деревне, ещё издали заметил идущую к дому молодую пару, сразу узнал свою Белочку, так он называл младшую дочку-любимицу. А кто же рядом? Боже, иностранец! Парень был среднего роста, смуглый, со жгуче-чёрными вьющимися волосами и карими глазами. Красавец, но не для нас... Он остолбенел, но тотчас взял себя в руки и пригласил нежданного гостя в дом.

Поев деревенских щей и толчёной картошки, гость пошёл отдохнуть, прилёг на диван. Отец кивнул дочке, мол, нужно поговорить, и они вышли во двор в укромное место. Тонем, не допускающим возражения, и не узнав даже имени друга дочки, сказал, что сам спроводит его автобусом обратно, а соседу, который с интересом разглядывал незнакомца, когда пара проходила мимо его дома, тот стоял с ведрами воды, скажем, что парень ошибся и должен был сойти в деревне Лопуховка. Напоив гостя свежесваренным чаем, отец так и поступил: со словами: «Извини, парень, никто не должен знать, что ты приезжал к нам с моей дочерью», — отправил его вечерним автобусом в Саратов.

В деревне Берёзовка все были русские: выходили замуж за своих и женились на своих, деревенских. И лишь одинокий пожилой человек, Егор Иванович, проживающий на окраине деревни, в покосившейся от времени избушке, считался иностранцем с фамилией Мешко либо Мёшко, никто из жителей не мог определить нацию. А дед утверждал, что русский, что его прадеду начальница в графе о рождении по ошибке аль по злобе — гуси родни забрели в её огород и пощипали капусту — не дописала букву «в». Так была испорчена простая русская фамилия, которая искалечила судьбу, по словам деда.

...Автобус скрылся за горку, Фёдор Терентьич перекрестился и со спокойной душой вернулся домой. Белочка немного погоревала, но вскоре полюбила другого парня и тоже иностранца — татарина с обычной, ничем не выделяющейся внешностью. Отец был согласен: судьба!

г. Пласт

Тюнькин В. Ф. Покаяние : книга стихов. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. — 56 с.

В новую книгу Вячеслава Тюнькина вошли стихи, посвящённые духовному поиску человека. Об этом красноречиво свидетельствуют названия самой книги («Покаяние») и её разделов: «Люцифер», «Грехопадение», «Семь смертных...», «Грех», «Апокалипсис». Надо отметить, что традиция издавать книгу стихов приблизительно раз в полгода — свидетельство, кроме прочего, зрелости автора. Разговоры о том, что всё написанное, но не изданное отягощает поэта, мешает ему свободно дышать — небеспопченны. Вячеслав Тюнькин с завидной периодичностью освобождается от архивного груза, отправляя свои стихи в самостоятельное плавание под цветной обложкой. Поэт как бы «обнуляется», что даёт ему сил и воображения для новых идей, которые будут воплощены в новые произведения.

К своим «размышлениям и метаниям на пути к Богу» автор приступает без раскочки: в первом же тексте «Предскриптум». Вячеслав Тюнькин с самого начала книги как бы заявляет о своём кредо: даже в самых искренних словах есть второе дно, место для скрытой улыбки или пародии. *Я верю в Бога. / Но Вера моя — не слепая. Я пришёл к Богу / от ума, от многих размышлений. / При рождении я был крещён. / Одну зиму посещал сельский детсад. Помню / первый обед в садике: я тщетно искал образа, чтобы перекреститься.* Это неожиданное воспоминание о детсаде — пример игры, которой автор придерживается уже долгие годы. Стоит читателю проникнуться серьёзностью момента, как тут же появляется ребёнок, не желающий есть кашу, пока не увидит Деву Марию с Младенцем на руках. Карнавал какой-то!

Всё это напоминает «традиционные» молитвы Даниила Хармса, где рядом с совершенно разумным: *Господи, пробуди в душе моей пламень Твой. / Освети меня Господи солнцем Твоим* — появляется смесь физиологии с индустриализацией: *Поверни Господи колею живота Моего / Чтобы двинулся паровоз могущества Моего.* (Пунктуация автора — Я. Г.) Пример такого взаимопроникновения стихов — не единичен. Тексты Вячеслава Тюнькина как бы встроены в общий литературный массив и являются неслучайной частью его уральского сегмента.

А вот отсылка к другому автору: *Плачет бабка-побирушка: / — Ноне скуп народ... / Колький день пустая кружка — / Нешто недород? / — Дома / Пенсия с напёрсток / Да мурлыка кот. / Прокормить себя непросто: / Девяностый год.* (В. Тюнькин). *На углу стоит старушка, / Горб ромашками порос, / Для монет большая кружка, / Синий нос, как купорос: / Как клубничная монета, / Сине-красно-фиолетов. / За углом собор безглавый, / Воронья на нём оравы* (Олег Григорьев (1943—1992), «Купол»). Впрочем, Олег Григорьев доводит увиденную картину до абсурда: *На углу стоит старуха, / Горб ромами порос, / Для плевков большая круха, / К подородку нос присос.* А Вячеслав Тюнькин не сбивается с мотива горечи до финала: *И припомнит перед смертью: / Десятилетие лет... / Обезглавленная церковь... / Сельсовет... / Комбед...*

Но в подавляющем большинстве случаев автор «Покаяния», даже поднимая вечные темы, остаётся верен себе. Ему присущ не просто саркастический, а иногда издевательский взгляд на себя и человечество. *Нам лицедейство по плечу / И походя, / И между прочим... / Намедни: / — Слава Ильичу! / Сегодня слышим: / — Аве, Отче!..*

Примечание, что одна из главок стихотворения «Люцифер» написана накануне падения челябинского метеорита, читается как забавная мистификация. *Я лечу ниоткуда, / Лечу в никуда / Безнадёжно сгорающим / Метеоритом.* Или это всё же дар предсказателя?

Цикл «Семь смертных...» посвящён порокам. Гордыня и алчность, зависть и гнев, похоть, чревоугодие и лень стали героями этого произведения. Здесь (в который раз!) обращает на себя внимание тот факт, что Вячеслав Тюнькин виртуозно находит форму для высказывания и мастерски справляется с задачей. Этот цикл написан сложным размером, некоторые его части построены на аллитерации. *Похоть / Походя / Походила / На хотение — / Бессмысленное, / Без мыслей, / Не беспристрастное — / Страстное...*

Конечно, в такой многотрудной работе, как поэзия, случаются и некоторые неудачи. Стихотворение «Молитва Андрея Рублёва», написанное от лица мастера и наполненное его сомнениями, не вызывает читательского отклика. Потому что в этих сомнениях больше самолюбования, чем веры. И в стихотворении «Аввакум» главный герой не очень убедителен: попытка свести философию жизни (а ведь он, если не ошибаюсь, был «знаменем» всего

раскольничьего движения) к двум восклицательным и одному вопросительному знаку вряд ли имеет шансы на правдоподобие.

Последние стихи книги — лучшие в ней. *Господу делать здесь нечего — / Постыло / Стоять у руля: / Безнадёжно больна / Человечеством / Земля.* Приговор? Да. Но всё же: *В жизнь, которая мне дана, / Верую.* А ещё есть акварельное, несколько противоречащее другим текстам сборника (в нём нет мотива покаяния и скрытой улыбки) стихотворение «Р. Х.»:

Чу! / Утро планеты звенит ручейком в мелколесье / И щебетом птиц — нет на свете / божественной песни! — / Срывает покровы обиды и мелочной лести, / И взор окрыляет, / и душу зовёт в поднебесье... // Христос / Воскресе.

Летунова С. Ю. *Звонница : стихотворения и рассказы.* — Челябинск : Изд. центр «Павлин» Челябинской областной писательской организации ООО «Союз писателей России», 2018. — 112 с.

«Звонница» — второй сборник Светланы Летуновой, включивший стихотворения и прозу. Книга рассматривает проблемы веры и творчества, семьи и Родины, природы и любви. При таком разнообразии тем автор не сбивается на высоколобые рассуждения «о главном», не допускает формального подхода к ежедневным явлениям и поступкам (будь то снег или разлука), стремится к исследовательской работе (попытка увидеть неожиданное в досконально известном). Стихи занимают шесть разделов сборника: одна тема подхватывает другую, переход получается плавным, с переключками и ответвлениями. Можно сказать, что композиционно книга смотрится безупречно.

«На вершине любви» — раздел, посвящённый самому главному в жизни каждого из нас. В этих стихах много женского — чувственного, возвышенного, печального, даже кокетливо-го. Среди всхлипов и вздохов вдруг появляются остросовременные строки: *Рассвет, глотая фонари, / разбрызгивает колкий иней.* Или вот это невероятное наблюдение: *И структурирована мгла, / и расслоён на сферы воздух* («Не поздно»). А в стихотворении «Время любви» это самое время наделено характеристиками... яблока! Любой поэт позавидует такой находке, потому что труднее всего открыть то, мимо чего проходишь каждый день. Розовощёкое, рыхло-печёное, нежно-упругое, терпкое, сочное, сладко-бессонное. Всё это время любви, которое обретает цвет, вкус, запах, форму яблока. Bravo, Светлана!

«Песня невесты» — центральное стихотворение раздела «Первородина», посвящённое русской земле. Невеста опечалена, взволнована, растеряна, она верит в счастье. Всю эту гамму чувств автору удалось искусно передать с помощью стилизации под фольклор. Очень символично, что почти все стихи этого раздела выражают гражданскую позицию автора через женскую долю: тихие колыбельные песни, а не марши и гимны спасут страну от явных и скрытых угроз.

«Звон тишины» — раздел, посвящённый природе. Пейзажная лирика Светланы Летуновой прозрачна, продуманна, сшита изобретательным художником слова. Здесь есть стихотворение Лидии Алексеенко, переведённое с украинского языка. *На дальних холмах зеленели луга. / Шипшина цветы распустила. / Ах, как была мама тогда молода! / Как будто вчера это было...*

Отношение Светланы Летуновой к поэзии — трепетное. И в текстах, и в личном общении она подчёркивает своё преклонение перед этим искусством. В программном стихотворении, которое так и называется — «Поэзия», автор «навешивает» на предмет своего обожания, как на новогоднюю ёлку, многочисленные «игрушки», завалившиеся на дне коробки. Вот существительные, которые определяют суть поэзии в этом стихотворении: окно, вино, эмоции, жажда, монолит, сплав мыслей, чувств, любви, добра и света, время, гранит, инструмент. И это только за первые восемь строк. Набор впечатляет. С помощью стихов мы видим, ликуем, утоляем жажду, крепко стоим на ногах. Наверное, это так. Но нет ли других, менее громких, слов для этого объяснения в любви? Нет ли не столь очевидных и к тому же надоевших эпитетов? Сразу же вспоминается стихотворение «Поэзия», написанное классиком американской литературы Марианной Мур (1887—1972) аж в 1919 году. Это же ровно сто лет назад! *И мне она противна: есть кое-что поважнее всей этой волюнки. / Однако, даже питая к стихам презренье, можно при чтенье / в них обнаружить внезапно определённую неподдельность.* Как же так? Поэзия — противна? А где же мелодия в тиши, сокровище души, сверкающие грани, тембры созвучий? А вот: *...и наш взгляд поразят / «воображаемые сады с настоящими жабами в травке», вот / тогда, согласуясь, / нам она в руки дастся* (перевод Алексея Парина). Она — это поэзия. Что же получается? Сады — воображаемые, а жабы — настоящие. Но всё не так просто. В какой-то момент цветущий придуманный сад

может превратиться в непроходимый, реальный, страшный лес. Жаба противна, но не исключено, что она заколдованная принцесса. Это шутовское (?) определение поэзии как бы настраивает стихотворца на баланс фантазии и правды, требует от него не ограничиваться «высоким полётом», а смотреть под ноги, где больше грязи, чем самоцветов. Думается, что в стихотворении «Поэзия» Светлана Летунова просто увлеклась... поэзией, точнее — вульгаризованным представлением о ней.

Проза — настоящее украшение сборника «Звонница». Автор построил рассказ «Подарок небес, или Ботинки прошлого сезона» на нескольких эпизодах из жизни отца Павла, настоятеля церкви Вознесения Господня. Улыбка угадывается уже в самом названии рассказа. Да, отказ от ребёнка в роддоме — серьёзное событие. Но всё обходится. Светлана Летунова умело работает со словом: история не затянута, язык живой и сочный, некоторая утрированность персонажей проистекает из трагичности и комичности происходящего. Особенно ценно, что отец Павел не произносит длинных монологов о вере и не стремится быть «над схваткой». Умение найти баланс сюжета, характеров, языка — это особое умение. И автор книги овладел этим умением в совершенстве.

И ещё. Сборник проиллюстрирован Александром Разбойниковым. Это стопроцентное попадание: художнику одинаково удалось передать и торжественность, и тишину искренних текстов Светланы Летуновой.

Светом вытканы мгновенья, / В каждом — искорки штрихов. / Я — рабыня вдохновенья / И наложница стихов. // Грош на золото меняю, / Что увижу — то пою. / Ни на что не променяю / Участь «царскую» свою.

Карнаухова Л. М. На алфавитном вираже : стихи. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. — 96 с.

В четвёртую книгу Людмилы Карнауховой вошли стихи разных лет. В её поэзии, как правило, нет чёткого сюжета — стихи развиваются по спирали: «хвост» одной строки как бы является отправной точкой для другой. Куда всё это выведет — неизвестно. Но (за всем малым исключением) стихи заканчиваются каким-то ярким высказыванием, чуть ли не крылатой фразой. Нередка парадоксальная развязка, и тогда спираль текста превращается в сработавшую пружину.

Очень располагает читателя к этим стихам то, что, даже когда адресат их совершенно очевиден (сыновья, отец, брат, внуки, муж), в них никогда не встретишь общих слов, фраз, произнесённых для галочки (что-нибудь типа «мой сын, люблю тебя навеки»). Нет, это всегда разговор по душам. И читатель может стать участником этого разговора, примерив его материал на себя.

Многие стихи обращены к Богу. Но это не призывы, слёзы, стенания, не боязливое раболепие перед высшим разумом, а попытка разобраться в себе и осмыслить происходящее вовне. Это и есть самая что ни на есть духовная поэзия, а не то, что мы привыкли понимать под этой вывеской: восхваление Всевышнего и какое-то недостойное кривлянье перед могуществом Его.

Людмила Карнаухова обладает довольно крепким техническим арсеналом. Она бесстрашно расшатывает ритм некоторых стихотворений («Дорога из пожарищ — на ум пришло...»). Некоторые из текстов построены на аллитерации («Апатия Лопатами Этапами»). Встречается и белый стих («Где ты опять бродила, бродяжка...»). Список таких примеров поэтического мастерства можно продолжать и продолжать.

А жизнь идёт, и дождь идёт — так начинается одно из стихотворений сборника. Сразу же вспоминается Юрий Левитанский и его прекрасное: *Вот начало фильма. / Дождь идёт. / Человек по улице идёт.* Но «фильм» Людмилы Карнауховой — это короткометражка, где двое так и не согрели друг друга: *Стол старый ходит ходуном / Под ходовым товаром, / А счастье не приходит в дом, / И жизнь проходит даром.* Какой-то высшей поэтической правдой веет от этих строчек. А ещё угадывается влияние большого уральского поэта Николая Годины: бытовое (стол, товар) вдруг превращается в метафизическое — то, что не имеет ни очертаний, ни шкалы измерения (счастье, жизнь). Это неспроста, ведь наш земляк — один из любимых авторов Людмилы Карнауховой. *Гуру пророчит новоявленный. / Лениво подняла ладони. / Луна, упавшая на яблони, / В волнах узорных листьев тонет.* За этим стихотворением тоже так и представляется усмешка Николая Ивановича. Но у строчек, приведённых выше, другой автор.

Ещё Людмила Карнаухова любит поэзию Марины Цветаевой. И это чувствуется, например, здесь: *Жгла — себя. Лгала — себе. Не мгла / Застыла! — Души сгоравшей дымом.* Такие хлёсткие фразы с тире — очень по-цветаевски. Только она ещё поставила бы шесть восклицательных знаков, а в приведённом отрывке — лишь один.

Признаётся автор книги «На алфавитном вираже» и в любви к Сергею Есенину. Исповедальность — вот что роднит поэзию певца «страны берёзового ситца» и поэзию Людмилы Карнауховой. *Это кто, на судьбу обиженный, / Раскудахтался мокрой курицей?* — что-то бунтарское и есенинское одновременно прорастает за этими строчками. А вот ещё: *Так ищет нору поближе / подранок от хриплых псов, / где долгие ночи лижет / кровь с молодых бочков.* Да, мир враждебен и почти приравнен к каменным джунглям с их битвами и смертью. Есенин оставил бы этот приговор в силе. Но героиня Людмилы Карнауховой спасается тем, что уводит свою боль в дневник: *Раны мои покроятся / бинтами твоих страниц, / боли все успокоятся, / скроются тучи птиц.*

Людмила Карнаухова — очень разноплановый поэт. *Жека работал в ЖЭКах, / В этом городе — в трёх.* Здесь прослеживается влияние конкретистов. Жека, кстати, к исходу стихотворения всё-таки залез в петлю. Всеволод Некрасов такое вряд ли допустил бы, а Игорь Холин — пожалуйста. Но вот другое изображение, будто вышедшее из-под пера официозного советского поэта: *Мы — новый ветер в парусах / великих праздников, / отторгнутые, пусть простят / нам ветры разные.* Стоит ли напоминать, что неподцензурная поэзия и официоз — это два мира, два образа жизни.

При всех плюсах книги стоит сказать, что сборнику не хватает воздуха. Не стихам, нет, а страницам. Тексты располагаются так плотно друг к другу, что приходится время от времени отводить взгляд, чтобы отдохнули глаза. Хотя такое решение, думается, продиктовано экономической (денежной) стороной дела.

«Людмила Карнаухова, — пишет Николай Година в предисловии к сборнику «На алфавитном вираже», — поэт давно сложившийся, со своим пристальным взглядом на окружающий мир, со своими болевыми точками и тематическими предпочтениями». Лучше и не скажешь.

Последний снег давно растаял, / Сегодня первый дождь прошёл. / «Как хорошо, что мы расстались», — / Твержу себе, — «как хорошо». / Опять мне жить легко и просто / И песни лёгкие слагать, / Никто другой уже не спросит, / Смогу ли в чём-то я солгать, / Откуда ж этой боли щёпоть / На рану раннюю мою: / То тихий крик, то громкий шёпот, / Кому? — никчёмное «люблю».

Кухтурский А. Г. Поляны горький дух : легенды, предания, были. — Челябинск : Цицера, 2019. — 148 с.

Очередная книга Анатолия Кухтурского содержит легенды, предания, были, над которыми автор работал последние несколько лет, и является продолжением сборника «Горцвет». Конечно, поэт из села Чудиново набил руку на преобразовании устного народного творчества в рифмованные авторские произведения. Доказательством этому служат сплошь комплиментарные отзывы на книгу «Горцвет». Но «набить руку» — это одно, а возродить жанр (если он когда-то существовал), превратить малоинтересное (точнее — малопривлекательное, поскольку трудоёмкое) направление поэзии в целую школу со своими законами и традициями — это другое. Да, вероятно, слово «школа» надо взять в кавычки, ведь за Анатолием Кухтурским никто не стоит (и, кажется, никто за ним не следует), но это тот самый случай, когда и один в поле — воин.

Открывает книгу башкирская легенда «Журавлиная песнь». Сама по себе эта история проста, её можно «запечатлеть» в двух абзацах прозы. И только мастер способен превратить этот скучный материал в волнующее стихотворное произведение. Танец журавлей, смятение пастуха, приговор старейшин, нападение орды — всё это описано ёмко, образно, колоритно. *Полыхали багрово зарницы, / Ширь степную сжимали дымы. / Но причастны ли к этому птицы, / Никогда уж не выясним мы.*

Тот, кто возьмёт в руки книгу Анатолия Кухтурского, значительно расширит свой словарь. Мордовская легенда «Торома» рассказывает о берестяной дуде (это и есть торома), объединившей когда-то мордовский народ. Удмуртская легенда «Италмас» поведает читателю о водяном быке, который выходит из болота в безлунные тихие ночи и помогает родиться цветку под названием италмас. Что же делал бык? *Он втягивал радостно воздух — / Настойку соцветий и трав — / Сшибая нечаянно звёзды, / Рога в поднебесье задрав.* Своими могучими рогами бык разбивал светила, и звёздная пыль, оседая на землю, превращалась в прекрасные цветы. Это действие описано так, что на него хотелось бы посмотреть воочию!

Маленькая поэма «Уж ты сад» как бы выбивается из ряда народных легенд. Речь в ней идёт о советском времени, о том, как директор МТС (это машинно-тракторная станция, а не оператор связи) Григорьев пригласил доморощенного агронома Турова вырастить при своём предприятии плодоносящий сад. Урал — зона рискованного земледелия, но Туров

берётся за дело с энтузиазмом. Надо сказать, что автор (как и садоводы в его поэме) пошёл на немалый риск и шагнул на неисследованную территорию. Приметы советского времени помнит большинство читателей этой книги, поэтому Анатолию Кухтурскому надо было точно описать и рабочие будни, и характеры тружеников тех лет. Автор справился с этой задачей очень хорошо. В поэме нашлось место и для лирического отступления — Исаак Туров прижился в любви делу всей своей жизни: *Дай здоровья и мне, сил и бодрости / Сад поднять из посаженной поросли. / Людям в дар поднести — цель единая, / Уж ты сад, моя песнь лебединая!*

Конечно, есть в этих словах, в монологах и поступках других героев поэмы «Уж ты сад» что-то конъюнктурное, шапкозакидательское, что-то из области «догоним и перегоним» или «пятилетку — за четыре года». Но такой ракурс поэт, вероятно, выбрал сознательно, ведь речь идёт о Советском Союзе, где все стремились рапортовать и салютовать.

Когда читаешь поэму «Уж ты сад», то задаёшься вопросом: жили эти люди на самом деле, растили сад? Или всё это вымысел? На помощь приходит раздел «Примечания» — очень полезный в данной книге. Читаем: *В 50-е годы прошлого столетия большую известность приобрёл Лысковский сад при Чудиновской МТС на Южном Урале. Садовод-мичуринец Исаак Николаевич Туров в условиях сурового уральского климата сумел вывести и вырастить морозоустойчивые сорта плодовых деревьев и кустарников. Посмотреть и поучиться к знаменитому садоводу ехали со всей страны.*

Такие стихи, как «Урала годы молодые», наверное, тоже нужны. Они нужны, потому что (опять же) расширяют кругозор читателя. Кто такой хитник? Что такое соболье железо? Большинство из нас не знают ответа. Но в целом этот текст — попытка в нескольких строфах описать три века обустройства здешних мест. В стихотворении есть какие-то общие сведения, но почти нет ничего конкретного. Отсюда и строчки, будто написанные для школьного сочинения «За что я люблю родной край?»: *Ценой непомерных громадных усилий / Урал набирал богатырский разбег. По факту, конечно, правильно, но по существу — пусто.* Такие формулировки, как *богаты по-царски уральские недра* или *железное сердце победно стучало*, не нуждаются в осмыслении. Это клише.

Поэтический цикл «Степь» посвящён Аркаиму. Лирический герой, «отбросив прочь века», сам представляет себя кочевником. В стихотворении «Истукан» раскрывается тайна рождения каменного идола, а стихотворение «Уй» рассказывает о причинах такого имени местной реки. Цикл полон звуков, запахов, видений. Это несомненная удача Анатолия Кухтурского, как и поэма «Собачий сын» — неторопливое полотно, повествующее о трудной судьбе казахского мальчика.

В книге нашлось место и для небольшого прозаического отрывка. Казачья былица (именно так!) «На вкус и цвет» — рассказ о названиях озёр Октябрьского района Челябинской области. Кто их так именовал и почему? Случилось это более трёхсот лет назад, и административного деления Южного Урала ещё не было. Но жизнь здесь уже кипела. На этой территории располагается более двухсот пятидесяти озёр!

Легенды, предания, были, услышанные и обработанные или придуманные Анатолием Кухтурским, — это сплав истории и фантазии, простоты и мудрости. Неоднократно предлагалось внести какое-то из его произведений в план школьной программы по литературе родного края. Возможно, этим произведением станет современная легенда «Зюраткульский лось»: *Этот миф, легенда иль преданье / Наших дней поведает о том, / Как бродил в просторах мирозданья / Звёздный лось, космический фантом. // Великан с ветвистыми рогами, / Тучным телом, мощной головой / Мерил исполинскими шагами / Беспредельный хаос мировой.*

Фёдорова-Косарева Г. С. Принять как благо : рассказы, сказки, этюды. — Челябинск : Изд. центр «Павлин» Челябинской областной писательской организации ООО «Союз писателей России», 2019. — 156 с. (Библиотека прозы Южного Урала)

Книга Галины Фёдоровой-Косаревой «Принять как благо» состоит из рассказов, сказок и этюдов. В сборнике опубликовано более сорока произведений, распределённых по двум разделам. «Сказки и этюды, представленные в новой книге Галины Фёдоровой-Косаревой, обращены к читателю думающему, неравнодушному, чуткому к страданиям и радостям окружающего мира», — уточняется в аннотации. С этим трудно не согласиться.

Малая форма обладает набором своих особенностей. Она тяготеет к бесхитроственному (в хорошем значении) языку и отсутствию сложных сюжетных зигзагов («Счастливый трамвай», «Диффенбахия»). Иногда повествование имеет притчевое начало («Город, Озеро, Гора», «Река и Мост», «Три сестры, три реки»). Некоторые произведения можно назвать городскими

сказками. В них город и его составляющие являются полноправными персонажами, поэтому и пишутся с заглавной буквы: Дом, Квартира, Мост. Лучшее подтверждение этому — сказка «Квартира на продажу», в которой главная героиня (квартира) «держала оборону»: она не собиралась доставаться первому встречному, потенциальный покупатель должен был ей понравиться (да-да). Возможно, это лучший рассказ (или городская сказка?) сборника. Ведь на нескольких страницах чрезвычайно убедительно говорится и о бывших жильцах главной героини, и о нынешних (временами прибегающий программист Кирилл). О будущих новосёлах тоже кое-что становится известно. В повествовании нашлось место и для любовной линии. Умение на коротком дыхании рассказать лиричную и трогательную историю — очевидный талант Галины Фёдоровой-Косаревой.

Другой гранью этого таланта является поэтичность высказывания. Произведение «Молитва реликтового озера» местами читается как стихотворение в прозе. *А люди, они ведь тоже далёкие потомки первых рыб, обитавших в том первом океане. Пусть и давно их предки вышли из голубых вод, всё равно им трудно дышать в сером гигантском каменном улье.* Несколько пафосный язык сказки вовсе не выглядит неуместным и напыщенным, а лишь подчёркивает важность поднимаемой проблемы. *Болели, гибли бессмертные русалки, не могли они играть в свои игры в мутной воде, негде им стало расчёсывать свои нежные зелёные волосы.* Сквозным мотивом не только «Молитвы реликтового озера», но и всей книги можно назвать непростое взаимодействие человека и природы: их многовековые противоречия и неизбежное единение. *Да, Озеро знало, к кому надо обратить свои мольбы. К доброй и прекрасной Матери Земле. Матери всех рыб и водных растений, как и всего живого и растущего на суше. А уж она попросит своего великого Сына, единосущного отцу.*

Герои рассказа «Голос крови», как и соседствующих городских сказок «Краски» и «Просто фикус», живут обыденной жизнью, отвечают на свои бытовые и философские вопросы. Именно в момент погружения в эти произведения, на «экваторе» книги, к читателю приходит понимание, что автором движет идея гуманизма. Ведь среди людей, населяющих сборник, практически нет негодяев и подлецов. Почему же тогда, объединившись под знаменем *развития и прогресса*, мы губим то, что появилось за миллионы лет до нашего рождения? Просто невероятно, что такая тонкая книжка может вызвать в читателе и чувство вины за происходящее, и непобедимую надежду на лучшее.

Что же до сказок как таковых, то не все из них написаны убедительными красками. Так, в «Веронике, Духе горы и Волшебном зайце» героиня примеряет маски, превращаясь в отрицательного персонажа с теми или иными наклонностями. У читателя не получается выкинуть из головы голливудский фильм «Маска» с Джимом Керри, и эта ассоциация портит впечатление от прочитанного. Но это не всё. Чтобы не придумывать сложные связующие сюжетные ходы, автор прибегает к помощи ковра-самолёта. Такой поклон Востоку в этой «уральской» сказке выглядит неуместно. Да и включение в историю Кощея Бессмертного — не лучшая идея. Это уже кивок в сторону русских народных сказок. Авторская же сказка должна повествовать о злодее, придуманном и названном самим автором.

Этюд — это не набросок, а целостное полотно с выписанными деталями «пейзажа», разве что размеры этого полотна невелики. В книге «Принять как благо» представлено более двадцати этюдов. Это самостоятельные короткие рассказы. Они хороши сами по себе, без преобразования в многостраничные истории. Вероятно, именно поэтому автор включил этюды в сборник. Образность и метафоричность языка Галины Фёдоровой-Косаревой заявляет о себе в этом разделе в полный голос. Страницы полны виртуозных находок художника слова: изломанное движение тонкой руки, весёлые хороводы золотых рыб, спящая на боку земля, облака-туристы, падающая тишина и многое другое.

Теперь, когда пассажиры садились в Трамвайчик, все ехали тихо-мирно по своим делам. Скандалов почему-то не возникало, как бывало на других маршрутах. Молодые люди успевали в дороге объясниться друг другу в любви. Враждующие — помириться. Кто-то даже стихи написал за время поездки...

г. Челябинск

Положение о конкурсе
«Одно стихотворение — один победитель»

ТЕМЫ 2019 года:

1. «...Снег блокадный и снег степной, сталинградский бессмертный снег...», Ольга Берггольц (тема предложена победительницей конкурса 2018 года Еленой Бородиной).
2. «Хотят ли русские войны...», Евгений Евтушенко.
3. Война и мир — XXI век.

ПОЧЕМУ ВЗЯТЫ ТАКИЕ ТЕМЫ?

Пишущие стихи авторы не могут оставаться равнодушными перед лицом угроз, войн, конфликтов, попыток искажения истории, беспокоящих население нашей планеты. И, конечно же, не могут не рождаться строчки, отображающие эти тревоги.

УЧРЕДИТЕЛЬ конкурса:

ЛИТО «Грани» (Кыштым Челябинской области).

Ответственный: староста ЛИТО Клепалова М. Ю.

Организация и проведение конкурса осуществляется при поддержке Центральной городской библиотеки имени Б. Швейкина (Кыштым).

ЦЕЛЬ конкурса:

привлечь внимание земляков к поэтическому творчеству.

ЗАДАЧИ:

поддержать традиции русской поэзии;

способствовать созданию оригинальных поэтических произведений;

оживить культурную жизнь родного города.

Состав ЖЮРИ:

1. Петрушкин Александр Александрович, поэт, Кыштым.
2. Шубин Александр Николаевич, поэт, Озёрск.
3. Дворцова Лариса Николаевна, педагог, преподаватель русского языка, Кыштым.
4. Клепалова Марина Юрьевна, староста ЛИТО «Грани».
5. Янис Грантс, поэт, Челябинск.

ПРИЁМ КОНКУРСНЫХ РАБОТ

в рукописном (текст должен быть удобен для прочтения), печатном на бумаге видах — в краеведческий отдел библиотеки имени Б. Швейкина, адрес: 456870, Челябинская область, город Кыштым, улица Республики, 2, телефон: (8 351) 51-412-14, 51-411-50, или в электронном виде с пометкой «Память» на электронный адрес: kraeved50@yandex.ru

К работам прилагаются сведения об авторе: Ф. И. или псевдоним, год рождения; адрес или телефон для связи.

УСЛОВИЯ конкурса:

1. Участником конкурса может стать любой, достигший возраста 14 лет, независимо от места жительства и занятий.

2. Принимаются стихотворные произведения на заданные темы на русском языке объёмом не более 24 строчек.

3. Автор может представить от одного до трёх стихотворений, но в конкурсе будет участвовать только одно от каждого автора — по выбору жюри.

4. Срок приёма работ: с 1 апреля до 1 октября 2019 года.

5. Работа жюри и определение победителя приурочены к дню рождения ЛИТО «Грани» 28 октября. Жюри определяет ОДНОГО победителя и присуждает поощрительные призы.

6. Если у членов жюри возникнут разногласия, решающий голос принадлежит старосте ЛИТО Клепаловой М. Ю.

7. ЛИТО «Грани» присваивает себе право публикации стихотворений конкурса в своём альманахе «Грани».

ПРИЗОВОЙ ФОНД: шесть тысяч рублей.

Поощрительные призы: книги стихов известных авторов.

Публичное вручение диплома победителя, награды и поощрительных призов — в октябре — ноябре 2019 года в Центральной библиотеке имени Б. Швейкина, Кыштым. О точной дате жюри оповестит участников.

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 2(38)/2019

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 27.05.2019 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 11,38.

Заказ № 82.

Тираж 120 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.